

Аркадий Григорьевич Адамов

Личный досмотр

ГЛАВА 1. СУТКИ В ГОСТИНИЦЕ «БУГ»

О чем только не передумал Андрей Шмелев за эти шестнадцать часов, пока экспресс Москва—Берлин домчал его к месту первой работы, в пограничный город Брест. О чем он только не передумал!

Еще в Москве, как только он попал в купе, Андрей, забросив наверх свой чемоданчик, растянулся на верхней полке. Только бы Семен не дергал его, не обращался с дурацкими вопросами.

И Семен не дергал, нет, он, казалось, тоже был доволен, что Андрей не наблюдает за ним и не делает своих обычных насмешливых замечаний. Семен бережно положил на полку два больших чемодана, саквояж и туго набитую сумку, потом аккуратно повесил в изголовье пиджак и, усевшись у окна, закурил, поглядывая с чувством облегчения и даже некоторого превосходства на суетящихся по перрону людей.

Андрей же молча лежал на верхней полке, положив голову на серую, еще без наволочки подушку и упираясь ногами в противоположную стенку купе — полка была ему явно не по росту. Лежал и думал.

Жгутин... Что он за человек, этот Жгутин, будущий его начальник? И еще — Филин, его заместитель. Какие они, как будет работать с ними? Жгутин и Филин... Филин и Жгутин... Ничего о них не знает Андрей. Жгутин, фамилия-то какая. Жгут... Ох, скрутит он Андрея. Крутой, наверно, человек, грубый, властный. Тьфу! Глупости какие лезут в голову. Разве можно по фамилии догадаться, каков человек? Тогда филин какой? Ночная птица, злая, в темноте охотится, тайком...

Андрей улыбнулся. Он знал за собой эту черту. Вот зацепится за какую-нибудь деталь, ничтожный штришок в человеке, и пойдет фантазировать, и уже всего человека представит себе, весь его характер, и даже относиться начинает к нему соответственно. И вдруг оказывается, что все не так, что человек-то совсем не такой, каким Андрей его вообразил.

Вот Семен, кажется, уже кое-что знает о Жгутине и Филине, какие-то сведения собрал. Как хитро он ему сказал по дороге на вокзал, в такси: «А ключики к нашим будущим начальникам подобрать, кажется, можно. Тоже люди и человеки». Хитер Семен и этой своей хитростью и еще чем-то неприятен Андрею. Все пять лет был неприятен, пока учились в институте. И надо же было так случиться, что направление на работу получили в одно место все трое: он, Семен и Люся.

У него с Люсей это произошло совсем неожиданно, одним махом разрушив все их мечты и планы. Андрею до сих пор тяжело думать обо всем этом. А не думать он не может, как ни гонит от себя эти мысли. Впрочем, все было бы еще не так тяжело, если бы не Люся...

Да, это произошло слишком неожиданно. А человеку всегда требуется время, чтобы свыкнуться с предстоящим поворотом в его судьбе. Одному нужно времени больше, другому — меньше. Люсе надо больше.

Все годы они с Люсей были отличниками, в институте им пророчили самую блестящую будущность, больше того — уже имелось даже решение послать их на работу за границу. А если говорить честно, то что может быть интереснее такой работы?

И вдруг все перевернулось.

Конечно, все знают, что за последние годы неизмеримо расширились наши международные связи, что огромное число людей с Запада — друзей и врагов — пересекает сейчас нашу границу, едут к нам и уезжают от нас. А сколько наших людей стало выезжать

за рубеж! Очень возрос и объем внешнеторговых операций. Поэтому возросла и роль таможи. Она стала острым и чутким инструментом нашей политики, важным звеном в торговле с другими странами. Все это понятно. Представитель Главного таможенного управления мог даже не тратить на это столько слов. И, конечно же, теперь в таможне особенно нужны кадры молодых, образованных специалистов, знающих иностранные языки.

Андрей все понял и согласился. Что поделаешь? Надо! А раз так, то у него, коммуниста, другого решения быть не может. Это Андрей усвоил давно. Ставить интересы партии выше личных учил его отец и так сам поступал всю жизнь. Андрей видел это собственными глазами и гордился отцом. Мать иногда пыталась возражать, но отец гладил ее по седым волосам — Андрей почему-то помнил мать только седой — и тихо говорил: «Надо, Шура. Партия приказывает». И оттого, что эти слова произносились не с трибуны и без обычного пафоса, а строго и буднично, с глазу на глаз, маленький пионер Андрей чувствовал, как от волнения спазм сжимал ему горло, он молча глотал слезы и в этот миг готов был идти за отцом куда угодно и делать все, все самое трудное и опасное.

И вот сейчас партия тоже приказала. Это был ее первый, действительно серьезный приказ ему, Андрею. И Андрей подчинился. Ведь он уже давно знал, что «надо» куда важнее, чем «хочу». Он только не знал, что это бывает так трудно.

А вот Люся... Она ничего не хотела знать. Она только требовала, чтобы Андрей не соглашался. И как требовала! Андрей никогда не видел ее такой.

Но он согласился. И вот вместо работы за границей они с Люсей получили назначение в Брест, в таможню...

Давно уже тронулся поезд, давно уже промелькнули пригороды Москвы, дачные поселки. Уже сквозь ватные клочья паровозного дыма были видны лишь бесконечные заснеженные поля до самого горизонта, где они незаметно сливались с серым, унылым небом.

Над обледенелыми нитями телеграфных проводов парили, тоскливо горлая, большие черные вороны.

Андрей все лежал, все курил и думал.

Да, Люся изменилась, И ведь вот что странно: не первый же год знает ее Андрей, и все эти годы они жили дружно и были счастливы. Люся гордилась им, когда он на третьем курсе стал отличником, секретарем факультетского бюро, потом внештатным инструктором райкома. И она в эти годы шла вровень с ним: руководила факультетской самодеятельностью, была избрана членом бюро комсомола. И за все эти годы — ни одной серьезной размолвки. Но за эти же годы — ни одного серьезного испытания, ни одной крупной неудачи.

И вот оно случилось, такое испытание, а может быть, и неудача.

Неудача? Это считает Люся. Она рассуждает так: «Почему именно мы? Разве нет других? Ведь нам же обещали. Это неуважение к людям. Мало ли что кому-то надо!»

Андрей возражал терпеливо, даже как-то виновато. Что значит «именно мы»? Так может рассуждать каждый. Нам обещали? Но всем уже что-то обещали. «Надо когда-нибудь подумать не только о себе, но и обо мне!» — кричала ему Люся. Будто он, Андрей, раньше, думал только о себе. Просто они с Люсей раньше думали одинаково. А теперь... да, Люся очень изменилась. С нарастающей тревогой замечал это Андрей в последнее время, замечал, может быть, по едва уловимым черточкам. Холодно, ох, как холодно становилось Андрею дома! Даже Вовка не согревал, ласковый и веселый его мальчуган.

Все у Андрея как-то вдруг пошло кувырком, все планы, все мечты. И вот они едут с Семеном в Брест. Потом Андрей получит комнату, и приедут Люся с Вовкой. Андрей даже не знает, радуется ли это или нет. То есть Вовка-то, конечно, радуется, а вот Люся...

Незаметно наступила ночь.

Рано утром поезд подошел к развороченному строителями, огороженному дощатыми заборами перрону брестского вокзала. На маленькой привокзальной площади — стоянка такси. Когда они назвали гостиницу, шофер усмехнулся. Минута — и, проехав два моста над

железнодорожными путями, машина затормозила у подъезда.

Города в сумерках наступающего зимнего утра они не увидели.

И вот уже Андрей в своем номере, оглядывает скромную его обстановку. Отдельный кабинет!

— Вам повезло, что зима сейчас, — улыбнулась полная женщина-администратор, выписывая квитанции. — А летом у нас и койки не получишь.

Отдельный номер. Где-то за стеной остался Семен Буланный. Ну, и слава богу, что остался. Распаковывает, наверное, свои чемоданы, баулы и, конечно, сопит.

Андрей подошел к окну. Заснеженный двор. Молодая женщина выносит ведро на помойку. Она бежит через двор в легком платье, которое ветер облепил по ее фигуре; обнаженные красивые руки. Андрей отвел взгляд и, безотчетно вздохнув, взял сиротливо стоявший посреди комнаты чемодан, положил на стул, раскрыл и начал перекладывать на полки шкафа немудреное свое имущество.

Тишина. Он один. Все-таки это здорово, что он один! И только Андрей подумал это, как раздался стук в дверь.

— Шмелев! На выход!

Андрей неохотно открыл дверь. Семен переступил порог и, оглядевшись, сказал:

— По идее нам следует принять пищу, — он слегка щелкнул по стеклу наручных часов. — Только девять ноль-ноль. А начальству надо представляться сытым. Чтобы не было блеска в глазах. Итак, столик на двоих. Как?

— Можно, — коротко согласился Андрей.

Он сдернул со спинки стула пиджак, на ходу пригладил рукой волосы.

Вышли в длинный, пустой, плохо освещенный коридор. По обеим сторонам — двери, двери, двери.

На фоне светлого пятна впереди — там была широкая площадка с окном и лестница вниз — четко выделялись фигуры двух идущих парней. Андрей — высокий, широкий в плечах, неуклюжий, а рядом легкий, стройный Семен. И лица у них тоже были совсем разные. Широкое, румяное, с крупными, неправильными чертами у Андрея; светлые короткие волосы, курчавые на висках. У Семена черные волосы гладко зачесаны назад, мраморный лоб, тонкие черты лица. Выразительные карие глаза его смотрят дерзко и чуть иронично.

Они спустились по широкой лестнице, устланной старенькой ковровой дорожкой, и прошли через узкую дверь в ресторан.

Посетителей в этот час было мало. Светло, просторно. Белые скатерти, вазочки с бумажными салфетками, тарелки с хлебом.

Андрей и Семен расположились за ближайшим столиком, и в тот же миг, не сговариваясь, оба устремили взгляд на сидевшую невдалеке женщину.

Она была очень хороша. Живые, энергичные черты лица, освещенные сейчас лишь задумчивой полуулыбкой, белокурые, вьющиеся волосы крупным пучком собраны на затылке, длинная, тонкая шея. В белой пене кружев обрисовывается высокая грудь. Изыщные ножки, обутые в дорогие туфли на «гвоздиках», небрежно закинута одна на другую, толстая ворсистая юбка еле прикрывает колени.

Женщина сидела свободно, откинувшись на спинку стула, небрежно перебирая рукой бумажную салфетку, и мысли ее, казалось бродили далеко-далеко от этого ресторана, этого города.

Долгую минуту молодые люди не могли отвести глаз от своей неожиданной соседки. Потом молча переглянулись.

— М-да, — восхищенно произнес, наконец, Семен. — Кто бы мог подумать! Открытие.

Андрея тоже поразила красота женщины, красота какая-то особенная, будоражащая, всем открытая, умело «поданная», даже, может быть, чуть навязчиво и зазывно, но это только «чуть», это нисколько не отталкивало.

Он вдруг представил себя с этой женщиной в театре, гуляющим по фойе, представил взгляды мужчин и женщин... Потом они едут в такси домой, он ее провожает, чувствует плечом тепло ее плеча... Андрей нахмурился. Что за дурацкая фантазия!

— Как думаешь, можно познакомиться? — нетерпеливым тоном спросил Семен. — В наше время личные контакты...

— Ладно тебе, — буркнул в ответ Андрей и, вдруг представив себя со стороны вот таким угрюмым и смущенным, добавил с усмешкой: — Которые холостые, тем все можно.

Семен обрадованно потер руки и, встав, сказал:

— Порядочек. Заказ сделаешь сам, а я удаляюсь в творческую командировку.

— Между прочим, все-таки неудобно.

— Неудобно левой рукой чесать правое ухо. Это меня еще бабушка предупреждала. Приветик.

Знакомиться с девушками Семен Буланый умел так легко и свободно, с такой естественной непосредственностью, как никто в институте. «Главное — это находчивость и море обаяния», — хвастливо пояснял он приятелям.

Встав со своего места и огибая столик, Семен тихо сказал:

— Кстати, знакомство может оказаться полезным. Эта фея — штука не простая.

Андрей сердито пожал плечами и углубился в изучение меню. Потом подошла официантка, и он сделал заказ. Только после этого Андрей позволил себе, наконец, скосить глаза на столик, где сидела незнакомка. И тут его взгляд неожиданно встретился с ее любопытным и смелым взглядом. Андрей первый отвел глаза.

О нет, он был совсем не таким уж робким парнем, как может показаться, и в другое время охотно бы познакомился с этой красивой женщиной. Поэтому то, что он так смутился под ее взглядом, задело Андрея. Когда официантка, принесла заказанные блюда, он повернулся к Семену и весело произнес:

— Как говорилось раньше в пьесах: кушать подано. Приглашай свою знакомую за наш стол. Здесь обслуживают быстрее.

— А в самом деле, Наденька, — оживился Семен. — Моему другу иногда приходят в голову остроумные идеи. Пойдемте к нам.

— С удовольствием.

Женщина легко поднялась со своего места.

— Андрей.

— Надя.

За столиком завязался оживленный разговор.

«Кто она такая?» — думал Андрей, то и дело встречаясь с ней взглядом, при этом оба улыбались дружески и весело.

— А теперь скажите мне, кто вы, — обратилась она к Андрею, — а то ваш друг только смеется и не хотят ничего говорить. Я просто сгораю от любопытства. Женщине это простительно, правда?

— Мы приехали работать сюда. В таможеню.

— В таможеню?

Надя немного картинно всплеснула красивыми руками с ярким маникюром. В глазах ее на секунду мелькнул напряженный, пытливый интерес. Но внешне она ничем, почти ничем, не выдала своих чувств. Только чуть сузились глаза; дрогнули брови, когда она посмотрела на Андрея, удивленно переспросив:

— Неужели в таможеню? И это интересно?

— Это необходимо, — пожал плечами Андрей и, взглянув на часы, прибавил, обращаясь к Семену: — Пора двигаться.

— Позволь, мы еще ничего не узнали о нашей знакомой, — запротестовал тот. — Кто же вы-то такая? — обратился он к Наде.

— О, у вас будет случай узнать меня, — кокетливо рассмеялась та. — Мы еще не раз увидимся. В ответ Семен решительно рубанул рукой воздух.

— Тогда так. Встречаемся здесь за обедом. Ну, скажем, часа в три. Сговорено?

Когда они вышли из ресторана, то на секунду невольно остановились. В неподвижном воздухе громадными хлопьями валил снег. Хлопья падали медленно, словно нехотя, и так густо, что за ним еле просматривались дома на противоположной стороне улицы.

Оба зашагали в сторону вокзала.

Андрей шел и думал о предстоящей встрече. И так, сейчас обретут, наконец, плоть и кровь эти бестелесные Жгутин и Филин, его будущие начальники. Уже нет смысла рисовать их себе, придумывать их облик, придавать им характеры. Скоро, совсем скоро он познакомится с ними. Как еще будет с ними работать? Да и что это за работа? Первые сведения о ней Андрей получил лишь недавно, и то из Большой Советской Энциклопедии. Специального курса по таможенной политике и работе таможен им в институте не читали. И на его вопрос после распределения: «С чем ее едят?» — присутствовавший там сотрудник таможни весело ответил: «Ее едят с пошлинами и контрабандистами, с гостями-друзьями и гостями-врагами, словом, приправ к этому блюду много, на все вкусы». Когда Андрей так же шутливо передал эти слова Люсе, она брезгливо повела плечами и раздраженно сказала: «Стоило пять лет учиться». Андрей тогда промолчал, Вообще он за эти дни научился отмалчиваться.

Андрей представил себе Люсю, ее красивое и злое лицо — никогда раньше Андрей не видел на ее лице столько злости, — не обиды, не огорчения или упрека, а именно злости. Потом вдруг, заслоня Люсю, выплыло лицо этой Нади, недавней его знакомой: лицо веселое, полное расположения и интереса к нему.

Андрей покосился на идущего рядом Семена. Тот шел легко и весело, засунув руки в карманы пальто. Шляпа его была чуть сбита набок, обычно бледное лицо разругалось. Видно было, что никакие грустные мысли, никакие сомнения не омрачали Семена.

Снег все валил и валил, мешая ориентироваться в незнакомом городе. Прохожих было мало. Стояла такая тишина, что Андрей слышал шорох падающих снежинок.

Но вот где-то внизу, в молочно-снежной глубине замигали огни, донеслись гудки паровозов, перестук колес. В вихре снежинок замелькали крыши вагонов, проступили черно-белые клочья дыма.

Приятель очутился на краю заснеженного откоса. Тогда они свернули влево, прошли по дорожке, вытоптанной в снегу, и вступили на мост, который вел через железнодорожные пути к вокзалу.

Новое здание вокзала внешне было величественно, как храм. И Андрей, как он ни волновался, все же невольно подумал, что такая архитектура не для вокзалов с их неизбежной суетой, вечно лихорадочным темпом жизни, где люди все время ждут перемен, движутся им навстречу.

Семен остановил первого встречного носильщика.

— Где тут у вас таможня, папаша?

Носильщик стал объяснять с такой охотой и такими подробностями, что Семен, наконец, досадливо сказал:

— Слушай, папаша, у вас все тут такие? И остается время на работу, да? Носильщик обиделся.

— Языки у вас, молодых, больно длинные стали.

Но все же кое-что из его объяснений пригодились. Приятель уверенно пересекли огромный зал ожидания, где на длинных светлых скамьях сидели люди, некоторые оживленно разговаривали, другие ели, разложив на салфетках нехитрую снедь, кое-кто спал.

Между скамьями бегали дети.

За этим залом оказался другой. Сбоку лестница вела на второй этаж. Очевидно, про эту лестницу и говорил им носильщик — другой здесь не было.

Проходя мимо второго зала, Андрей невольно посмотрел в приоткрытую дверь. Зал был большой и совсем пустой. Посередине огромным овалом разместился стол, внутри овала протянулся другой стол, повыше.

— Интересно, что тут делают? — заметил Андрей, кивнув на дверь зала.

— Надо читать вывески, — откликнулся Семен. — Еще Маяковский советовал.

Андрей поднял глаза. Действительно, как он сразу не заметил! Аршинными буквами было написано: «Зал таможенного досмотра».

— Так сказать, наше рабочее место, — продолжал Семен, когда они уже поднимались по лестнице. — Ничего себе столик для занятий.

Они прошли по открытой галерее над таможенным залом и попали в коридор, в конце которого обнаружили дверь с надписью «Начальник таможни».

И тут каждый из них, не сговариваясь, сделал то, что обычно делают перед первым представлением начальству. Андрей поправил шляпу, застегнул пальто. Семен, наоборот, сдвинул шляпу чуть резче набок, расстегнул пальто и небрежно выпустил из него концы яркого кашне.

Андрей постучал. За дверью послышалось: «Пожалуйста, пожалуйста». Она сама открылась, и на пороге ее появился невысокий полный человек в форме сотрудника таможни с одной большой звездой на бархатной петлице. На широком, бугристом носу его сидели очки в темной оправе с очень сильными стеклами, отчего глаза казались за ними неестественно большими. Розовые складки щек напозлазили на воротник форменного пиджака.

Человек, как показалось Андрею, удивленно оглядел молодых людей и добродушно пророкотал:

— Ага. Молодое пополнение прибыло. Он подбежал к столу и прочел запись на перекидном календаре.

— Товарищи Шмелев и Буланный. Так, если не ошибаюсь?

— Так точно, — серьезно подтвердил Семен и тем же тоном, но уже со скрытым лукавством добавил: — Прибыли для прохождения службы под вашим руководством.

— Правильно, под моим, — принимая его тон, усмехнулся толстяк, — хотя и поздно прибыли, — он кивнул на заснеженное окно и тут же энергично замахал руками, словно его кто-то перебивал. — Знаю, знаю. Причины были. Словом, раздевайтесь. Присаживайтесь. Сейчас потолкуем.

Последние слова он произнес с таким смаком, при этом потирая руки, словно собираясь дегустировать вкусное блюдо, а не вести деловой разговор.

Андрей и Семен сняли шляпы и пальто.

Жгутин вначале принялся расспрашивать их об учебе в институте, о том, как случилось, что они решили пойти работать в таможню. Андрею он сказал, что, мол, хорошо, когда приезжают семьями. Это значит — надолго, навсегда. Андрей, подавив вздох, согласно кивнул головой. Потом Жгутин принялся расспрашивать Семена.

Говорил он быстро, весело, напористо, и эта манера разговора совсем не вязалась с его внешностью. Но весь он лучился доброжелательством и словно сам молодел в присутствии молодых людей.

Когда разговор снова перекинулся на работу таможни, Семен, уже вполне освоившийся в новой обстановке, сказал:

— Для начала, Федор Александрович, вы нас не очень загружайте. Самообразованием заняться надо. Ведь мы в этом деле, как говорится, ни в зуб ногой.

— Все придет. Все придет, — хлопотливо замахал, руками Жгутин. — Мастерами станете, контрабанду на два метра под землей чуют начнете. К опытейшим людям вас приставим. Будете пока оба в смене у Шалымова Анатолия Ивановича. Завтра он работает. А сегодня дадим вам наш кодекс таможенный, главнейшие из правил, инструкции. Читайте, усваивайте.

— Сегодня, Федор Александрович, день особенный, — вкрадчиво и многозначительно произнес Семен. — Мы, конечно, изучим то, что вы нам дадите. А вот вы не откажетесь изучить то, что у нас имеется? Прихвачено, так сказать, из столицы.

На лице Жгутина появилось неподдельное удивление. С не меньшим удивлением посмотрел на приятеля и Андрей.

Жгутин перехватил этот взгляд и невольно отметил про себя: «Ребятки-то разные».

— Что же такое вы мне изучить прикажете? — шутливо спросил он.

Семен уже совсем весело ответил:

— Но это только в нерабочее время. И желательно в сугубо нерабочей обстановке, — он таинственно понизил голос. — Речь идет о дегустации. Продукция лучших кавказских фирм.

Жгутин улыбнулся. При этом полное лицо его приобрело то же выражение, что и вначале, когда он сказал «присаживайтесь, потолкуем». Только теперь оно было куда более объяснимо. Даже не зная Жгутина, можно было в этот момент угадать в нем опасного чревоугодника. И Андрей невольно подивился тому, как Семен узнал об этой слабости Жгутина. Причем Буланый довольно беззастенчиво пытался сейчас играть на ней. И Андрею стало так стыдно, что хотелось взять Семена в охапку и выкинуть из комнаты или уйти самому.

Он укоризненно взглянул на товарища.

Но, по-видимому, он все сильно преувеличивал, ибо Жгутин отнесся к предложению Семена спокойно, хотя и не без скрытой иронии.

— Насчет дегустации — это вы напрасно. А вообще, что ж, рад буду видеть вас сегодня у себя. Запомните адрес.

Спустя несколько минут в кабинет без стука вошел худощавый, подтянутый человек лет за сорок. Серые от сильной проседи волосы его были гладко зачесаны назад, такого же цвета глаза смотрели твердо и пристально, с какой-то непонятной значительностью. Человек этот хмуро поздоровался, окинув приезжих быстрым, испытующим взглядом.

— Вот, Михаил Григорьевич, прибыли наши москвичи, — сказал ему Жгутин, делая приветственный жест рукой, и, обращаясь к Андрею и Семену, прибавил: — Мой заместитель, товарищ Филин.

Андрею Филин не понравился. И взгляд его не понравился, и как он пожал ему руку — не то неприязненно, не то высокомерно. При этом выражение лица у Филина было такое, будто выполняет он какую-то неприятную обязанность. Всем своим видом он как бы говорил: «Руку я тебе пожимаю, но это ничего не значит. Я еще погляжу, какой ты есть фрукт, а пока что не только симпатии, но даже доверия ты никакого не заслуживаешь». И Андрей с угрюмым видом пожал в ответ ему руку.

Зато Семен поздоровался с Филиным так просто и дружески, что Андрей невольно подумал: «Как это он умеет. Ведь этот тип ему тоже, наверное, не понравился».

— Привет вам из Москвы, от Капустина, — сказал Семен Филину и с улыбкой добавил: — Просил нас любить и жаловать.

Лицо Филина на секунду оживилось, тяжелые брови чуть разошлись, исчезла суровая морщинка между ними, на тонких губах мелькнула улыбка. Но, словно сердясь на себя за эту минутную слабость, он сухо произнес:

— Вам придется назубок выучить все наши законы, инструкции и правила. Без этого к самостоятельной работе допущены не будете. А за привет спасибо.

«Ну и ну, — подумал Андрей. — Послал бог начальников».

В то утро, когда Андрей и Семен спустились завтракать в ресторан, Надя Огородникова оказалась там не случайно. И ей, конечно, не следовало пересаживаться за их столик. Если бы Полина Борисовна увидела ее в таком обществе, она ни за что бы не подошла, а это могло закончиться большими неприятностями для Нади. Но дерзкая ее натура взяла верх над доводами самого занудливого, по ее мнению, советчика на свете — разума. «Надо, надо... А вот я хочу! Мне так приятно!» Да, решало на этот раз даже не «я хочу», а «мне приятно». Ибо этот высоченный парень с копной светлых волос, с открытым и каким-то чистым взглядом понравился ей.

К счастью, Клепикова пришла чуть позже, когда светловолосый парень и его товарищ уже ушли. Надя сразу заметила ее щуплую, сутулую фигуру в синем шелковом платье, с потертой черной сумкой в руке. Гладко зачесанные, черные как смоль волосы ее разделялись

серебристо-седым пробором.

Полина Борисовна остановилась в дверях, достала из сумки очки и не спеша обвела взглядом небольшой зал. Надя сделал ей знак рукой.

Расположившись за столом и тщательно расправив на коленях все складки, Полина Борисовна, наконец, проворчала обиженно и сердито:

— Все бы тебе, Надька, по ресторанам, все бы на люди себя выставлять.

Надя в ответ своенравно повела красивыми плечами.

— Ну и что? Молодость один раз, кажется, дается. Самое время себе радость доставлять. И другим тоже. Вы не думайте, я не эгоистка.

— Срамница ты. Ну, что выставилась? Ведь ресторан здесь. А мужики кругом аппетита лишаются.

Надя звонко рассмеялась, но тут же, как бы спохватившись, прикрыла ладошкой рот и плутовски огляделась. Борясь со смехом и не отнимая руки ото рта, она сказала:

— Пусть мне их жены спасибо за это говорят. Больше денег мужья домой принесут.

Клепикова поджала сухие губы и осуждающе покачала головой.

— Втихомолку, милая, все можно делать, а на людях надо не выставляться, а среди них прятаться.

— Ах! — капризным тоном воскликнула Надя. — Муж был и так не перечил, не воспитывал меня, как вы.

— Чего мне тебя воспитывать? Слава богу, сама не одного мужика воспитала.

— Вот вы опять!

Но тут помимо своей воли Надя вдруг подумала о Засохо. Да, многие влюблялись в нее, кое-кого из них и она дарила своей любовью. Вот и первого своего мужа тоже. При мысли о Платоне ее даже сейчас охватило чувство брезгливости. Слизняк! Так подвести всех и ее в том числе! Каким чудом выскочила она из того дела! Надя и сама до сих пор не может понять. А потом появился Артур Филиппович. Это он помог ей выскочить из второго дела, в Раменском, под Москвой.

Артур Филиппович потряс ее тогда своим размахом. Надя не только легко уступила его домогательствам, она так же легко переняла и его взгляды, его мечты, его образ жизни. Вскоре после этого она прогнала Платона, она больше не могла выносить этого слюнявого интеллигента.

Спустя два года ей пришлось самой уехать из Москвы. И тогда Артур Филиппович указал ей город, где следовало поселиться, передал кое-какие полезные связи.

Давно кончилась у них любовь, а дружба осталась, полезная для обоих дружба. Правда, была эта дружба не очень-то равноправной. Надя все время чувствовала, как крепко привязал ее к себе Артур Филиппович. Она не смела бунтовать: Засохо как-то намекнул, что раменское дело может иметь продолжение, если Надя будет, вести себя слишком самостоятельно. Но пока она об этом не думала, дружба их была крепкой.

И лишь совсем недавно Артур Филиппович вдруг приоткрылся. Впервые за пять лет, и каких лет! И бессонные ночи, напоенные страстью и исповедами, и пьяные попойки с клятвами в вечной любви, и тревожное ожидание беды, жестокой расплаты — ничто не заставило Артура Филипповича по-настоящему открыть ей душу. Это случилось только недавно, совсем недавно.

И вот оказывается, что Артур Филиппович с его огромными связями, деньгами, с умением подчинять себе людей, с его опытом и размахом вовсе не хозяин себе, им тоже кто-то командует, кто-то и его учит.

Если бы Надя не была так ошеломлена этим открытием, она бы поняла из дальнейших слов Артура Филипповича, что отнюдь не особой дружбой объясняется его откровенность. Он сказал, что этот «кто-то» изъявил желание с ней познакомиться. Но в тот момент Надя могла скользнуть мыслью только по поверхности явлений, в самом примитивном и привычном для нее направлении. Поэтому она усмехнулась и спросила: «Выдал рекламу моим ножкам? Подарочек шефу?» Но тут Артур Филиппович, позеленев от злости, «выдал»

ей самой такое, что Надя разом притихла и виновато заморгала длинными ресницами. А поразмыслив на досуге, она поняла, что такого гостя надо встречать не ножками и не чарующими улыбками.

Поэтому накануне встречи с таинственным московским гостем Надя утром прибежала в ресторан «Буг». Полина Борисовна должна была помочь ей в этом предприятии. И, конечно ж, ссориться с ней сейчас было по меньшей мере безрассудно, несмотря на невыносимо сварливый ее характер. Надя решила терпеть и поскорее перевести разговор на деловые рельсы.

— Ах, Полина Борисовна, вечно вы ко мне придираетесь, — вздохнула Надя. — А я вас все-таки люблю.

Бесчисленные морщинки на маленьком, пергаментном личике старухи разбежались в хитрой улыбке.

— Полно врать-то. Будто я не знаю, чего ты любишь.

— Не буду спорить. Вы женщина умная, — кротко сказала Надя и, пригнувшись, уже совсем другим тоном, сухо и требовательно, спросила: — Юзек был?

— Что был, что не был...

Не глядя на Клепикову, Надя раздраженно сказала:

— Я не люблю разгадывать загадки. Был Юзек? — Ну, был. — Принес? — Ничего не принес. — Как это понимать? Прокол?

— А что же еще?

— Так, — Надя на секунду задумалась. Потом снова спросила: — Ну, а взял-то все?

— Ничего не взял.

— Что-о?!

Надя, забывшись, взволнованно всплеснула руками. Такого она не ждала. Это уже нешуточный удар. В момент, когда надо чем-то блеснуть, вдруг такой провал. На ум пришла была спасительная мысль: Юзека передал ей в свое время Артур Филиппович, так пусть он за него и отвечает. Но мысль эту пришлось тут же оставить. Она имеет дела с Юзекком уже два года, могла сама разобраться, чего он стоит.

Покусывая губы, Надя задумчиво, невидящим взглядом блуждала по лицам людей за столиками, и мужчины помоложе приосанивались, стремясь обратить на себя внимание этой красивой женщины. Но Наде было сейчас не до флирта.

Пока она размышляла, Клепикова без излишней поспешности, спокойно и обстоятельно съела заказанный Надей омлет с сыром и принялась за кефир. — Почему же Юзек не взял? — От страха. Таможня житья не дает. Говорит, нигде в мире такой нет. А уж он поездил. — Таможня?..

Тут Надя вдруг вспомнила своих новых знакомых. Они ведь начинают работать там. Пожалуй, это будет лучший подарок для московских гостей. А этот Андрей такой интересный парень. Надя в безоблачном своем настроении, с которым она пришла сюда, уже готова была пуститься в очередное приключение. Но сейчас... Впрочем, сейчас это может оказаться даже полезным. «Ах, Надька, ты в сорочке родилась», — самодовольно подумала она.

Как бы угадывая направление Надиных мыслей, Клепикова ворчливо сказала:

— И ни одной души там знакомой нет. Дело это, я тебя спрашиваю?

Почему-то по давно установившейся манере Клепикова, хоть она куда больше зависела от Нади, чем та от нее, все же присвоила себе манеру говорить ей «ты» и вечно предъявлять к ней всякие претензии. А Надя только посмеивалась, тем более что это все несколько не мешало ей командовать старухой.

— Что верно, то верно, — задумчиво согласилась она, — пока ни одной души там нет. Пока...

Про себя же Надя решила, что все идет к тому, чтобы не выпускать из поля зрения этих двух парней. И полезно и приятно, не так часто совпадают такие две вещи в жизни. Ну, а что касается Юзека...

— Когда теперь Юзек придет?

— Через два дня собирался, в пятницу.

— Вот тогда и поговорим с ним. Ко мне не приводи. Я сама приду. — И, понизив голос, добавила со значением: — А насчет таможи я кое-что, кажется, придумала.

Надя вынула зеркальце, с удовольствием глянула в него, поправила прядку волос, потом достала губную помаду и тщательно покрасила свои пухлые губы.

— Ну, я пошла, Полина Борисовна. Надо кое-что выяснить побыстрее, — деловито сообщила она, легко приподнимаясь со стула, при этом Надя улыбнулась так ласково и беззаботно, что со стороны могло показаться, что приятельницы расстанутся после пустяшной болтовни.

— Ладно уж, иди. Я еще кофею, пожалуй, выпью. Надя направилась не к выходу из ресторана, а в противоположную сторону, где находилась дверь, ведущая в вестибюль гостиницы.

Там Надя подошла к комнате дежурного администратора и, постучавшись, приоткрыла дверь. За столом сидела полная женщина и, скучая, перелистывала «Крокодил».

— Елизавета Федоровна, доброе утро. Женщина, увидя Надю, обрадованно заулыбалась:

— Милая, это вы! Подумайте! Я только сегодня видела вас во сне. Ну, думаю, к встрече. Представьте, получила вчера письмо из Москвы. Теперь туфли носят с таким длинным и тонким носом, что просто как шило, смотреть противно. Но это с непривычки. В общем, — глаза Елизаветы Федоровны стали льстивыми, — если к вам придут, то меня уж не забудьте...

— Конечно, конечно. Но я к вам на минуту. У вас, наверно, уйма дел.

— Откуда вы взяли? Ведь зима же. Летом — да. Койки не достанешь. А сейчас — любой номер. Вот с берлинским два молодых человека приехали. И пожалуйста — каждому по номеру на втором этаже.

— Кто такие? — с нескрываемым, даже подчеркнутым любопытством спросила Надя, по опыту зная, что это покажется куда естественнее, чем неожиданная сдержанность по отношению к такому интереснейшему событию, как приезд в город новых людей.

Елизавета Федоровна суетливо полезла в ящик стола.

— У меня ведь их паспорта. Сейчас все узнаем. Правда, один, кажется, женат, а вот другой...

Пока она копалась в ящике с документами, Надя, нахмурившись, задумчиво покусывала губку. И вдруг ей пришла в голову дерзкая мысль. Настолько дерзкая и заманчивая, что все внутри у нее затрепетало от желания действовать, от сладкого ощущения предстоящего риска. Авантюрная душа ее жаждала приключений. Тем более что в случае удачи с таможей, дело будет наполовину сделано.

Надя мягко положила свою ручку на красную, грубоватую руку Елизаветы Федоровны и вкрадчиво сказала:

— Вы меня должны выручить, дорогая.

В середине дня перестал, наконец, падать снег. Серая пелена туч прорвалась бледно-голубыми полынками, и оттуда засияло солнце. Под его лучами нестерпимо ярко, до рези в глазах, искрились снежные сугробы вдоль тротуаров, заваленные снегом крыши бревенчатых домишек городского предместья и весь громадный, уходящий вдаль снежный откос, за которым виднелись каменные здания центральной части города. Внизу, у подножья откоса, раскинулось запутанное и на первый взгляд бестолково-суетливое хозяйство крупного железнодорожного узла. Воздух то и дело оглашался гудками паровозов, и сами они черными, деятельными жуками торопливо ползли в разные стороны, судорожно работая красными рычагами колес. За ними с перестуком пробегали под мостом бурые товарные вагоны.

Андрей и Семен, щурясь от солнца и снега, прошли по одному мосту, затем по другому

и вскоре очутились возле своей гостиницы.

В вестибюле Семен направился к газетному киоску, бросив на ходу:

— Як тебе стукну через десять минут, и пойдем питаться. Вот только ознакомлюсь с печатной продукцией.

Андрей кивнул в ответ и направился к лестнице.

Когда он, дважды шелкнув замком, открыл свой номер, дверь соседнего номера неожиданно тоже открылась и в коридор, к удивлению Андрея, вышла та самая молодая женщина, с которой он утром познакомился в ресторане. Она, в свою очередь удивленная, весело улыбнулась.

— Оказывается, мы с вами соседи.

Ему почему-то было приятно это открытие, и, внутренне стесняясь своего чувства, Андрей улыбнулся ей в ответ. «Какая же она красивая, черт побери!» — не то с восхищением, не то с досадой подумал он, окинув беспокойным взглядом ее лицо и статную фигуру уже в другом, но тоже красивом, по-летнему открытом платье, открытом как-то дерзко, даже чуть вульгарно. «Странное дело, — подумал Андрей, — лица некоторых женщин, вот у Люси, например, как бы освещаются глазами, а у этой Нади на лице главное — это губы. От этих губ, честное слово, глаз не оторвешь, даже неудобно как-то». Андрей вдруг заметил, что его охватывает чувство сладкого ожидания и бесшабашное веселье, но не проходило и чувство неловкости, ощущения неуместности подобного веселья. Теряясь между этими противоречивыми чувствами, Андрей с чуть напряженной улыбкой ответил:

— Вот и прекрасно, что соседи.

— Правда? И вы рады? — быстро переспросила Надя, словно ловя его на слове, и весело добавила, чуть понизив голос: — Мы можем в случае чего даже перестукиваться.

Андрей, поддаваясь ее шутливой таинственности, поднял палец:

— Идея. Только надо изучить Морзе.

— Совсем не надо, — замахала руками Надя и, словно осененная внезапной мыслью, вдруг на секунду умолкла, а потом с прежней интонацией сказала: — Знаете что? Приходите вечером ко мне пить кофе. Я вам постучу. У меня плитка есть и специальная кастрюлька для варки. Знаете? Манган. О, вы такого кофе еще не пили, ручаюсь.

— Сегодня вечером не могу, — с искренним сожалением ответил Андрей. — Приглашены к новому начальству.

— А вы возвращайтесь пораньше.

Андрею была приятна её настойчивость. Он понимал, что нравится, и от этого сама Надя начинала еще больше нравиться ему.

— Мой товарищ, кажется, привез для дегустации слишком много спиртного, чтобы это быстро кончилось, — засмеялся Андрей. — А одному уйти, к сожалению, неудобно.

Они всё стояли в коридоре, каждый у двери своего номера, держась за аляповатые металлические ручки; со стороны этот затянувшийся разговор выглядел, вероятно, смешно и, может быть, даже немного странно. Они оба почувствовали это.

И Надя, тряхнув головой, сказала:

— Ну ладно. На всякий случай, когда кофе будет готов, я постучу. Три раза. Вот так. Тук, тук, тук-тук. Тук, тук, тук-тук, — и она согнутым пальчиком одной руки простучала по ладони другой, потом лукаво улыбнулась и добавила: — Для смелости можете захватить вашего приятеля. Но только для смелости. Мне он не нужен. Договорились? Тогда до вечера.

Она повернулась и, не дожидаясь ответа Андрея, легко побежала к лестнице. Толстая ковровая дорожка заглушила перестук ее каблучков.

Андрей улыбнулся и зашел к себе в номер. Однако боевая же соседка оказалась у него. Даже не то слово. Слишком уж смелая. Совершенно не стесняется. А впрочем, тут же заговорил в нем протестующий голос: что здесь неприличного, если бы часов в восемь или девять он зашел к ней ненадолго и выпил чашечку кофе? Почему надо сразу думать о человеке плохо? Даже если он ей понравился, что ж с того? Другое дело, что он вернется значительно позже и кофе пить не придется. Это ясно. Пить придется водку. Об этом Андрей

подумал без всякой радости.

Тем не менее, когда пришел Семен, Андрей ему не рассказал о своей встрече в коридоре. Себе он это объяснил так: Семен начнет глупо острить, при встрече может обидеть Надю, а ведь этот разговор с ней никаких последствий иметь не будет. Андрею сейчас не до романов. Слишком много бед свалилось на него. И потом Люся... Люсю он любит, очень любит. И она его, конечно, любит. Ну, мало ли что бывает? Пройдет. Дойдя в своих размышлениях до этого места, Андрей вздохнул. Что-то слишком горячо убеждает он себя, слишком горячо, как будто сам этому не очень верит.

В тот момент он и не думал о Наде.

Вечером в самой просторной комнате квартиры Жгутина собрались гости. Собственно говоря, из гостей были только Андрей и Семен. Был, правда, еще Филин, но он только спустился с четвертого этажа на третий.

Комната казалась просторной еще и потому, что в ней почти не было мебели, и ощущение было такое, будто люди только что въехали в новую квартиру и из старой обстановки захватили лишь то, без чего абсолютно нельзя обойтись, рассчитывая в дальнейшем обставить комнату заново.

Проходя сюда из передней, Андрей случайно заглянул в приоткрытую дверь другой комнаты, поменьше. Там было тоже просто, но так уютно и красиво, что он с каким-то теплым чувством покоя и радости вошел в большую комнату. Тем резче ощутил он ее небрежное запустение.

Гостей встретили сам Федор Александрович в сером пиджаке и красивой, кирпичного цвета рубашке без галстука и удивительно похожая на него, такая же невысокая, полная, розовощекая, только без очков, его жена, Нина Яковлевна.

— Хирург, между прочим, — отрекомендовал ее гостям Федор Александрович. — Режет. И скальпелем и языком. Последнее куда опаснее.

— И все равно не помогает, — весело отозвалась Нина Яковлевна. — Болезнь очень запущена.

Филин был уже в комнате. Как видно, приход гостей прервал какой-то жаркий его спор с хозяином, потому что Федор Александрович, войдя в комнату, примирительно махнул ему рукой и сказал:

— Ладно, Михаил Григорьевич, оставим пока дела. А то взыскание придется отменить. Вот так.

В последних словах Жгутина внезапно прозвучала властность, которую трудно было ожидать в этом добродушном человеке.

— Авторитет руководства это никак не укрепляет, — сердито проворчал Филин.

Но Жгутин, не обращая уже внимания на его слова, энергично потер руки и, с неодобрением взглянув на портфель, который принес Семен, спросил:

— Ну-с, так как там Москва-матушка? Хорошеет, говорят, с каждым днем?

Разговор зашел о Москве, и Андрей с Семеном, перебивая друг друга, стали рассказывать о новых транспортных тоннелях, линиях метро, жилых кварталах. И на внимательных, подобранных лицах их слушателей застыла довольная, но чуть грустная улыбка, как всегда бывает с людьми, когда им рассказывают об успехах и радостях далекого, но близкого их сердцу человека.

Потом Нина Яковлевна накрыла на стол, но, когда Семен вытащил бутылки с водкой и коньяком, она нахмурилась и, внимательно посмотрев сначала на него, потом на мужа, строго сказала:

— А вот это уже ни к чему. Не тем путем, молодой человек, начинаете служебную карьеру.

Андрей готов был провалиться сквозь землю. Жаркая краска стыда залила его лицо, шею, лоб. Это было так заметно, что Филин при взгляде на него даже улыбнулся хоть и иронически, но с оттенком сочувствия.

Сам Жгутин только развел руки, как бы призывая всех засвидетельствовать

чудовищную бестактность супруги.

Только Семен не растерялся и бойко, с улыбкой возразил:

— Сразу видно, Нина Яковлевна, что вы не мужчина. Мужчине в голову не пришли бы такие обидные слова. А карьеру мы начнем, знаете, с чего? Мы такого контрабандиста поймаем, что все ахнут. Верно, Андрей?

Через некоторое время все уже мирно сидели за столом. Мужчины, успев выпить, покраснели и говорили возбужденно и громко. Даже Филин расстегнул форменный пиджак. Только Андрей, хоть и у него начинало шуметь в голове, смущенно помалкивал. Больше всех разошелся Федор Александрович. Он говорил громко, отчаянно жестикулируя и успевая при этом почти непрерывно есть.

Разговор вернулся к дисциплинарному взысканию, которое наложил на кого-то вчера Филин.

Жгутин энергично закрутил головой:

— Нет, нет и нет! Я утверждаю, что в худшие времена... Понимаете? При Сталине только так было. За малейшую провинность, даже оплошность, обязательно наказать.

— Между прочим, тогда все-таки был порядок, — внушительно заметил Филин, — и было тихо.

Жгутин побагровел и, переходя почти на шепот, с ненавистью, которой даже нельзя было заподозрить в нем, переспросил:

— Тихо? Вам такая тишина нравится?

— Пожалуйста, не искажайте моих слов, — поморщился Филин. — Некоторые из прежних методов и я не одобряю.

Но Жгутин не унимался. Равнодушно откликнувшись на тост Семена «За здоровье всех присутствующих», он, морщась, выпил и снова обернулся к Филину.

— Значит, методов не одобряете? Ну, а результатом довольны? Так выходит?

— В результате мы социализм построили и Гитлера разбили.

— Нет, не в результате, а вопреки! Нина Яковлевна досадливо махнула рукой и сказала, обращаясь к Андрею:

— Вот так всегда, чуть за стол сядут. Прошлый раз спорили об атомных испытаниях.

Андрей чувствовал, что пьянеет. Все вокруг временами начинало вдруг медленно кружиться, болела голова, появилась противная дрожь в руках. Он напряженно улыбался и старался внимательней слушать то, что ему говорила сидевшая рядом Нина Яковлевна. Для этого ему приходилось все время мучительно нагибаться, потому что низенькая его соседка сидела, как казалось ему, где-то глубоко внизу.

Тем не менее он узнал, что в этом городе Жгутины уже четвертый год, но квартиру они получили недавно, что у них есть дочь, ее зовут Светлана, она учится в институте и сейчас ушла в театр. Потом Нина Яковлевна стала расспрашивать Андрея. Он отвечал односложно, медленно подбирая слова и выговаривая их так старательно, что Нина Яковлевна, улыбаясь, сказала:

— Ну, мы еще успеем поговорить об этом. А пить вы не умеете. И слава богу.

— Нет, умею, — обиженно заявил Андрей.

Нетвердой рукой он взял ближайшую бутылку, поспешно налил вино Нине Яковлевне и себе и, тяжело ворочая языком, объявил:

— За вашу дочку. Она мне нравится. Нина Яковлевна звонко рассмеялась и совсем по-матерински разворошила ему волосы на голове.

— А вы, кажется, славный парень, Андрей. Можно, я буду вас так называть?

Андрей, приложив руку к груди, ответил торжественно:

— П-почту за честь.

Между тем утихший было за столом спор разгорелся вновь.

— А я вам говорю, — возбужденно размахивал вилкой Федор Александрович, — Дубинин прекрасный парень! В коллективе его любят!

— Конъюнктурщик, — убежденно возразил Филин. — Почувствовал новые веяния.

Помните, на последнем партсобрании? Райком предлагает кандидатуру. Кажется, можно доверять...

— А у него было свое мнение!

— Вот! У нас всегда так. С перегибами да с перехлестами. Ну, допустим, что на данном этапе критику снизу поощряют...

— Не допустим, а точно! И не на данном этапе, а вообще! Навсегда! Что это за манера, ей-богу! Федор Александрович начал сердиться.

— Мы с вами люди не молодые, — усмехнулся Филин. — К кампаниям привыкли. Поглядим еще. Ну ладно. Допустим. А что делает ваш Дубинин? Ах, надо плевать на авторитеты, надо ниспровергать.

— Да кто вам это сказал? Филин прищурился.

— Я хотел бы знать, кто ему это сказал,

— Бросьте! Дубинин честный парень!

— В райкоме тоже честные люди, кажется, сидят. И поопытней Дубинина. Кто дал право не считаться с их мнением?

Андрей, прислушиваясь к спору, подумал: «А что, разве таких нет, как этот Дубинин? Разве можно с райкомом не считаться?..» Он хотел было вмешаться, но ему вдруг стало неприятно, что придется поддержать Филина. И Андрей промолчал. «Может, я чего-нибудь не улавливаю? Все-таки выпил здорово», — подумал он.

— ...И других увлек, неустойчивых, — все тем же раздраженным тоном продолжал между тем Филин. — На собрании многое зависит от того, как сказать. И хороший оратор...

— Не как сказать, а что сказать! — вскипел Жгутин. — И какой Дубинин, к черту, оратор?! Зато таможенник он... Кто вчера у самого Юзека контрабанду нашел? Он! А вы за пять минут опоздания...

Филин недовольным тоном перебил:

— Считаю, Федор Александрович, что при новых сотрудниках мои действия обсуждать не следует.

«Черт возьми, — опасливо подумал он. — Только выпью и не могу удержаться от спора. В конце концов кому это надо?»

— Ну, ну, пожалуйста. Тогда вот что... — Федор Александрович решительно взялся за бутылку с вином. — За начало службы!

— Между прочим, кто такой Юзек? — с интересом спросил Семен. — Просветите.

— Юзек — это целая кулинарная симфония, — иронически ответил Филин. — Она состоит из двух десятков холодных закусок, трех разных супов — для каждого свой бак! — и десятка горячих блюд. Кроме того, это неплохой выбор коньяков, ликеров, ромов и вин. Вот что такое Юзек.

— И добавьте, — Федор Александрович внушительно погрозил вилок, — это еще симфония из сотни шкафов, ящиков, полок, из которых по крайней мере десятков имеют двойное дно.

— Да что же такое Юзек? — сгорая от любопытства, повторил свой вопрос Семен.

— Это, — внушительно произнес Филин, — вагон-ресторан, и это контрабанда. Вчера мы выудили ее со дна котла, полного супом.

Федор Александрович задумчиво и устало покачал головой.

— Но он, наверное, не только привозит контрабанду. Я думаю, он потом и увозит от нас столько... Помните? — он посмотрел на Филина. — Капроны и автомобильные свечи? Помяните мое слово, он кому-то сдает товар и от кого-то получает. У него есть здесь связи.

— Опасный случай, — подтвердил Филин и, не удержавшись, прибавил: — При нашем теперешнем либерализме не то еще будет.

— А в самом деле! Сажать таких! За чем дело стало? — горячо вмешался Семен. Жгутин покачал головой.

— Дело стало за доказательствами. Это же пока только наши предположения. А Юзек говорит: знать не знаю, кто спрятал. За вчерашний суп, конечно, уволят повара. А капроны

те и свечи мы на первый раз просто конфисковали, как бесхозную контрабанду. Что же делать? В помещение ресторана действительно имеют доступ многие.

— Что делать? — проворчал Филин. — Прежде всего не церемониться. Чтобы боялись булавку лишнюю провезти. Так надо дело поставить.

— Не церемониться? — сердито прищурился Жгутин. — Я вашу точку зрения знаю. Но, извините, не разделяю! И по Юзеку требуются доказательства, прямые улики. Вот так!

Нина Яковлевна лукаво посмотрела на Семена, который сидел бледный от выпитого вина, возбужденный, со сбившимся набок галстуком, темная прядь волос прилипла к потному лбу.

— Вот вам случай сделать карьеру. Вы о таком мечтали?

— Ну, пока что Юзек ему не по зубам, — усмехнулся Жгутин. — Но хорошенько запомните, молодые люди, экспресс Москва — Берлин.

— И обратно — тоже, — вставил Филин.

— Да, да, конечно, — согласился Федор Александрович. — Здесь иной раз можно повстречать такого фрукта, что будет уроком бдительности на всю жизнь.

Неожиданно для всех Андрей, покачнувшись, стукнул кулаком по столу и, оглядев сверху вниз присутствующих, тяжело произнес:

— П-поймаем этого фрукта и голову отвернем, как п-пеструшке.

Эти слова почему-то послужили сигналом, чтобы гости посмотрели на часы.

— Ого! Двенадцатый час, — произнес Филин и выразительно посмотрел на Андрея и Семена.

На улице Андрею стало лучше. Он с наслаждением вдыхал прохладный, сырой воздух и подставлял ветру разгоряченное лицо. Семен взял его под руку, но шаг у него был далеко не твердый.

— Неч-чего было напиваться, как свиньям, — с усилием, сердито произнес Андрей. — Перед людьми даже стыдно. Тебе стыдно? Или это только мне стыдно?

— А, подумаешь! — отмахнулся Семен. — Ничего мне не стыдно.

Некоторое время они шли молча.

По середине улицы, прямой и широкой, тянулся бульвар. Высокие деревья таинственно шумели в вышине голыми ветвями.

Прохожих было мало.

— В гостиницу надо прийти абсолютно трезвыми, — проговорил Андрей. — Понял?

— Понял. Если ты на это способен, то и я постараюсь.

Бульвар кончился. Приятели очутились на центральной улице городка, в этот час тоже пустынной.

Все-таки прогулка немного выветрила хмель из головы, и они вошли в гостиницу почти твердой походкой. Правда, Андрей довольно долго не мог попасть ключом в замочную скважину своей двери.

Сбросив пальто и пиджак, он принялся стягивать через голову петлю галстука.

В этот момент ему вдруг почудился какой-то легкий стук. Андрей в недоумении замер с галстуком на голове и прислушался. «Тук, тук, тук-тук», — совершенно ясно услышал он.

— Эт-то что еще такое? — вслух произнес он. — Семен зовет?

Он вернул галстук на прежнее место, досадливо махнул рукой и взялся за ручку двери. В этот момент он услышал вдруг снова легкий, но ясно различимый стук.

И Андрея, наконец, осенило. Ведь это же, наверное, его соседка стучит, Надя. Зовет пить кофе. Как же он забыл о ее приглашении! Андрей даже не взглянул на часы, показывавшие почти час ночи. Он и не подумал о времени. Он вообще ни о чем не думал, кроме одного: как это здорово выпить сейчас чашку кофе!

— Андрей торопливо ополоснул лицо, причесался и, чуть покачиваясь, вышел в пустой полутемный коридор. Дверь соседнего номера оказалась незапертой, и Андрей вошел.

На маленьком письменном столе у окна горела лампа. Никакого кофе не было.

Надя молча пошла ему навстречу.

Андрей остановился в дверях и тяжелым взглядом окинул комнату. Что-то странно тревожило его здесь. Он не понимал, что на него действует пустынная, нежилая чистота этой незнакомой ночной комнаты, словно Надя только за пять минут до него вошла сюда.

В голове еще шумело, чуть подташнивало, и ноги наливались свинцовой тяжестью. Андрей, не решаясь сесть, прислонился плечом к косяку двери.

Надя подошла почти вплотную и шепотом, словно кто-то их мог здесь услышать, спросила:

— Зачем ты столько пил?

Андрей изумленно посмотрел на нее сверху вниз, потом крепко провел ладонью по лицу и неуверенно спросил:

— Это я п-пьяный или вы? Надя тихо засмеялась.

— Это мы оба пьяные, — и, взяв его руку, потянула за собой. — Проходи же, чудачок, проходи.

Но Андрей упрямо покачал головой. Ему вдруг стало холодно и неудобно. Он ведь хотел кофе, горячего, крепкого кофе. А перед ним незнакомая женщина в пустой, затаившейся комнате. Надо о чем-то говорить с этой женщиной, а голова кружится, кружится.

Ему вдруг показалось, что он стоит тут давно, очень давно. Поэтому он так устал и так кружится голова.

— Я, п-пожалуй, пойду...

— Ну, посиди со мной, — шепотом попросила Надя и добавила с укоризной: — Ты ничего не понимаешь, ты слишком много выпил.

— Н-нет, я п-пойду...

Глаза у него неудержимо слипались, и больше всего на свете хотелось остаться одному, повалиться в постель.

— С-спокойной ночи...

Он сделал движение, чтобы выйти, но Надя порывисто обняла его за шею и, прижавшись лицом к его груди, вдруг заплакала горько, безутешно.

Не решаясь сдвинуться с места, он стал гладить ее по голове, участливо бормоча:

— Ну-ну, не надо... Ну-ну, чего вы... ей-богу, не надо...

Он не помнил, сколько они так стояли. Потом Надя, всхлипывая, оторвалась от него, и Андрей, шатаясь, вышел в полутемный, пустынный коридор.

...Нестерпимо яркие солнечные лучи били прямо в лицо, и Андрей, беспокойно заворочавшись на подушке, открыл было глаза, но тут же зажмурился. Однако сон пропал.

Андрей некоторое время оцепенело смотрел в потолок, морщась от головной боли и ощущая отвратительный вкус в пересохшем рту. В первую секунду он даже не сообразил, где находится. По потолку ползла муха. Андрей следил за ней. Муха ползла еле-еле, как пьяная, и, наконец, свалилась на пол. Лететь она не могла. И когда муха свалилась,

Андрей вдруг сразу вспомнил. Он же только вчера приехал в Брест. Это гостиница.

Постепенно перед ним прошли все события минувшего дня. Ну и ну! Что же он наделал? В первый же день напился, чуть не спутался с какой-то бабой. Впрочем, нет, Надя хорошая и очень одинокая. Как она плакала! Андрей невольно провел рукой по груди, словно там могли еще сохраниться Надины слезы.

Но он-то хорош. Ведь в Москве осталась Люся. Пусть у них сейчас осложнились отношения, пусть Люся сердится на него. Но ведь он все равно любит ее, только ее. Зачем же он пошел к этой Наде ночью?.. Он напился, он здорово напился вчера у Жгутина. Что тот подумает о нем? И его жена, такая славная женщина? А Филин? Уж он никогда не забудет Андрею тот вечер.

Горькие размышления Андрея прервал стук в дверь и бодрый, чуть насмешливый голос Семена:

— Шмелев! Выходи строиться! — и тоном их институтского военрука добавил: — Перманентно опаздывать всегда изволите!

— Ладно кричать-то на весь коридор, — проворчал Андрей, нехотя откидывая одеяло.

Но когда он, совсем уже готовый к завтраку, зашел за Семеном, тот сидел еще перед зеркалом голый по пояс и брился.

— Зато шумим, как всегда, больше всех? — с усмешкой спросил Андрей и добавил: — Ладно уж. Я пока что пойду займу столик и сделаю заказ.

— Угу, — промычал Семен, надувая щеку и не отрывая глаз от зеркальца.

Когда Андрей вошел в ресторан, он сразу увидел Надю. Возле нее за столиком сидели двое мужчин, оба пожилые и представительные.

Один из них, высокий, полный, был в отличном черном костюме и белоснежной сорочке с пестрым галстуком-бабочкой. На утином, будто приплюснутом носу его поблескивали очки в тон — кой золотой оправе. Густые, с сильной проседью волосы были подстрижены под модный бобрик. Он был похож на крупного западного бизнесмена, каким тот обычно рисовался Андрею.

Второй из мужчин, худощавый, подтянутый, выглядел скромнее. Он был в костюме неопределенного цвета, в темной рубашке с темным галстуком. Черные блестящие волосы были гладко зачесаны назад, открывая большой, с залысинами лоб. Узкое, клиновидное лицо перечеркивали густые лохматые брови, под ними почти не видно было глаз, и поэтому казалось, что худощавый человек все время дремлет. Впечатление это усиливалось оттого, что он больше молчал, говорили только Надя и толстый человек в очках, но при этом они почему-то обращались не друг к другу, а главным образом к нему.

Больше всего на свете Андрей сейчас не хотел встречи с Надей. У него было такое чувство, будто он чем-то унизил ее, и это чувство смешивалось с недовольством самим собой — как мог он так вести себя. Сейчас ему было стыдно даже взглядом встретиться с ней.

Поэтому Андрей постарался отыскать за колонной самый укромный столик и направился к нему.

Но Надя тут же заметила его. Она открыто и безбоязненно улыбнулась и, указав на Андрея, громко сказала:

— А вот и мой новый знакомый. Андрей, идите-ка сюда!

Оба мужчины повернулись в его сторону. Толстый смотрел с нескрываемым интересом. Как смотрел второй, определить было трудно.

Преодолевая неловкость, Андрей подошел к их столику.

Надя весело представила мужчин друг другу.

— Андрей Шмелев, сотрудник нашей таможни. А это... — она с улыбкой посмотрела на худощавого мужчину, — это мой дядя! — Потом Надя сделала жест в сторону полного. — И мой бывший сослуживец. В командировке здесь.

— Приехал поглядеть, как тут Надюша поживает, — улыбнулся худощавый, и Андрей, наконец, увидел его совсем светлые, узенькие, как две льдинки, глаза. — И вот уже второе знакомство. Сначала с ним, теперь с вами. — И, в свою очередь, он спросил Андрея: — Вы, часом, не москвич?

— Почти. Институт там кончал.

— Рад познакомиться, Андрей... не знаю вашего отчества.

— Просто Андрей.

— Великолепно. Будете в Москве, непременно заходите. Вы мне нравитесь. Надюша даст вам адрес. — Он повернулся к Наде: — Не забудь, милая.

Второй собеседник только улыбался, показывая кривые, желтоватые зубы. При этом сходство с западным бизнесменом начисто исчезало.

— Извините, — сказал Андрей. — Спешим на работу. Пойду закажу завтрак.

— Подсаживайтесь, чего там... — предложил толстый.

— Спасибо. Не хочу вас стеснять.

Андрей выбрал столик неподалеку — уходить за колонну было уже неловко — и углубился в изучение меню. Не успел он сделать заказ, как к столику подошел Семен. По пути он церемонно раскланялся с Надей.

Уже к концу завтрака Семен, закулив, самодовольно посмотрел на Андрея и сказал:

— Итак, прошли сутки в гостинице «Буг». Мы неплохо успели за это время, а?

Андрей насупился и сердито ответил:

— Еще как плохо. И все из-за твоего дурацкого желания завязать дружбу с начальством. Карьерист несчастный.

В этот момент до него донеслись обрывки фразы, сказанной за соседним столиком, человека в очках:

— ...главная установка... на экспресс Москва — Берлин.

— И обратно, — внятно добавил молчаливый его собеседник. — Особенно обратно.

Андрей при этих словах невольно насторожился. Он сразу вспомнил, что говорилось вчера у Жгутина о берлинском экспрессе.

ГЛАВА 2. ЭКСПРЕСС МОСКВА-БЕРЛИН

Пассажира попался а редкость добродушный и разговорчивый. Пока Валя Дубинин выписывал ему квитанцию на иностранную валюту, которую тот провозил через границу, Андрей оказался втянутым в оживленный и какой-то, по его мнению, бестолковый разговор.

Герр Фих, бизнесмен из ФРГ, неплохо говоривший по-русски, прежде всего сообщил Андрею, что в прошлом году он заключил в Москве великолепную сделку и какой-то «господин Петер Антонов оказался...», — тут слов восторга не хватило, и герр Фих только причмокнул губами. Потом он грубовато похлопал себя по круглому животу и спросил у Андрея, замечал он или нет, что толстые люди всегда гораздо веселее и добрее худых людей.

И герр Фих, очень довольный, захохотал так заразительно, что Андрей невольно улыбнулся. Он хотел ответить тоже весело и остроумно, но не нашелся, скорей всего потому, что настроение у него было отвратительное, и еще потому, что, хоть Андрей уже второй месяц работал в таможне, он все еще не мог привыкнуть к этому бешеному калейдоскопу людей, причем людей самых различных, подобных которым Андрей никогда в жизни не встречал, и порой даже не знал, как себя вести с ними.

Взять, к примеру, хотя бы этого герра Фиха. С Валькой Дубининым он говорит совсем по-другому — спокойно, вежливо и кратко. Вероятно, чувствует в нем старшего. А с Андреем развязен, шумлив.

Андрей вот уже месяц, как тень, ходил за Валькой. Так велел Шалымов, начальник их смены. Сам он взял шефство над Люсей.

При мысли о жене Андрей почувствовал, как снова просыпается в нем раздражение, которое еще утром, по выходе из дома, он всячески старался подавить в себе.

Между тем герр Фих, пока Валька беседовал в купе с другими пассажирами, снова обернулся к Андрею — видать, несмотря на свою суровую молчаливость, он чем-то ему понравился — и стал самодовольно рассказывать, каким сумасшедшим, отчаянным смельчаком считают его в ФРГ за то, что он так часто ездит в Москву. А он за контакты. «Прогрессивный дядька», — подумал Андрей. Но и о его стране, продолжал болтать герр Фих, в Советском Союзе пишут тоже много глупостей.

— Это очень смешно, господин таможенник, не правда ли? Мы пишем, что не хотим войны, а вы пишете, что мы ее хотим. Это очень смешно.

— По-моему, это не смешно, — сдержанно заметил Андрей и, в свою очередь, спросил: — Вы слышали, что в Гамбурге официально зарегистрирована новая организация «Федеральный союз бывших служащих войск СС»? А в Западном Берлине «Союз изгнанных» трубит о реванше?

— Порядочные немцы не обращают на это внимания, уверяю вас, — пробормотал герр

Фих.

— А власти? Ведь СС, например, разоблачен еще на Нюрнбергском процессе?

— О, власти! Они порой делают совсем не то, чего хотят рядовые граждане, — и герр Фих с еле уловимой ноткой досады прибавил: — Нам ли, немцам, не знать, что такое война!

— Нет, нет! — энергично вмешался один из пассажиров, высокий, седой старик со слезящимися глазами. — Лучше всех это знаем вместе с русскими мы, поляки. Будь она проклята! — он остервенело потряс в воздухе жилистым кулаком. — И фашизм тоже будь проклят.

Поляк неприязненно посмотрел на герра Фиха:

— Вы тоже такого мнения?

— Я всего лишь торгую, — развел пухлыми руками тот. — Я не политик. — И торопливо, будто спохватившись, добавил: — Я только знаю, что с Советским Союзом можно вести выгодные дела. О, это я знаю. — Он с наигранной веселостью похлопал себя по животу. — И этого с меня вполне достаточно при моей комплекции.

Андрею его рассуждения показались неискренними. И вообще этот герр Фих начал казаться ему далеко не таким добродушным и безобидным. В памяти всплывали многочисленные газетные сообщения о возрождении фашизма в ФРГ, и Андрей почувствовал, что такие, казалось, далекие и сугубо теоретические вопросы вдруг обрели плоть и кровь в лице этого самодовольного и хитрого коммерсанта из ФРГ.

Он собрался было уже ввязаться в возникшую в купе словесную перепалку, но Валька незаметно толкнул его в бок и сухо сказал:

— Здесь все в порядке. Пойдем дальше, — и, обращаясь к пассажирам, с подчеркнутой вежливостью прибавил: — Счастливого пути. Желаем здоровья и успехов.

Когда они вышли из купе в узкий коридор, Валька, убедившись, что рядом никого нет, строго сказал:

— Пожалуйста, не забывай, что ты все-таки не в ООН, — и, усмехнувшись, прибавил: — У тебя, оказывается, недюжинная эрудиция в германском вопросе.

В конце коридора появился усатый проводник в синей тужурке. Подойдя, он поздоровался с Валькой за руку, как старый знакомый.

Андрей с Валькой прошли в следующее купе. Повторилась обычная процедура. Таможенники проверяли заполненные бланки «деклараций», изредка просили предъявить к досмотру тот или иной чемодан, выписывали удостоверение на указанную в «декларации» иностранную валюту или на ручную кладь, если у пассажира шел еще багаж отдельно, малой скоростью, — словом, уйму всяких формальностей требовалось осуществить при таможенном досмотре.

Дубинин работал в таможене всего лишь второй год, но успел заслужить репутацию «злого» таможенника. За тот месяц, что они работали вдвоем с Андреем, он уже дважды обнаруживал контрабанду.

Один раз это были часы. Наши советские часы, изящные и точные, которые юркий голландский турист, возвращаясь из Москвы, пытался провезти через границу в количестве сорока штук (вместо разрешенных двух!).

Все началось с того, что в досмотровом зале Валька, двигаясь от одного пассажира к другому и бегло оглядывая выставленные на стол чемоданы, баулы, портфели, саки, вдруг задержался около этого голландца и попросил открыть один из чемоданов. Тот с готовностью принялся расстегивать много* численные пряжки.

Когда чемодан был раскрыт, Валька быстро перебрал коробки с сувенирами, бутылки с водкой, банки с икрой, расшитые украинские сорочки и коробки с сигаретами «Тройка». Неожиданно Валька наткнулся на пустую коробочку из-под часов. Только на какую-то незаметную для Андрея долю секунды голландец, оказывается, смутился, а потом объяснил, что часы у него на руке. И действительно, показал их.

Андрей уже потерял интерес к чуть было не назревшему инциденту, когда Валька

попросил голландца снять с руки часы. Их номер он сверил с номером в паспорте, который лежал в коробке. Номера оказались разными. У голландца побагровели большие, растопыренные уши и глаза забегали по сторонам. Он тут же «вспомнил», что есть вторые часы в другом чемодане. Валька равнодушным тоном попросил их показать. Он даже не стал перебирать вещи во втором чемодане, он только следил, как это делает сам хозяин.

Внезапно движения голландца стали нервными. Он шарил руками то в одном, то в другом месте, нащупывая что-то и словно забыв, что он ищет. Наконец с сокрушенным видом он извлек часы. Номера опять не совпали. «Поищите еще», — спокойно сказал Валька. Голландец виновато улыбнулся, махнул рукой и стал вытаскивать одни часы за другими.

Уже потом, успокоившись и примирившись с потерей конфискованных часов, он рассказал, что деньги на их покупку, как и на покупку большинства вещей, он приобрел, выгодно распродав каким-то молодым людям около гостиницы все, даже самые поношенные, вещи из своих чемоданов и, что можно, сняв с себя. При этом голландец, смущаясь, распрямил поджатую под стул ногу и подпернул брючину. Носка на ноге не оказалось.

— Да, неловко, — признался он. — Но что поделаешь. Надо оправдать поездку, — и с ехидцей добавил: — Однако те молодцы все равно помогут мне заработать.

— Каким образом, господин Ван-Дайн? — поинтересовался Валька.

— А газеты? Мои статьи об этих мальчиках — заметьте, абсолютно объективные статьи! — пойдут нарасхват. О, у меня же была не одна встреча!

Андрей взглянул на Вальку. Тот задумался лишь на какую-то долю секунды, потом сочувственно заметил:

— Мне жаль вашего заработка, господин Ван-Дайн.

— Почему, извините? Валька усмехнулся.

— Вас убьет конкуренция. Ведь если вы будете абсолютно правдивы, вам придется сказать, что из сотен молодых людей, которых вы в тот вечер встретили, к вам пристали двое, ну, трое. Ведь не больше?

— Допустим. И среди них — девочка! А?

— И ваш читатель, — все тем же сочувственным тоном продолжал Валька, — поймет, что вы пишете о подонках, которых, например, в вашей стране, вероятно, не меньше. Не так ли? А то и больше! Я иногда читаю «Драпо руж». Это ведь рядом с вами: Бельгия.

— О! О! Это односторонняя информация, — замахал руками голландец. — А подонки?.. Что ж! Советские подонки — это все-таки необычно. Это пойдет!

— Повторяю, вас убьет конкуренция, — убежденно возразил Валька. — Вы же знаете, как пишут о нас враги. Если вы будете писать объективно, у вас получится вовсе не то, что требуется боссам, и вас не напечатают. Ну, а если вы объективны не будете... Что ж, одной клеветой больше.

— О! Вы умный человек! С вами трудно спорить! — воскликнул голландец, заметно смущенный оборотом разговора.

Андрей был в восторге от Вальки, от его находчивости и выдержки. Последняя его особенно потрясла.

— Тебе бы хоть половину ее, когда ты среди своих, ты бы стал выдающимся деятелем, — смеясь, говорил он.

Потом Андрей долго допытывался, почему Валька «прицепился» именно к этому голландцу. Тот, пожимая плечами, ссылаясь на интуицию. Андрей сердился и доказывал, что Валька просто не отдает себе отчета в своих собственных поступках.

Спустя неделю Валька задержал молоденькую английскую туристку, которая ласково улыбалась обоим таможенникам и не переставала восхищаться красотами Москвы и Ленинграда, где побывала их группа. Но Валька оставался до обидного равнодушным. Повертев в руках массивный альбом для фотографий, он вдруг достал перочинный нож и решительно надрезал толстый переплет. Хорошенькая туристка тихо вскрикнула, всплеснув

маленькими розовыми ручками. А из переплета уже выпадали одна за другой новые наши сотенные купюры.

Это была особо опасная контрабанда, «пахнувшая» политикой. Андрей уже знал: советская валюта за рубежом нужна не только спекулянтам, но и разведывательным центрам для снабжения своих агентов, забрасываемых в СССР. Однако инцидент должен был кончиться всего лишь конфискацией денег и, вероятно, тем и кончился, если бы не Валька.

В дежурке, пока составлялись протоколы, Валька на чистейшем английском языке сначала успокаивал плачущую девушку, а потом вдруг с укоризной спросил:

— Зачем вы беретесь выполнять просьбы незнакомых людей, хоть они и ваши соотечественники?

Девушка, перестав плакать, удивленно посмотрела на него полными слез глазами.

— О, что вы говорите?! Это не совсем так... А Валька убежденно и доброжелательно продолжал:

— Я же уверен, что вы не могли купить себе такой уродливый, тяжелый и дорогой альбом. Сразу видно, что он изготовлен не у нас. Зачем вам такой? С другой стороны, я уверен, что вы не контрабандист.

— О да, да! Поверьте! ...

— А я и верю. И вы не смогли бы так ловко запрятать эти купюры.

— О, конечно!

— И ведь вы не хотели нам зла, в этом я тоже уверен.

— О да, да! Я так долго копила деньги! Я откладывала каждую неделю! И отец тоже! И Джо, мой брат!..

— Ну вот. И отец и Джо, они тоже не хотели, чтобы вы причинили нам зло.

— Еще бы! О, как я им скажу!..

— А вы знаете, какое большое зло — эти вывезенные деньги? Их ведь нельзя, приехав в Лондон, сдать в банк, обменять на другую валюту, купить что-нибудь на них. Они нужны, чтобы снабжать шпионов, которых засылают к нам. Только шпионов! Вы понимаете, что это такое?

Девушка слушала, приоткрыв рот, и в больших глазах ее отражался ужас.

Из всех присутствовавших в этот момент в дежурке только Андрей понимал, о чем говорит Дубинин с молодой англичанкой, и при этом он сам так волновался, что поминутно сбивался и путался, пытаясь переводить этот разговор остальным. Наконец он досадливо махнул рукой.

— Потом! Дайте послушать! Это же черт знает, как здорово!

А девушка между тем почти беззвучно прошептала:

— Да, да, я знаю, что такое шпионы... Я читала... Это ужасно... — и, неожиданно решившись, звонким, срывающимся голосом произнесла: — Это дал мне мистер Вильсон, наш корреспондент в Москве. Сказал, что для жены. О, я не знала! Надо иметь совесть! И вот он пишет...

Она поспешно расстегнула пальто и выхватила из-за корсажа узенький конвертик. Но тут же вдруг девушка порывисто схватила Вальку за рукав.

— У мистера Вильсона будут неприятности? И это получится из-за меня?

В голосе ее был такой испуг, что Валька удивленно спросил:

— Почему вы так волнуетесь?

— О, я не подумала! Мой отец служащий фирмы, мелкий служащий. А это такое совпадение! Отец мистера Вильсона председатель правления той же фирмы. Мы так удивились там, в Москве, когда это выяснилось. О, если мистер Вильсон узнает, что я его назвала, если у него будут неприятности... мой отец лишится работы!

— Ну, это проще всего, мисс Глобб, — улыбнулся Валька. — Он не узнает. Мы постараемся.

Этот молодой парень, бывший учитель английского языка, все больше нравился Андрею. Вальку уже успели в шутку прозвать «две трети от Шмелева». Действительно, он

был такой же плотный и широкоплечий, как Андрей, с таким же, но только чуть более суровым лицом и копной совсем желтых перепутанных волос. Ростом Валька был даже ниже плеча Андрея, и потому кличка «две трети от Шмелева» была до смешного точна.

Нравился Валька Андрею не столько своими «сыщицкими» способностями, сколько своей воинствующей принципиальностью. Валька был строптив и непреклонен. Никакие авторитеты не существовали для него, если они отходили вдруг от тех наших партийных принципов, которых Валька неуклонно придерживался.

Именно Валька сказал как-то Филину в лицо, что он «ходячий анахронизм», когда тот попытался было командовать месткомом. Слова эти, несмотря на их ученость, потом долго повторялись всеми в таможене.

Валька был влюблен в Жгутина. Это, однако, не помешало ему однажды заявить во всеуслышанье, что указание Жгутина не составлять акта на железнодорожников за плохое хранение какого-то груза является поступком антигосударственным.

Словом, Валька всегда называл вещи своими именами, не признавая никакой дипломатии, и в первое время нажил себе этим немало врагов.

Иногда Вальку, правда, «заносило».

Все же постепенно и незаметно Валька Дубинин, сам того не желая, стал вдруг для окружающих своеобразным эталоном принципиальности и чистоты. И в то же время это был самый обычный, ничем внешне не, примечательный, скромный парень, с некоторыми не очень приятными чертами — он был вспыльчив и порой резок. Ко всему этому надо было сначала привыкнуть, чтобы потом разглядеть и другие стороны Валькиного характера.

Андрей привык к ним быстро, даже не привык, а сразу как-то принял их.

Двигаясь вслед за Валькой по вагону экспресса Берлин—Москва, Андрей с тревогой думал о шутнике англичанине из второго купе. Вдруг тот острит и хохочет лишь для отвода глаз, вдруг он крупный контрабандист и Вальке на этот раз изменила его интуиция?

В этот момент лакированная дверь очередного купе откатилась в сторону, и Андрей, стоя за Валькиной спиной, увидел сидящего у окна пассажира. Очень крупный и важный, с седым ежиком волос, в очках с золотой оправой — всеми этими деталями человек был знаком Андрею. Но кто он, где его встречал Андрей, этого он не мог вспомнить. Лишь чувство настороженности и неприязни, которое он сразу ощутил при взгляде на этого человека, показали Андрею знакомыми.

Человек грузно приподнялся и протянул Вальке свою «декларацию». И тут вдруг Андрей заметил, что левая рука у него забинтована от кисти почти до локтя и пиджак с этой стороны лишь накинут на плечо. Передавая «декларацию», человек слегка задел больной рукой столик у окна и болезненно поморщился.

Как ни странно, но именно эта забинтованная рука, так не вязавшаяся со всем обликом этого человека, вдруг как будто смахнула в памяти у Андрея какую-то завесу. Он неожиданно вспомнил ресторан гостиницы «Буг», свой завтрак там на следующий день после приезда в Брест и памятной ночной встречи с Надей, вспомнил столик, за которым она сидела в то утро с двумя мужчинами, вспомнил и одного из этих мужчин, того самого, который сейчас сидел перед ним в уютном, сверкающем полированными панелями и зеркалами купе экспресса Берлин—Москва. И уже по какой-то инерции памяти Андрей вспомнил даже слова, долетевшие до него с того столика: «Главная установка... на экспресс Москва—Берлин... и обратно». Тот самый экспресс, в котором они сейчас находятся!

Андрей через Валькино плечо посмотрел «декларацию» этого человека. Фамилия Засохо, зовут Артур Филиппович, дальше следовали сведения о провозимых через границу вещах. Ничего недозволенного Засохо, судя по «декларации», не вез.

Андрей снова посмотрел на спокойно сидевшего у окна человека, скользнул взглядом по неумело и очень толсто забинтованной руке, которую тот бережно держал на колене. В этот момент он услышал рядом с собой голос:

— Извините, конечно. Как бы мне пробраться мимо вас?

Андрей оглянулся. Рядом, добродушно улыбаясь, стоял тот самый усатый проводник, с

которым только что его познакомил Валька.

Андрею вдруг пришла в голову беспокойная мысль, и, решившись, он спросил:

— Кажется, Ануфрием Федоровичем вас зовут?

— Он самый.

— А на одну минуту можно вас в сторонку, Ануфрий Федорович?

— Отчего же, пожалуйста. Может, в купе к нам пройдем?

— Еще лучше.

Они прошли в служебное купе, и Ануфрий Федорович, пропустив Андрея вперед, плотно задвинул за собой дверь.

— Слушаю, дорогой товарищ.

— Вот какое дело, Ануфрий Федорович, — медленно начал Андрей, подбирая слова. — Заметили вы того пассажира из четвертого купе, седой такой, в очках, рука еще у него перевязана?

— Это который же? Вроде у нас такого... Ах, да! Ну, как же, как же, само собой — заметил. Насчет руки, верно, запомнил. Так ведь, как сел, здоровая была. Это недавно чего-то приключилось, — словоохотливо стал рассказывать усатый проводник. — А вообще вполне прилично едут.

Проводник вопросительно поглядел на Андрея: что, мол, его еще интересует. Но Андрей молчал. В самом деле, а что он, собственно, ожидал услышать? Ведь не такой же дурак этот Засохо да и не мальчишка, чтобы на глазах у проводника совершать что-то недозволенное или даже подозрительное. Едет себе «вполне прилично», и все тут. Иди придерись. Андрей пробормотал благодарность и вышел из купе.

Да, видно, не так-то просто распознать эту проклятую контрабанду. Везет и он ее, допустим, где-то на себе, даже в бумажнике, если это валюта, и все. Правда, Засохо валюту в бумажнике не везет, он его вынимал и доставал «декларацию», но он свободно может спрятать ее просто в кармане, или зашить под подкладку, или даже под этот бинт на руке запрятать. Для этого, может быть, он себе повязку и соорудил. Ведь перед самой границей забинтовал. Но как тут проверишь? Бикт снять с него нельзя. Во всяком случае, здесь, в вагоне.

Андрей забеспокоился. Он живо представил себе, как Засохо, запершись в туалете, поспешно укладывает на руке кредитки, а потом, придерживая зубами конец бинта, начинает осторожно обматывать им руку. Нет, нет, надо как-то проверить этого типа, особенно его повязку на руке.

В коридоре совсем близко раздались шаги и знакомый голос произнес:

— Предъявите ваши «декларации». По законам Советского Союза запрещен ввоз в страну...

Андрей поднял голову и увидел Вальку. Он подошел к нему сзади и тихо сказал в самое ухо:

— Валька, этот Засохо, что в соседнем купе, везет контрабанду. Ручаюсь. Давай проверим.

Валька обернулся и поднял глаза на Андрея. По толстым губам его скользнула улыбка.

— Скажи, пожалуйста, — иронически произнес он. — У тебя что же, прорезалась оперативная смекалка?

— Смешно, да?

— Есть немного.

Тем не менее Валька вернулся в коридор и прикрыл за собой дверь купе.

— Надо посмотреть его повязку, — сухо, с обидой произнес Андрей. — Он ее сделал перед самой границей и очень спешил при этом.

Валька насторожился и, не скрывая своей заинтересованности, спросил:

— Откуда это тебе известно?

— Проводник сказал.

— Молодец!

— Кто молодец?

— Он. Ну и ты тоже, не плачь.

Валька решительно открыл дверь купе, где сидел Засохо. Тот что-то писал, придерживая левой, забинтованной рукой листок бумаги. Подняв голову и увидев таможенников, он спокойно сложил записку и спрятал ее в карман. Кроме него, в купе никого не было.

— Гражданин, — обратился к нему Валька. — Попрошу зайти сейчас к дежурному по таможене, надо побеседовать.

При этом он даже не взглянул на забинтованную руку Засохо. Но Андрей, стоя позади Вальки, буквально впился в нее глазами. Да, забинтована она небрежно, торопливо. Еще бы! Ведь бинтовал он ее сам, одной рукой. Около локтя слои бинта даже чуть сползли.

Засохо невозмутимо пожал плечами: пожалуйста, если надо, он пойдет к дежурному.

Пока Засохо не появился в тесной, перегороженной барьером комнате дежурного, Андрей переволновался так, как ни перед одним экзаменом в институте.

Но вот, наконец, Засохо важно опустился на стул и устроил на коленях больную руку. Здоровой рукой он провел по седому ежику волос на голове и поправил очки.

— Слушаю вас. В чем дело?

Кроме самого дежурного, в комнате находились Андрей, Валька Дубинин и начальник смены, худой и нервный Шалымов, очень осторожный и вечно чем-нибудь недовольный.

Сейчас Шалымов был недоволен тем, что Дубинин и Шмелев задержали такого солидного человека. Правда, чутье опытного таможенника подсказывало ему, что поговорить с этим человеком, пожалуй, стоит: история с повязкой действительно несколько подозрительна. Но, с другой стороны, прямого повода для такой беседы не было, тем более для специального приглашения его из вагона в дежурку. Тут, в случае ошибки, не оберешься неприятностей, особенно если он какой-нибудь ответственный товарищ. Молодежь этого не понимает.

Шалымов с кислым видом посмотрел на Засохо, задержал взгляд на его перевязанной руке, и она ему еще больше не понравилась, чем в первый момент. Он подвинул стул поближе к Засохо и, усевшись, неожиданно добродушно сказал:

— Прошу прощения за задержку. Служба, знаете ли...

Валька, чуть усмехнувшись, скосил глаза на Андрея. Тот поймал его взгляд, но, не поняв его значения, нагнулся и подставил приятелю ухо. Валька шепнул:

— Подобрел. Значит, чего-то учуял. Андрей почувствовал, как холодок прошел по спине: что-то будет.

— Переться к вам — радости мало, — буркнул Засохо. — Так что не тяните волюнку.

Шалымов невольно отметил про себя, что не очень-то вяжется профессорская внешность этого человека с такой грубоватой речью. И он спросил тоном, еще более добродушным, чем раньше: . — Как съездили, если не секрет?

— Спасибо, очень хорошо.

Неожиданно Шалымов нагнулся к Засохо и, схватив его за больную руку, воскликнул:

— Смотрите, какая штука у вас здесь появилась!

— Что еще такое? — встревоженно спросил Засохо, даже не поморщившись от грубого прикосновения, и поднял руку на уровень глаз, потом, усмехнувшись, с облегчением пояснил: — Это родинки такие, черт бы их побрал.

Но Шалымову уже все было ясно. Он очень вежливо и совсем уже добродушно, почти ласково спросил:

— Будьте так добры, снимите повязку.

— Что?!

— Я прошу снять повязку. Она вам уже не нужна.

— Вы что порете? У меня...

— Хотите это сделать при враче? — в голосе Шалымова прозвучала ирония. Но на вытянутом лице его с глубокими складками на щеках оставалось прежнее выражение

недовольства.

— Нужен мне ваш врач, как...

И Засохо неожиданно грубо выругался. Побагровев, он начал со злостью срывать бинт. Рука оказалась обложенной зелеными долларовыми бумажками.

Андрей не верил своим глазам. Неужели это он, он сам нашел контрабанду? И, как бы отвечая на его вопрос, Шалымов, указав, на Андрея и Дубинина, заметил:

— Скажите спасибо молодым людям. Они избавили вас от дальнейших хлопот с этими неприятными бумажками.

— Плевал я на ваших молодых людей!

Но тем не менее Засохо бросил на Дубинина недобрый взгляд. На Андрея он даже не посмотрел.

С конфискованными долларами Шалымов отправился на второй этаж, к Жгутину. Вернулся он быстро.

Засохо с оскорбленным видом курил, поблескивая стеклами своих очков, то и дело поправляя их или проводя чуть дрожащей рукой по седому бобрику волос. Андрей и Валька тихо о чем-то переговаривались.

— Получено указание на личный досмотр, — сварливым тоном объявил Шалымов и добавил, обращаясь к Андрею: — Заприте дверь.

Ругаясь последними словами, Засохо начал раздеваться. И чем больше вещей он с себя снимал, тем, казалось, больше сходил с него внешний покров цивилизации, тем испуганней и грязней становилась его ругань.

Таможенники прощупывали каждую вещь, каждый шов, просматривали содержимое карманов.

Андрей работал вместе со всеми. Внутри у него все пело от гордости: первая задержанная им контрабанда, первый схваченный им подлец. Тут было отчего гордиться.

И, глядя на его радостное лицо, Валька Дубинин строго сказал:

— Вот они какие бывают, у тещи пироги!

Андрей ничего не понял, но весело кивнул головой.

...Шалымов был очень недоволен, что в его смену назначили жену Шмелева, эту самую Люсю. С ней хлопот было через край, и подвести она могла в любую минуту. Поэтому Шалымов, горько вздохнув и помянув про себя недобрим словом всех женщин вообще и эту в частности, решил не отпускать ее от себя ни на шаг. От молодой женщины с такой внешностью всего можно было ожидать.

Люся действительно была хороша собой и прекрасно знала это. Лицо ее, словно написанное нежнейшей акварелью, лишь чуть портили резкий разлет бровей и излишне самоуверенные зеленоватые глаза. Тоненькая девичья фигурка, трогательная и беззащитная, не очень сочеталась с резкими и широкими движениями.

Тем не менее первое впечатление было такое, что Андрей привез робкое и хрупкое существо, может быть, чуть капризное, но тем не менее обаятельное. Люсю встретили тепло, по-дружески и чуть покровительственно. Каждый стремился ей что-то объяснить, показать, чем-то помочь. Каждый, только не Шалымов.

Хоть и казался Шалымов человеком вечно чем-то недовольным и обиженным, хоть и часто донимал он своих подчиненных, тем не менее человек он был не злой и по-своему справедливый.

Но женщин Шалымов не любил и избегал их. Вероятно, это была как бы защитная реакция на их невнимание к нему. Рассказывали даже, что от него ушла жена, которую он очень любил, ушла нехорошо, оскорбив его, и— вот с тех пор... Впрочем, никто об этом ничего достоверного не знал.

Когда Шалымов впервые увидел Люсю в своей смене, его охватили опасения. Каким-то чутьем он понял, что добра от нее, как таможенника, ждать не приходится.

Между тем Люся, ничего не подозревая, улыбалась, весело отвечала на шутки

окруживших ее плотным кольцом таможенников и казалась бесконечно счастливой своим приездом в Брест, встречей с Андреем, всеобщим восхищенным вниманием.

Спустя несколько дней она вышла на работу. Шалымов с удивлением отметил про себя, что это была уже не та Люся. Эта не улыбалась, не щебетала, не задавала наивных вопросов, удивленно округлив красивые подведенные глаза. На этот раз сдержанная, чуть бледная, шла она по вагону вслед за Шалымовым, с неприязнью посматривая, как он подписывает «декларации», беседует с пассажирами или просматривает их багаж. «Ну вот, — раздраженно подумал Шалымов. — Теперь будет на работе свои настроения срывать. Мальчишка чихнет, суп пригорит или с мужем поссорится, а ты тут терпи ее фанаберии». Он решил ни о чем ее не спрашивать, а то еще пустится в объяснения, потребует сочувствия или пойдут слезы.

В конце дня, когда они шли вдвоем по сумеречному перрону, Люся неожиданно сказала:

— Мне кажется, Анатолий Иванович, что вам эта работа тоже не по душе.

— Что значит «тоже»? — сухо осведомился Шалымов.

— Это значит, — равнодушно ответила Люся, — что мне она не по душе. Я вам откровенно скажу: не для того я пять лет училась в институте, чтобы рыться в чужих вещах.

Шалымов рассердился.

— К любой работе можно подобрать слова, чтобы ее охаить. «Рыться в чужих вещах!» Больше вы ничего в нашей работе не заметили?

— Нет, — с вызовом ответила Люся.

— Оно и видно. Мы, между прочим, не вещи, мы людей досматриваем. Разных. Это куда тоньше. А вообще-то вас тут никто не удерживает.

— Еще как удерживают, — капризным тоном возразила Люся. — И министерство и муж.

— Ну вот с ними и разбирайтесь.

Они вошли в досмотровый зал, и разговор на этом прекратился. Зал был полон людей: таможенники досматривали багаж пассажиров поезда Брест — Магдебург.

С того дня Люся невзлюбила Шалымова. Все в нем раздражало ее — и вечно недовольное лицо, и придирки по службе, и то, что он явно игнорировал ее. Шалымов был с ней сух, официален и не позволял ни одного внеслужебного разговора. Однажды простудился Вовка. Все в смене подходило к ней с сочувственными вопросами, говорили какие-то ободряющие слова, давали советы. Только Шалымов подошел не к Люсе, а к Андрею и о Вовке спросил у него. «Противный какой, — подумала Люся. — Он меня просто ненавидит. Ну и пусть, — мстительно решила она, — все они тут...»

И она в который уже раз подумала о том, что в институте все было не так и она была не такой. С каким удовольствием занималась она там, какую радость приносили ей и отлично сданные экзамены и комсомольская работа! А театральная кружок? Разве там могли обойтись без нее? Всем она занималась с охотой, все горело, спорилось у нее. И все восхищались ею, даже девчонки, даже самые завистливые из них. Что уж говорить о мальчишках! При воспоминании о том, как она командовала ими, как принимала ухаживания, как отвергала, — при воспоминании обо всем этом сладко замирало сердце. Потом появился Андрей.

Любовь к нему сделала Люсю вдруг такой нежной и покорной, такой заботливой и чуткой, что первое время она не узнавала себя. Творилось что-то необычайное. Люся для себя перестала существовать. Все теперь было связано с Андреем, каждое желание, каждая мысль, каждое движение души. Иногда Люся даже просыпалась ночью и, перебирая шелковистые, спутанные волосы мужа, плакала от душившейся ее нежности к нему.

Да, это все было, было, было...

Они сидели по вечерам, не зажигая света, и мечтали о будущем. Это было тогда, когда она уже ждала Вовку. Ей трудно было ходить на лекции, и Андрей вел такие подробные конспекты, каких у него не было никогда в жизни. А потом они часами сидели над ними

вдвоем. И она не отстала. Несмотря на Вовку! На всех собраниях их с Андреем ставили в пример, о них писали в институтской многотиражке. И Люся была полна счастья и гордости за Андрея, именно за Андрея. Она почему-то совсем не думала тогда о себе.

И еще они мечтали о своей будущей работе. Об этом лучше сейчас не вспоминать. Ведь их собирались отправить на работу за границу. И Люся уже видела себя в роскошных отелях, в голубых экспрессах, в шикарных деловых офисах, она мысленно уже примеряла на себе новые, модные туалеты. Это происходило помимо ее воли, а заставляла она себя думать и говорила Андрею о сложной работе с иностранными фирмами, о трудной борьбе за интересы родной страны. И Андрей слушал, улыбаясь, а однажды притянул ее к себе, легко взял на руки и, раскачивая в воздухе, словно баюкая, с пафосом провозгласил: «И будешь ты царицей мира, подруга верная моя».

Все это тоже было...

И вдруг... Подумать только! Это нелепое распределение. И за ним — крушение всех планов. Но что самое возмутительное — Андрей примирился с этим крушением! Больше того, он, кажется, даже доволен, попав в эту дыру. Ну нет, она не собиралась с этим примириться. И тем более не собирается губить свою жизнь из-за его сверхсознательных поступков. За это его все равно орденом не наградят, пусть не надеется. Даже спасибо никто не скажет. И Андрей может злиться на нее за эти взгляды сколько ему угодно и убегать из дому, но это правда!

Упрямство этого человека привело ее сюда, в этот ужасный Брест. И сейчас она вынуждена таскаться за этим противным Шалымовым и смотреть, как он роется в чужих вещах. Боже, что это порой за вещи! Люся так страстно мечтала иметь такие же. Разве это стыдно? Нет, конечно. И вот она вынуждена наблюдать, как эти вещи везут другие, и еще рассматривать их, любоваться ими. Это вместо того, чтобы работать где-нибудь в Лондоне в торгпредстве! Как ей не повезло в жизни! И все из-за Андрея, этого самодовольного и ограниченного человека. Да, да, ограниченного!

Она так и сказала ему в то утро, перед работой, когда они поссорились. В который уже раз!

Андрей тогда посмотрел на нее, и Люся не узнала его взгляда — таким он был странно отчужденным и усталым. Потом Андрей медленно произнес:

— Ты еще не знаешь, что такое настоящее горе. И не знаешь, что такое долг. Запомни раз и навсегда: меня сюда послала партия, и я буду здесь работать. Здесь работают такие же люди, как и мы с тобой. И они делают важное дело. Очень важное!

Это было в тот день, когда Андрей впервые обнаружил контрабанду.

...Люся шла за Шалымовым по мягкому вагону экспресса Берлин—Москва, от одного купе к другому, и все внутри у нее кипело еще от недавней ссоры с мужем. Только сейчас приходили ей на ум самые нужные, самые верные и самые обидные слова, которые следовало крикнуть Андрею, которыми можно было доказать, что права она, а не он.

Но, с обидой и негодованием думая обо всем этом, Люся, однако, не переставала улыбаться, чувствуя на себе взгляды пассажиров. А пассажиры в этом вагоне были особенные: из Польши возвращались наши спортсмены, участники лыжных состязаний.

Это были загорелые, энергичные и веселые ребята. Все они были полны впечатлений, все еще горели азартом борьбы. В одном купе шумно и страстно ругали какого-то судью, явно симпатизировавшего англичанам и канадцам, в другом купе обсуждали несчастный случай на дистанции, в третьем — хамское поведение американских туристов-болельщиков. Но стоило только в дверях купе появиться таможенникам, споры прекращались и на лицах пассажиров появлялась улыбка. Она как будто говорила: «В конце концов все позади и мы дома, наконец-то дома!»

И от этих улыбок даже постное, морщинистое лицо Шалымова, казалось, тоже добрело: приподнимались недовольно опущенные уголки рта, чуть-чуть разглаживались хмурые складки на лбу.

Люсе оказывались особые знаки внимания. Мгновенно очищалась скамейка, и ее чуть

не силой усаживали. Сами же хозяева купе весело лезли на колени друг к другу. Потом Люсю старались потрясти самыми невероятными сенсациями из области лыжного спорта. Наконец, ей настойчиво дарили сувениры. А один разошедшийся паренек, очень интересный, черноволосый, в ярком свитере, даже попытался назначить ей свидание. При этом вид у него был такой озорной и решительный, что Люся неожиданно поймала себя на мысли: она бы, пожалуй, пришла на это свидание, если бы это не было шуткой и поезд не уходил через два часа.

Люся уже не раз чувствовала на себе недовольные взгляды Шалымова, и они все больше раздражали и возмущали ее. Какое он имеет право так смотреть? Разве она нарушает закон или какую-нибудь из многочисленных инструкций тем, что приветлива с людьми, что нравится им? И ей захотелось сделать что-нибудь назло Шалымову, пусть это будет даже нарушением инструкции. Так ему и надо, этому несчастному педанту!

Как раз в этот момент какой-то долговязый спортсмен со шрамом на щеке потянулся на третью полку, под самый потолок, и, минуто порывшись в чемодане, достал резиновую куклу. При виде ее Люся на секунду забыла обо всем на свете. Это была не кукла, нет, нет, это была живая, что-то натворившая девчужка, которая, засунув палец в рот, опасливо, но с затаенным восторгом от всего ею сделанного косила глазками в ту сторону, откуда должна была прийти мама. Словом, это было чудо кукольного искусства.

Долговязый спортсмен улыбнулся и протянул куклу Люсе:

— На память о нашей команде и о нашей победе. Прошу вас. Забавная вещица. Может, будет когда дочка или сынок...

Люся закусил губу, метнула дерзкий, неприязненный взгляд на Шалымова и взяла куклу.

— Большущее спасибо. А сынок уже есть.

Когда они кончили «оформлять» вагон и вышли на мокрый от подтаявшего снега перрон, уже стемнело. Желтыми, расплывчатыми шарами повисли в мокром воздухе фонари на невидимых столбах. Дул резкий, промозглый, словно на что-то вдруг обозлившийся ветер.

К Шалымову подбежал кто-то из таможенников, и сквозь свистящие порывы ветра Люся услышала обрывки фраз:

— ...повязка на руке... подозрительно... сказал проводник...

Час спустя под тем же пронизывающим ветром, в крошечной тьме Люся шла домой, прижимая к себе куклу. И ей казалось, что эта резиновая девчужка согревает ее.

В дежурку Люся не попала, там шел личный досмотр, Андрей и Дубинин кого-то задержали. Но она не стала дожидаться результатов, как другие сотрудники. Ей это было совершенно безразлично. Люсе очень хотелось есть, она устала, и ей все здесь надоело. И еще хотелось видеть Вовку. Интересно, как он поведет себя с этой куклой.

Но тут вдруг Люсю обожгла новая мысль. Как она радуется этой кукле, этой подачке — ведь тот парень вез, конечно, в сто раз больше вещей, и ему было не жалко одной куклы. Почему она так радуется, она, которая могла бы сама делать такие подарки, если бы... если бы... И тут слезы начали душить Люсю.

Всхлипывая, она пробежала по переулку до их Дома и дрожащими руками отперла дверь квартиры. Вовка еще гулял с няней. Дома никого не было. Люся, не раздеваясь, вбежала в комнату, швырнула куклу в угол, где лежали игрушки сына, и, упав на диван, громко разрыдалась.

Андрей пришел домой шумный и веселый. Дверь открыла Люся. За ней шариком выкатился большеголовый, весь в золотистых веснушках Вовка. Он схватил отца за руку и, не давая снять пальто, потащил в комнату.

— Дочка, дочка! — возбужденно кричал он. — Поди! Смотри!

Люся, наблюдая за сыном, молча улыбалась. Была она чуть бледна, но спокойна.

— Что это за дочка, о которой мне ничего не известно? — пошутил Андрей, взглянув на Люсю и радуясь ее спокойствию и ее улыбке.

— Поди! Поди! — продолжал тянуть его Вовка.

— Ну ладно, ладно. Иду.

Андрей вошел в комнату и сразу увидел куклу. Она сидела на маленьком стульчике возле низенького Вовкиного стола, неестественно согнутая и все-таки прекрасная.

— Откуда такое чудо? — восхитился Андрей.

— Мама принесла! Мама!

— А у мамы откуда?

Вопрос вырвался сам собой, Андрей не хотел новой ссоры и, признаться, не ждал ее, так спокойна была Люся, так равна.

Уже давно Андрей поймал себя на том, что, входя в дом, прежде всего определяет степень накаленности атмосферы в нем и состояние, в котором находится Люся. Мельчайшие детали — брошенная на стул в передней шапочка жены (обычно Люся очень аккуратна), кивок головой вместо обычного «здравствуй», закушенная губа и десяток других примет говорили о надвигающейся грозе.

Сегодня он не уловил ничего. Может быть, помешала его собственная радость, горделивое ощущение успеха, нетерпеливая потребность немедленно все и во всех подробностях рассказать Люсе.

На безобидный вопрос мужа Люся ядовито ответила :

— Одни гоняются за контрабандой, а другие получают просто подарки. Кому что нравится. Вот и все.

— Так это подарок? — Андрей указал на куклу. Люся уперлась кулачками в бока и, подавшись вперед, зло спросила:

— А что? И это тоже здесь запрещено?

— Мама, мама! — засуетился Вовка. — Суп! На кухне суп! — потом он подбежал к отцу и опять схватил его за руку. — Папа, это будет наша дочка, да? Будет, да?

Вовка говорил торопливо, сбывающимся от волнения голосом. Чувствовалось, как он боится надвигающейся ссоры.

— Я не буду с тобой ссориться сейчас, понятно? — еле сдерживая себя, глухо ответил Андрей. — Пожалей, наконец, хоть его.

Но Люся уже не могла остановиться.

— А меня кто пожалеет?! Я ненавижу эту жизнь! И тебя ненавижу!..

— Нет! — отчаянно закричал вдруг Вовка, бросаясь к матери. — Нет, ты его видишь! Видишь! Это папа!

Он зарылся лицом в Люсино платье, судорожно обхватив ручонками ее колени.

Андрей не мог этого больше выдержать. Первое желание его было схватить Вовку и унести куда-нибудь, чтобы он больше не слышал этих грубых криков, не видел этих злых, ненавидящих глаз. Но Вовка так вцепился в мать, что оторвать его было невыносимо.

Тогда Андрей решил уйти один.

Проходя мимо Вовки, он погладил его по голове и как можно спокойнее сказал:

— Ну, сына, чего ты плачешь? Конечно, мама видит меня, — и, взглянув на Люсю, холодно добавил: — Приду как можно позже.

— Можешь мне не докладывать!

Закрывая дверь, Андрей поймал себя на желании изо всех сил хлопнуть ею. Но — в который уже раз за этот вечер! — сдержался и аккуратно прикрыл дверь за собой.

Холодный, остервенелый ветер хозяйничал на полутемных улицах, раскачивая фонари, с налету ударяя в лица прохожих, толкая их в спины, пронзительно завывая и свистя. «Ну, и ветры же здесь», — подумал Андрей.

Он секунду постоял на крыльце дома, зябко поеживаясь и соображая, куда бы пойти. Ведь невозможно весь вечер гулять на эдаком ветру по улице. Идти к знакомым не хотелось: начнут лезть с расспросами, почему один, где Люся. Может быть, в кино забраться? Что бы там ни шло, а два часа можно отсидеть в тепле. Решено. И пойдет он в «Дружбу», новый большой кинотеатр, в котором он еще ни разу не был.

Андрей поднял воротник пальто и, засунув озябшие руки поглубже в карманы, сошел с крыльца.

Слабо светились витрины небольших магазинов, в полутьме сновали прохожие, слышались обрывки разговоров, смех. Глухо урча, проезжали редкие машины.

У освещенного двумя шарами входа в драмтеатр стояли люди, вероятно надеясь купить билеты на спектакль. «Неплохая здесь, кажется, труппа», — подумал Андрей. Он неторопливо брел, хлопая ногами по раскисшему грязному снегу, и думал.

Все эти два месяца в Бресте он жил какой-то изматывающей, издерганной жизнью. О чем бы он ни задумывался — будь то Люся или даже его собственное будущее, его работа, — все причиняло ему сейчас боль.

Как хорошо и спокойно текла его жизнь до сих пор и как вдруг вся она полетела под откос! И он растерялся, он не знает, что ему делать, что предпринять, чтобы остановить это крушение. У него скоро не будет семьи, скоро уйдет Люся. Он это чувствует, он видит, чем это все кончится. Как же он будет жить без нее, без Вовки? Но он не может махнуть рукой и уехать отсюда. Не может! Почему Люся не понимает этого? Ведь она же всегда его понимала. Что же случилось? Может быть, он действительно не прав? Может быть, и в самом деле нельзя жить так прямолинейно, «по газетным передовым», как выразилась Люся? Что же, переломить себя, начать ловчить, искать, где теплее? Ну нет!

Андрей зло стиснул кулаки и невольно ускорил шаг.

Что же делать? Ведь Люся ничего не хочет слышать. Она уже не просит, она требует, она чуть ли не ультиматумы ставит: пусть другие живут в этой дыре, а они с Андреем должны добиться — должны, должны! — той работы, для которой готовились и которую им обещали вначале. И тут Люся открывается какой-то новой, совсем незнакомой стороной. Андрей видит: она мечтает о работе за границей вовсе не потому, что там она принесет особую пользу. Нет! Это пустые разговоры! Ее привлекает внешний блеск той жизни: модные тряпки, приемы в посольствах, дорогие отели. Откуда в ней это, черт возьми?

Андрей свернул за угол, прошел квартал по пустынной, узкой улочке и вышел на другую, пошире. Здесь тоже было много прохожих и светились магазинные витрины.

Вот, наконец, и кинотеатр «Дружба», вот и толпа у касс. Да, билетов нет. Это ясно.

Андрей постоял минуту в нерешительности. Надо уходить. Может быть, в каких-нибудь других кинотеатрах он еще достанет билет, хотя бы на последний сеанс.

Конечно, он мог бы зайти к Наде. Она будет очень рада, если он придет к ней. Но он к ней не пойдет. И напрасно она звонит к нему на работу. Он и к телефону больше не подходит. Теперь ему ясно, что Надя нарочно все подстроила там, в гостинице. К тому же он уже знает, что никакая она не приезжая, а директор магазина случайных вещей; у нее есть здесь квартира и всюду уйма знакомых. Но она не оставляет в покое Андрея. Конечно, надо бы набраться решимости и поговорить с ней, разом все поставить на свое место. Андрей всегда любил ясность в отношениях с людьми, а этот случай требовал ясности больше, чем любой другой. Но идти к Наде, тем более сейчас, не хотелось.

Андрей взглянул на часы. Семь часов! Впереди еще весь вечер, долгий вечер, который неизвестно, как убить. Но не стоять же здесь без толку? Он повернулся, собираясь уходить.

В этот момент невдалеке раздался возглас:

— Шмелев! Стой! Куда ты?

Андрей оглянулся. Из толпы вынырнул Семен Буланый, держа за руку худенькую девушку в белой цигейковой шубке.

— Светочка, это тот самый легендарный Андрей Шмелев, гроза контрабандистов. И мой друг с доисторических времен. Знакомьтесь.

Девушка несмело протянула руку.

— Светлана.

— Андрей.

— Что ты тут делаешь? — деловито осведомился Семен.

— Собираюсь попасть в кино.

— Один?

— Один.

— Понятно. Но полезное мероприятие сорвалось ввиду отсутствия билетов? Тоже понятно. Поскольку и у нас оно сорвалось, может быть, объединим усилия? Возражений нет?

Возражений не было. Стали обсуждать, куда бы пойти. Девушка оживилась и уже не казалась смущенной. Смуглое лицо ее, освещенное улыбкой, разурмянилось, большие темные глаза, умные и смешливые, все смелее и любопытнее поглядывали на Андрея.

— Знаете что? — наконец сказала она. — Мы нигде не достанем сейчас билетов. Их надо брать с утра. У меня есть предложение. Пойдемте ко мне.

— Неудобно беспокоить начальство, — замялся Семен, но Андрей видел, что предложение Светланы ему пришлось по душе и он колеблется только для вида.

— Как не стыдно, Семен, — возмутилась девушка и, обращаясь к Андрею, добавила: — Ведь я же вижу, что притворяется. Не так-то просто его смутить. А фамилия моя Жгутина.

— Так вы — дочка Федора Александровича?

— Да. Вот Семен и не пропускает случая...

— Светочка, хватит! — шутливо перебил ее Семен, подняв вверх руки. — С восторгом принимаю ваше приглашение. Пойдем, Андрей.

— Что ж. Я тоже с восторгом.

Светлана взглянула на него и погрозила пальцем.

— Вам восторг не идет. Вы, по-моему, человек серьезный, положительный. Правда, Семен?

И вдруг расхохоталась так заразительно, что Семен и даже Андрей невольно рассмеялись вместе с ней.

Дверь им открыл сам Федор Александрович, розовый, заспанный, в мягкой штапельной пижаме.

— Папа, учти, — сказала ему Светлана, — это мои гости. Они не к тебе пришли.

— Это еще что за предупреждение?

— А то они боялись нарушить твой покой, — и Светлана лукаво взглянула на своих спутников. Семен развел руками.

— Ну и дочка у вас, Федор Александрович. Не язычок, а бритва.

— Это у нее наследственное, — усмехнулся Жгутин, в зевке прикрывая пухлой ладонью рот. — По женской линии.

Светлана звонко рассмеялась.

— Хватит меня разоблачать перед гостями! Мамы, очевидно, нет дома? Идемте ко мне, — решительно объявила она молодым людям и, обращаясь к отцу, добавила: — Папочка, можешь спать дальше. Когда вскипит чайник, я тебя разбуджу.

Без пальто, в синем скромном платье с широким, ослепительно белым воротничком Светлана показалась Андрею совсем юной, почти девочкой. Но лицо Светланы, смуглое, оживленное, обрамленное копной коротких черных волос, останавливало внимание своей незаурядностью и умом, светившимся в больших горячих глазах. «Интересная девочка и умница», — окончательно решил про себя Андрей и с каким-то невольным уважением посмотрел на Семена.

В уютной Светланиной комнате Андрей и Семен с первой же минуты почувствовали себя приятно и свободно. Пока Светлана суежилась, накрывая на низкий столик у дивана скатерть и расставляя посуду, Андрей рассматривал книги на полке. Семен же помогал Светлане. Девушка весело, с шутливой строгостью командовала им, и он с видимым удовольствием подчинялся.

Наконец стол был накрыт, чайник вскипел, и Светлана побежала за отцом.

Жгутин появился уже в костюме, хотя и без галстука, умытый и окончательно проснувшийся.

За чаем разговор сначала вертелся вокруг последних известий из Москвы. Жгутин любил Москву трогательной и ревнивой любовью и мог без конца слушать рассказы

москвичей о ее новых улицах, скверах и домах. Он очень жалел, что не может выписать «Вечернюю Москву», по его мнению, интереснейшую из всех газет.

Но постепенно разговор зашел о работе в таможене. Начал его Семен.

— А что, Федор Александрович, — обратился он к Жгутину, — если откровенно сказать, ведь не может наша работа всю жизнь приносить человеку удовлетворение. Верно?

— Почему же не может? — осторожно спросил Жгутин.

— Так это же не призвание, с этим люди не рождаются. Вот, к примеру, врач, или там инженер, или музыкант. Это призвание. И для человека с таким призванием — счастье стать врачом или музыкантом. А таможенник? Разве это призвание, разве с этим рождаются? Люди попадают на эту работу случайно.

Семен говорил с увлечением, и чувствовалось, что присутствие Светланы играло здесь немаловажную роль.

И Андрей, слушая приятеля, невольно улыбнулся: какими все-таки наивными становятся люди, когда влюбляются.

Но Жгутин воспринял слова Семена по-иному.

— Тонкой материи касаетесь, — покачал головой он. — Я, пожалуй, отвечу вам конкретным примером. Вот супруга моя, Нина Яковлевна, хирург, хирург по призванию, от рождения, это не я говорю, это ее коллеги говорят. И когда она рассказывает мне о своих делах, о своих операциях, я сижу как замороженный. Невозможно, понимаете ли, слушать ее спокойно. И вот, обратите внимание, когда я ей рассказываю о своей работе — о людях, которые проезжают через границу, о друзьях и врагах наших, о том, что они говорят, как ведут себя, о контрабанде, ведь слушает меня Нина Яковлевна, представьте себе, с интересом, и волнуется, и даже ругает меня, требует от меня чего-то. Но разве я такой уж расчудесный рассказчик? Разве в этом дело? Нет. Есть что-то в нашей работе, что за живое человека берет.

И ведь с каждым годом она все сложнее становится. Мы ведь на очень ответственном участке с вами находимся. Нам сейчас широта взглядов нужна, образование, культура, чтобы впросак не попасть: правильно закон применить, политику нашу объяснить, чтобы из словесной схватки с врагом победителем выйти. Вот как вы тогда с тем немцем, помните? — кивнул он Андрею.

Андрей смущенно спросил:

— Откуда вы знаете?

— Дубинин докладывал, восторг изливал. А разговор с голландцем, который часы провозил? Это ведь был разговор не только с ним, это еще и в газеты их может попасть, да и без того он десяткам людей станет известен там, в Голландии. Из этого тоже складывается мнение о стране. Шутка ли?

Незаметно для себя самого Андрей все внимательнее прислушивался к разговору. Речь зашла, по существу, о цели жизни, о выборе пути в ней, и Андрей, особенно сейчас, когда от решения этого вопроса зависела вся его жизнь с Люсей, не мог равнодушно отнестись к тому, что он слышал. — А Жгутин, отставив чашку с чаем, закурил и продолжал, глядя куда-то сощуренными глазами:

— И еще вот что я вам скажу, дорогие вы мои. Чем больше я живу, тем больше мне хочется сознавать, что я живу не зря. И не в том смысле, что, мол, памятник о себе оставлю нерукотворный. Нет. Это надо понимать в том смысле, что конкретную пользу для нашего общего дела от своей работы я ощущаю. Это очень важно, особенно мне, как коммунисту. Без этого я жить не могу.

Семен снисходительно усмехнулся. — Вы сейчас, Федор Александрович, извините меня, говорите газетные истины. Мол, все профессии важны, надо только добросовестно трудиться на пользу, народу. Тысячу раз мы это уже слышали. Но еще никогда от повторения мысль не становилась убедительней...

И в этот момент Андрея особенно покорибила его нечуткость. Ведь если не по словам, то по искреннему тону Жгутина, по его волнению можно было понять, что говорит он об

очень дорогим для себя, очень важным. Как же можно упрекать его в том, что он изрекает прописные истины?

Видно, то же самое почувствовала и Светлана, потому что посмотрела она на Семена сердито и чуть удивленно, а потом резко сказала:

— Не надо придирается к словам и выставлять себя таким умным.

— Просто я трезво смотрю на вещи, — строптиво возразил Семен, и лицо его приняло упрямое выражение. — Мы не так заражены идеализмом, как наши отцы. Верно, Андрей? Что ты отмалчиваешься?

— Дело не в идеализме отцов, — задумчиво ответил Андрей. — Просто надо и самому кое-что проверить в жизни.

— Значит, ты сомневаешься в принципах старшего поколения?

— Я не сомневаюсь в этих принципах. За них боролись наши отцы, за них готов драться и я. Но надо еще суметь их применить в своей собственной жизни. Это не всегда легко. Вот Федор Александрович говорит, что главное — свою пользу ощущать. А тогда скажите мне, что важнее — долг или стремление, если приходится, скажем, выбирать?

От размышлений и сомнений Андрей все больше переходил на спор. И видел он сейчас перед собой не Семена, не Жгутину и не Светлану, а Люсю; с ней, ожесточась, в который раз уже заводил этот спор.

— И я, например, считаю, что важнее — долг! Раз надо, раз тебя послали — работай! Значит, нужен, значит, полезен.

— Работай из-под палки? — усмехнулся Семен.

— Нет. Из убеждения. Из дисциплины! Семена все больше веселил этот спор.

— О, ты, я вижу, ортодокс, — тем же насмешливым тоном продолжал он. — Сейчас ты меня будешь призывать поехать на целину или вовремя платить членские взносы.

— Я тебя буду призывать не паясничать.

— И я тоже, — сухо промолвила Светлана.

Семен вдруг сразу посерьезнел и уже ядовито и многозначительно сказал, обращаясь к Андрею:

— Кстати, о принципах нашей, жизни. Один из них, если не ошибаюсь, гласит, что слова не должны расходиться с делами. А вот насчет дел у тебя какая-то, я бы сказал, телефонная неувязка наметилась. Чуть не каждый день кое-кто звонит, все тебя требует. И это с первых же... гм... суток, как ты сюда приехал.

— Какая телефонная неувязка? Что ты... — и тут вдруг Андрей осекся. «Семен намекает на Надю, на ее звонки, — подумал он. — Неужели ему что-то известно? Но откуда, как? Только этого не хватает!»

Но тут вмешалась Светлана.

— Мальчишки, не ссориться, — строго скомандовала она и, обращаясь к Андрею, добавила: — Лучше расскажите, как вы сегодня контрабандиста поймали. Из папы я ничего не могла вытянуть.

— А это потому, — уже совсем другим тоном, весело и добродушно, отозвался Семен, — что другой принцип гласит: надо изучать все по первоисточникам. Вот я его к вам и привел, — он широким жестом указал на Андрея.

— Положим, я сама его привела, — засмеялась Светлана и снова взглянула на Андрея.

Взгляды их на секунду встретились, и Андрей прочел в глазах девушки столько тепла и доброжелательности, что ему вдруг на минуту показалось, что не так уж тяжело и беспросветно все в его жизни. И он, улыбнувшись, принялся весело описывать сегодняшнее происшествие в экспрессе Берлин—Москва.

Светлана, дивясь и радуясь внезапной перемене в нем, с интересом слушала его рассказ, смущенно лоя себя на том, что ей нравится его голос, его лицо, его скупые жесты, вся его огромная и нескладная фигура в сером, с искоркой пиджаке из дешевой ткани и голубой рубашке с расстегнутым воротом.

И Жгутину, молчаливо кутившему в углу на диване, тоже нравился Андрей, но к этому

чувству примешивалось какое-то беспокойство. «Что-то у этого парня неладно», — подумал он.

Рассказывая про утренний случай с Засохо, Андрей почти успокоился. Но куда бы затем ни сворачивал разговор, он все время ловил себя на тревожной мысли, что Семен знает о происшествии в гостинице «Буг» и что следовало бы увидеть Надю и раз навсегда покончить со всей этой историей.

Внезапно Андрей заметил, как слипаются глаза у Жгутина, каких усилий стоит ему борьба со сном, и предложил Семену уходить. Тот замялся, а Светлана стала убеждать их посидеть еще, ведь нет и десяти часов. Потом она обернулась к отцу и сказала ему ласково и настойчиво, чтобы он шел спать, что гости это ее, а не его, и тот, тяжело поднявшись с дивана, добродушно ответил:

— Ив самом деле. Устал я, братцы мои. Года, прямо скажем, не те.

В этот момент Андрей увидел, что Семен за спиной Светланы делает ему знаки, давая понять, что он бы хотел остаться, а вот Андрею, наоборот, следует под любым предлогом уходить. Тут уже Андрею ничего не оставалось, как, повинувшись товарищеской солидарности, вдруг «вспомнить» о каком-то неотложном деле и начать прощаться...

Как ни просила его Светлана, как для виду ни уговаривал Семен, Андрей распрощался. Уже в дверях Семен с особым чувством пожал ему руку.

И вот Андрей снова один на улице. Ветер утих. Из бездонной черноты неба, медленно кружась, падали большие, как белые бабочки, снежинки. Было холодно и сыро.

Андрей посмотрел на часы. Только десять. Куда себя деть теперь? Возвращаться домой еще рано. Надо прийти, когда Люся уже будет спать, иначе опять вспыхнет ссора. Опять! Сколько еще может так продолжаться? Сколько еще могут выдерживать человеческие нервы?

Он всегда думал, что у него не нервы, а канаты. Они не сдавали в самые трудные минуты. Так было, к примеру, на всех сессиях и на госэкзаменах. И он всегда шел отвечать первым, чтобы дать успокоиться остальным. Так было однажды и в альпинистском походе, когда они заблудились, спускаясь с гор к морю. Ребята начали нервничать, ссориться и искать виновного, а Андрей молча искал дорогу, искал спокойно и упрямо и нашел ее. Так, наконец, было и в другом альпинистском походе, на следующий год, когда чуть не сорвался в ущелье Володька Федоров. В тот миг Андрей вдруг почувствовал, как что-то сжалось у него внутри, словно пружина, мысли заработали удивительно спокойно, движения стали решительными, быстрыми, ему сразу стало ясно, что надо делать, и он успел-таки зацепить Володьку ледорубом за ляжку вещевого мешка. «Колоссально, — сказал ему тогда Семен Буутаный, — у тебя нервы первый класс».

Теперь нервы начинают сдавать. Андрей это чувствует. Во время одной из ссор с Люсей на него вдруг накатила какая-то волна ярости, и он почувствовал, что не владеет собой, что может крикнуть сейчас что-то такое отвратительное и грубое, чего никогда еще себе не позволял. Андрей тогда впервые понял, что теряет власть над собой, и это было так страшно, это так потрясло его, что в тот вечер он впервые убежал из дому.

Нет, нет, сейчас он ни за что не вернется домой. Но что же делать? Просто так ходить и ходить по улицам? А хотя бы и так! Что ему, впервые, что ли, длинными, холодными вечерами вышагивать по улицам этого города? Впрочем...

Андрей остановился и в нерешительности потоптался на месте, потом опять взглянул на часы. Не так уж поздно для визита. Решено! Он пойдет к Наде. Все равно это когда-нибудь надо сделать. Вот только вспомнить бы ее адрес. Надя однажды сообщила его по телефону, хотя Андрей и предупредил, что зайти не сможет. Это было давно, и адреса он не записал. Кажется, улица Советских пограничников. Да, да, она. Дом не то четырнадцать, не то четыре, даже, может быть, двадцать четыре. А квартира один, это он точно помнит. Ну что ж, можно и поискать. Делать все равно нечего. В крайнем случае хоть будет какое-нибудь занятие, какая-нибудь цель.

Приняв решение, Андрей бодро зашагал по улице.

Расположение улиц в центре города он уже знал неплохо. Поэтому сравнительно быстро Андрей оказался на нужной улице и начал рассматривать те дома, номера которых кончались на четыре. И тут ему повезло. Женщина, выходящая из ворот дома номер четыре, сказала Андрею, что Огородникова живет здесь, в квартире номер один. При этом она с нескрываемым любопытством оглядела Андрея и добавила, не то спрашивая, не то утверждая:

— В первый раз вас вижу. Недавно, значит, познакомились.

Андрей пробормотал что-то в ответ и поспешил к воротам.

В самой глубине темного, без единой лампочки, двора примкнула к двухэтажному домику небольшая пристройка. Где-то тут и жила Надя. Чтобы разыскать ее, Андрею пришлось зайти в двухэтажный дом и постучаться в первую попавшуюся квартиру. Оттуда высунулся длинный тощий старик с отеком лицом и сивыми усами. Он хмуро выслушал Андрея, указал ему худым пальцем на пристройку и, закрывая дверь, проворчал:

— Ходить тут всякие. А ты из-за нее простужайся.

Андрей снова очутился во дворе. В кромешной тьме он добрался до пристройки и стал шарить по стене, стараясь нащупать дверь. Наконец ему это удалось, и он постучал.

Через минуту знакомый женский голос из-за двери спросил:

— Кто там?

— Андрей.

— Какой Андрей? — в голосе Нади послышались удивление и радость.

— Шмелев.

— Батюшки, Андрюша! Сейчас, сейчас!

Андрей услышал, как Надя отодвигает засовы, что-то поворачивает и звенит ключами. «Ну и замков же у нее», — насмешливо подумал он.

Наконец дверь распахнулась, и в светлом ее проеме появилась Надя. «Все-таки красивая она», — невольно подумал Андрей, окинув быстрым взглядом Надину ладную фигуру в пестром, сильно открытом домашнем платье. Пышные волосы ее были прикрыты косынкой. Лицо светилось радостью, но Андрей успел — заметить на нем и легкое замешательство.

— Не поздно я?

— Что ты! — махнула рукой Надя и лукаво добавила: — И позже приходил.

— Об этом и хочу поговорить.

— Поговорим в другой раз, Андрюшенька, — сказала Надя, запирая дверь. — Гость у меня сейчас.

— Ну так и я в другой раз приду. Андрей сделал движение к выходу, но Надя обняла его за плечи.

— Нет уж. Раз пришел, то поужинай с нами.

— Сыт я.

— Все равно. Не отпущу.

И она начала проворно расстегивать на нем пальто. Андрею ничего не оставалось, как подчиниться. При этом он уже внимательно огляделся по сторонам.

Небольшая передняя была заставлена какой-то рухлядью. Колченогие стулья, старый буфет с выбитыми дверцами, облупленный шкаф, какие-то ящики, сундуки. В углу скромно притулилась вешалка. Андрей узнал Надину шубку. На соседнем крючке висело длинное черное пальто с бобровым воротником шалью. «Наверное, гостя», — подумал Андрей, вешая рядом свою шинель.

Приглаживая на ходу волосы, он двинулся вслед за Надей в комнату.

Там за накрытым столом расположился Засохо. Без пиджака и галстука, в расстегнутой у ворота сорочке, он жадно, с шумом обсасывал косточки мясного рагу, дымившегося перед ним в глубокой миске.

Когда Андрей вошел, Засохо поднял голову, и секунду они молча, с удивлением смотрели друг на Друга.

Андрею было неприятно: Засохо не внушал ему симпатии, больше того, он был преступником, большим или малым, это не имело значения. Первым желанием Андрея было уйти, уйти и не видеть этой наглой рожи. Он даже сделал невольное движение к двери, но Надя потянула его за рукав и вырваться было уже совсем глупо. И тут же мелькнула вдруг мысль: «Зачем ему нужна валюта? Вот бы попробовать узнать?»

А Засохо между тем обрадованно воскликнул:

— О, кого я вижу! Свидетель моего позора! А ведь я тебя сразу узнал. Ей-богу. Только вида не подавал. Зачем? Верно я говорю?

— Верно.

Засохо вылез из-за стола, подошел к Андрею и, чуть не упираясь в него животом, добродушно пророкотал:

— Нет, ты мировой парень, ей-богу. И здоров вымахал!

Он с силой похлопал Андрея по плечу, потом взял под руку и увлек к столу.

— По этому поводу выпьем!

Тут только Андрей заметил полупустую бутылку водки на столе и рядом начатую бутылку вина.

— Садись, Андрюша, садись, — радостно засуетилась Надя. — Артур Филиппович предлагает выпить. — Да я, знаете, только что...

— И слышать ничего не хочу! — с пьяным упорством воскликнул Засохо. — Выпьем, тебе говорят!

Андрею пришлось подчиниться.

От новой рюмки Засохо неожиданно пришел в воинственное настроение. Он со злостью стукнул кулаком по столу.

— А этот маленький, курносый, если еще раз на дороге станет... Вот тогда! Доберусь!.. Такую мину подведу, будь здоров!..

Засохо рванул ворот рубахи, красное лицо его еще больше покраснело, щеки и нос, казалось, вот-вот лопнут под напором крови, она залила его округлившиеся в ярости глаза под стеклами очков. Страшен был этот человек в своем бешеном приступе.

— Задушу!.. Своими руками щенка этого!..

— Да будет вам, Артур Филиппович, — болезненно поморщилась Надя. — Ну что вы, в самом деле, кричите?

Ей впервые стал вдруг неприятен этот человек.

Андрей пришел ей на помощь и предложил:

— Выпьем?

— Верно! — обрадовался Засохо. Злость сразу ушла из него.

Они выпили, и Андрей самым миролюбивым и безразличным тоном спросил у Засохо:

— А к чему, например, вам доллары? Ведь все равно ничего на них не купишь.

— Какие еще доллары? — недовольно спросил Засохо.

— Как так «какие»? Да те самые...

Но тут вдруг Андрей заметил, что Засохо делает ему какие-то знаки. Он невольно взглянул на Надю. Та застыла в напряженном ожидании. «Он от нее это скрыл почему-то», — мелькнуло в голове у Андрея. Это означало, что Засохо все равно не ответит на его вопрос, настаивать было бесполезно.

— Вообще... иногда приобретают... — неопределенно закончил он.

Вскоре Андрей стал прощаться. Его не удержи — вали.

Уже в самых дверях Андрей сказал Наде:

— До свидания. Поговорим в следующий раз. Надя, поняв это по-своему, с досадой спросила:

— Этот пьяный боров помешал, да? Носит его, черта...

Андрей понял ход ее мыслей.

— Вы ничего такого не думайте, Надя. Я просто не хочу...

— А я ничего такого и не думаю. В это время в переднюю ввалился Засохо и, обняв

Андрея за плечи, сипло, с усилием проговорил:

— Ты ей не очень, понял?.. Ты же парень с этой... с головой, понял?

— Понял, — еле сдерживая отвращение, ответил Андрей и торопливо кивнул Наде: — Ну пока.

Во дворе он остановился, полной грудью вдохнул холодный, сырой воздух и досадливо поморщился. И с Надей не поговорил и пил с этим мерзавцем зря, так и не удалось узнать, зачем ему нужны были доллары.

А Надя, по-видимому, связана чем-то с ним. Да-а, такое знакомство не украшает и не бывает случайным.

Андрей вздохнул и медленно побрел к воротам. Ни» чего не поделаешь, надо было возвращаться домой.

В это время Люся сидела над кроватью уже заснувшего Вовки и, комкая в руке мокрый от слез платок, думала о своей судьбе.

Какая она несчастная! Боже мой, если бы она могла только все это предвидеть! Ведь Андрей искалечил ей жизнь! Дать себя упихнуть в такую дыру. И, главное, примириться с этим! Каким надо быть ограниченным, серым человеком! Ему приказали — и он уже руки по швам!

Люся перебирала в памяти своих подруг по институту. Да, да, некоторые из них так счастливо устроили свою судьбу. Они уже за границей. Люся перестала им даже писать. Только расстраиваться! А вот о»а... И мама еще пишет, что надо потерпеть, надо подождать. Чего ждать? Пока она, Люся, состарится, что ли? Ну нет! Она ждать не намерена. Если Андрей не сумел ей составить счастья, она будет добиваться его сама. И тем хуже для Андрея! О, она знает, что ей делать.

Люся, подняв голову, пристально посмотрела в дальний угол комнаты и с такой силой сжала в руке платок, что под кожей резко обозначились побелевшие суставы тоненьких пальцев.

ГЛАВА 3. ЛЮСИНЫ ЗНАКОМСТВА

По утрам Михаил Григорьевич Филин никогда не спешил на работу, как другие. И отнюдь не потому, что разрешал себе опаздывать, — этого он не позволял никому и ни при каких обстоятельствах. Михаил Григорьевич не спешил, ибо все утренние дела его были рассчитаны по минутам и выполнял он их с точностью хорошо отрегулированного механизма.

Вообще не было в таможене более точного и пунктуального человека, чем Михаил Григорьевич, и он сам втайне немало гордился этим. Правда, кое-кто из сотрудников за глаза говорил, что нет, мол, в Бресте большего формалиста и въедливого педанта, чем Филин, и эти разговоры, конечно, доходили до него. Но Михаил Григорьевич был убежден, что говорят это люди из зависти и еще потому, что сами разболтанны, что им в тягость любой порядок и дисциплина. А порядок, и притом неукоснительный, «железный» порядок, являлся, по мнению Михаила Григорьевича, основой основ в любом деле. И эта сторона его характера некоторым даже нравилась. Михаил Григорьевич любил производить впечатление высокопринципиального и волевого человека.

Все то, что говорилось и писалось в последние годы о чуткости к людям, о недопустимости администрирования, о необходимости разъяснять, а не приказывать, — все это Михаил Григорьевич считал глубокой ошибкой, ненужным либерализмом. Втайне он надеялся, что в конце концов все вернется «на свои места», как было в те годы, когда он начинал свою «карьеру». Михаил Григорьевич был уверен, что, не случись крупного поворота в жизни страны после XX съезда партии, он бы достиг куда большего, чем теперь, и уж по крайней мере был бы начальником таможни в Бресте, а скорей всего на

ответственной работе в Москве, в Главном управлении.

Поэтому под внешней сдержанностью и спокойствием копилось у Филина глубокое недовольство ходом событий и желчное, злорадное ожидание провалов и неудач «новой политики». Лишь в редких случаях и всегда неожиданно для него самого прорывалось наружу это недовольство и злорадство, и тогда Михаил Григорьевич бледнел, по привычке ожидая самого худшего, а когда убеждался, что никто не обращает на него внимания, то и в этом склонен был усматривать еще одно доказательство «их слабости».

Надо сказать, что в этих его настроениях и взглядах не последнюю роль сыграла его мать, Мария Адольфовна, величественная старуха в пенсне, с хриплым, властным басом и царственной осанкой. Если Филину было лет за сорок, то его матери никак не могло быть меньше шестидесяти, да еще скорей всего со значительным «хвостиком». Но Мария Адольфовна вопреки элементарной логике всегда находила случай намекнуть, что ей лишь недавно исполнилось пятьдесят.

Ни величественная внешность, ни годы не мешали Марии Адольфовне живо интересоваться туалетами, а также всеми публичными зрелищами, которые только мог ей представить такой в общем небольшой городок, как Брест. Но главное, что занимало ее, это быт и личная жизнь всех сотрудников таможни. Тут она могла часами копаться в подробностях и с жаром обсуждать все крупные и мелкие проступки, все сказанные слова и невысказанные мысли.

Мария Адольфовна в принципе не доверяла людям и относилась с величайшим подозрением к их поступкам, особенно поступкам благородным и бескорыстным. В отличие от сына, который подходил к этому вопросу с другой точки зрения, она была убеждена, что только интриги помешали его продвижению по службе. И Мария Адольфовна считала своим долгом разоблачать эти интриги, приобретать для сына сторонников из числа его сослуживцев.

Вполне понятно поэтому, что появление трех новых сотрудников, да еще из Москвы, не могло не взволновать Марию Адольфовну и не возбудить в ней самого острого интереса. Прежде всего она заставила сына рассказать все, что он о них знает, под конец сделав ему выговор за то, что знает он так мало. А спустя некоторое время все трое получили приглашение.

— Матушка моя горит желанием с вами познакомиться, — сказал Андрею Филин, усмехаясь. — А с вашей супругой — особенно. Приходите к нам сегодня вечером.

— Спасибо, но... — Андрей смущенно развел руками. — В общем-то как Люся...

— Ничего, ничего, договоритесь. Значит, ждем.

Нельзя сказать, чтобы Андрей рад был этому приглашению. Никакой симпатии он к Филину не чувствовал и дружбы с ним не искал, но и обижать отказом тоже оснований не было. Да и потом... Ну, все-таки они с Люсей хоть куда-нибудь сходят вместе.

Люся отнеслась к приглашению с полным безразличием, но пойти согласилась.

— Весь вечер развлекать какую-то старую гримзу? Безумно интересно. Еще кто-нибудь будет?

— Не знаю.

— Впрочем, все равно.

Люся лениво потянулась и не без удовольствия взглянула на себя в зеркало. Потом она деловито уселась перед ним и занялась туалетом.

Андрей тоже переоделся. При этом он с грустью подметил одну деталь: раньше, когда они собирались в гости, Люся непременно интересовалась, какую Андрей надевает рубашку, какой галстук, и долго перед уходом вертела его во все стороны. «Мой муж, — говорила она с шутливой серьезностью, — должен быть самым красивым на этом вечере». Сегодня Люсю уже не интересовало, как выглядит Андрей.

Вообще Андрей уже давно заметил, что все в доме теперь безразлично Люсе. Приходя с работы, она только спрашивала няню, накормлен ли и здоров ли Вовка. Как раньше мечтала Люся о собственной квартире и в мечтах своих уже любила и украшала ее! Но вот они

получили квартиру, отдельную двухкомнатную квартиру, предел Люсиных желаний. И что же? Заброшено, не убрано и голо сейчас здесь. Квартира выглядела так неуютно, что Андрей даже стыдился позвать к себе кого-нибудь. А Люсе все было безразлично. Она словно и не жила здесь.

Такой Люся была между двумя очередными ссорами, и Андрей уже приучился радоваться даже такому относительному покою. В эти моменты равно душевного затишья все менялось в доме. Вовка становился ласковым, смирным, а с Люсей даже каким-то заискивающим. Эти последние нотки больно ранили Андрея. Он понимал: Вовка боится, ужасно боится, что мама опять начнет сердиться и плакать, ругать его или папу.

Вот и сейчас, провожая их в гости, Вовка увивался вокруг, заглядывая в глаза то отцу, то матери, и с умильным выражением на круглом веснушчатом личике все время спрашивал:

— Сладкое кушать, да? А баловаться нет?

Андрей погладил его по золотистой головке и ответил:

— Да, да, будем кушать сладкое. И тебе принесем. А баловаться не будем. И ты не балуйся. Хорошо?

Вовка охотно принимал его ласку, но Андрей видел, как нетерпеливо и тревожно ждет он того же от Люси, и стоило ей только сделать движение, чтобы проститься с сыном, как Вовка радостно бросился к ней и обнял ручонками ее колени. Люся растроганно поцеловала его в затылок и, резко повернувшись, направилась к двери.

Они шли по заснеженному и тихому бульвару Мицкевича, в этот час так неправдоподобно, театрально красивому, что Люся вдруг остановилась и, оглядевшись, молча вздохнула. Но вот бульвар кончился, и вскоре они подошли к дому, где жили многие работники таможи. Там на третьем этаже была квартира Жгутина, а на четвертом жил Филин.

Дверь гостям открыл сам Михаил Григорьевич.

— Опаздываете, товарищи. Нехорошо, — мягко выговаривал он, помогая Люсе снять пальто.

В столовой Мария Адольфовна угощала чаем Семена. Тот деликатно размешивал ложечкой сахар и вел светский разговор. В глазах его была тоска, но он улыбался.

Мария Адольфовна в красивом, отделанном кружевами платье, склонив голову набок и поблескивая стеклами пенсне, внимательно слушала болтовню гостя. Семен, как всегда, говорил о самом интересном. На этот раз он рассказывал все, что ему было известно, о Шмелевых, как они хорошо и дружно жили, учась в институте, и как, по-видимому, плохо живут сейчас. Поэтому, когда из передней донеслись знакомые голоса, Семен выразительно посмотрел снизу вверх на Марию Адольфовну и сказал:

— Ну, а остальное потом, как вы понимаете...

Та кивнула головой и, с трудом высвободив из кресла свое грузное тело, поплыла навстречу гостям.

Увидев Люсю, Мария Адольфовна театрально всплеснула руками.

— Дорогая моя, до чего же вы хороши! Прелесть! Идите сюда, идите. Я хочу на вас кое-что примерить. И она увлекла Люсю в свою комнату.

— Ну, а мы пока побудем одни. Тоже неплохо, — сказал Филин.

Разговор зашел о недавних задержаниях с контрабандой.

— Пораспускали! — убежденно говорил Филин. — Подумаешь, конфискация. Очень она кого-нибудь пугает.

— Но ведь если контрабанда совершается не в первый раз или в больших размерах, то... — начал было Андрей, осторожно отхлебывая дымящийся ароматный чай.

Филин перебил его и тоном, каким диктуют приказы на поле боя, изрек:

— Без всяких «если»! За малейшее нарушение закона должно следовать наказание. Чтобы никому не было повадно. Никому!

— Все надо делать с головой, — заметил Андрей. Семен значительно усмехнулся.

— Поверь мне, тут лучше переборщить, чем недоборщить.

— Ничего себе принципы. — Андрей возмущенно пожал плечами и прибавил: — Так, кажется, кое-кто действовал при Сталине.

Филин усмехнулся.

— Сколько вам было лет, когда умер Сталин?

— Четырнадцать, — подумав, ответил Андрей.

— Ну вот. А я все видел сам. Конечно, были перехлесты, нарушения. И, конечно, в итоге...

— Итог не в них, а в том, что вопреки им народ наш сделал, — мрачно заметил Андрей. Филин поспешно поднял палец.

— Именно это я и имел в виду. Однако вернемся к нашим местным делам. Нельзя либерализмом зарабатывать себе дешевый авторитет!

«На Жгутина небось намекает», — подумал Андрей.

Семен Буланый тоже понял намек. Он давно уже заметил, что начальство не очень-то ладит между собой. Значит, рано или поздно, но придется решить, чью сторону взять. Ему нравились суровость и решительность Филина, прямолинейная ясность его взглядов. Тут легче было все понять, чем у старика Жгутина, и не ошибиться в решении. «Кисель», — пренебрежительно думал о нем Семен, невольно заражаясь филиновской непримиримостью. Но и с Жгутиним ссориться Семену не хотелось, даже наоборот: тоже хотелось понравиться.

— В принципе вы, конечно, правы, Михаил Григорьевич, — осторожно заметил он. — Насчет либерализма...

В это время в комнате Марии Адольфовны шел совсем иной разговор.

На тахте, в кресле, на туалетном столике и спинках стульев лежали вещи. Здесь были яркие заграничные отрезы, нейлоновые кофточки, причудливых расцветок вязанные свитеры, чулки, белье.

Мария Адольфовна, наслаждаясь впечатлением, которое произвели ее вещи на гостью, говорила без умолку. И в категоричном тоне ее слышались интонации сына.

— Я вам должна сказать, дорогая: не терплю наших вещей. Как видите, здесь все заграница.

— Но такие прелестные вещи не легко купить, — досадливо ответила Люся. — Воображаю, как приходится гоняться за ними!

Мария Адольфовна сделала рукой отстраняющий жест.

— Никаких «гоняться»! И какие тут могут быть магазины, что вы! Только через знакомых.

— Тогда это стоит безумных денег.

— Во-первых, если уж покупать, то такое, чего вы не рискуете встретить на каждой. Во-вторых, надо, чтобы вещь вам шла. Тут уж слушайте меня, я вам плохо не посоветую. Ну, и в-третьих, такой, молодой, очаровательной женщине, как вы, просто необходимо быть одетой по самой последней и именно европейской моде. И если ваш муж... — Мария Адольфовна сделала рассчитанную паузу.

— Ах, мой муж!.. — досадливо махнула рукой Люся.

— Что именно?

Люся, спохватившись, неопределенно ответила:

— Просто он другого мнения. Только и всего.

Но от Марии Адольфовны, если ей хотелось что-то узнать, не так-то просто было отделаться общими словами. Она со скорбным — лицом приблизилась к Люсе и нежно прижала ее голову к своей пышной груди.

— Дитя мое, я же все вижу. Если ваш муж не понимает ваших запросов, не понимает, какое ему досталось сокровище...

Тут Мария Адольфовна чуть-чуть переборщила, и растрогавшейся было Люсе вдруг стало скучно от тягучих и неискренних слов. Люся неожиданно уловила за ними только одно чувство — жгучее любопытство.

— Спасибо вам, спасибо, — пробормотала она, высвобождаясь из объятий Марии

Адольфовны, и, решив переменить разговор, спросила: — Так вы мне рекомендуете кого-нибудь из ваших знакомых?

— Каких знакомых?

— Которые вам достают эти изумительные вещи.

— Ах, это! Непременно. Самая приятная из них — это Полина Борисовна. Я просто попрошу ее зайти к вам. Лучше, чтобы не было дома мужа. В этих случаях мужчины только мешают. Сына, например, я просто не ввожу в курс дела. Так когда ей прийти?

— Ну, хоть завтра утром, часов в одиннадцать.

— Чудесно. Я ей сейчас же позвоню по телефону. Значит, запомните — Полина Борисовна. Это форменная чародейка. Вы будете в восторге.

Мария Адольфовна легко примирилась с неудачей. В конце концов она все равно все узнает, в этом она не сомневалась. И чем больше они сдружатся, тем скорее это произойдет.

И еще один расчет был у Марии Адольфовны, когда она решила сблизиться с Люсей. Через молодую женщину, вероятно, можно будет повлиять и на ее мужа, который пока, как видно, не очень склонен был стать союзником Филина.

Остаток вечера все провели за чайным столом, расхваливая ореховый торт, испеченный Марией Адольфовной, и мирно беседуя.

Когда гости ушли, Мария Адольфовна, убирая со стола, сказала:

— Она — прелесть. Но я бы не хотела, Мика, чтобы у тебя была такая жена.

— С твоими взглядами, — раздраженно ответил из своей комнаты Филин, — я не знаю, будет ли у меня вообще когда-нибудь жена.

Мария Адольфовна обиженно поджала губы.

— Конечно, тебе не терпится меня закабалить.

— Ах, оставь, пожалуйста!

— Ну хорошо, хорошо, — примирительно сказала Мария Адольфовна, — я знаю, что ты меня ценишь. А Люся все-таки прелесть.

— Чего нельзя сказать о ее муже. С этим человеком мне еще придется столкнуться.

— Значит, надо быть к этому готовым. Между прочим, у него здесь была одна интрижка.

— Вот как? С кем же?

— Это не имеет пока значения. Ты же знаешь, я не компрометирую женщин.

— Ода!

В возгласе Филина прозвучала нескрываемая ирония.

— Это не все, — многозначительно заметила Мария Адольфовна, унося на кухню стопку грязной посуды.

Заинтересованный Филин в майке и пижамных брюках последовал за ней.

— Что же еще?

— А то, что человека, которого он на днях задержал с контрабандой, сегодня видели вместе с той самой женщиной.

— Кто видел?

— Это тоже пока не имеет значения. Мария Адольфовна ужасно любила всякую таинственность, а в данном случае она к тому же считала полезным лишний раз дать понять сыну, как он беспомощен и непрактичен по сравнению с ней. Филин, усмехнувшись, подошел к матери и нежно поцеловал ее в жирную, напудренную щеку.

— Ты, как всегда, гениальна, — весело сказал он. — Аида Шмелева! Тут действительно есть над чем подумать.

Письмо пришло утром, когда Андрей еще брился в ванной. В зеркале он увидел, как распахнулась дверь за его спиной, увидел пылающее лицо Люси, ее дрожащие губы. В руках она держала распечатанное письмо.

— Любуйся! — крикнула она. — Вот мама пишет. Володя Федоров взял и отказался ехать в какую-то дыру, вроде этой! И вот добился, уехал в Англию! С женой! А ты?

Ничтожество, вот кто ты!

— Что ты от меня хочешь? — еле сдерживаясь, чтобы не закричать в ответ, спросил Андрей. — Я не желаю поступать, как Володька Федоров. Пойми ты наконец! Я не хочу обивать пороги, ссылаться на болезни и на свою особую одаренность, не могу всюду искать блат. Не могу! Не буду!

— И прекрасно. И не надо, — почти шепотом сказала Люся, поспешно входя в ванную и закрывая за собой дверь. — Больше я вообще от тебя ничего не хочу! Тебе здесь нравится? Ну и оставайся. На здоровье. А мне здесь не нравится. Такая уж я, извиняюсь, несознательная! — У Люси вдруг задрожал подбородок. — Мне здесь все отвратительно: и эта работа и эти люди. И я не хочу, чтобы ты окончательно искалечил мне жизнь, мне и... — в этот момент за дверью послышался топот детских ног, и Люся dokonчила: — моему сыну!

— Это, между прочим, и мой сын.

— Мама, это я! — раздался из-за двери Вовкин голосок. — А чего мне делать? А я больше каши не хочу!

— Сейчас, сынок, сейчас! — крикнула Люся и, снова понизив голос, зло сказала Андрею: — Я не хочу больше здесь жить и здесь работать. И мы с Вовкой отсюда уедем. Так и знай.

Не давая Андрею ответить, Люся выскочила из ванной. В дверях мелькнул ее пестрый халат, золотистые, небрежно сколотые волосы, и Андрей остался один.

«Что ж, чем хуже, тем лучше, — стиснув зубы, подумал он. — По крайней мере все становится на свои места. Пусть едет. И пусть не думает, что я буду умолять ее остаться. Нет! Просто я знаю теперь ей настоящую цену».

Андрею казалось, что он рассуждает сейчас по-мужски — трудно, беспощадно и справедливо. Но в глубине души у него теплилась надежда, что Люся не может так поступить, что она, при всем своем эгоизме и злой вздорности, все же одумается. Ведь она же любит его.

Андрей повернулся к зеркалу и стал торопливо добриваться. Он уже опаздывал.

Завтрак прошел в молчании. Только перед самым уходом Андрей уже в дверях холодно сказал:

— Люся, прошу тебя, ты все-таки подумай еще раз.

В ответ Люся запальчиво воскликнула:

— Все, что мне надо, я уже продумала!

Когда за Андреем захлопнулась дверь, она усталой походкой возвратилась в спальню и остановилась посреди комнаты.

В этот момент у входной двери раздался звонок. Люся побежала открывать.

На пороге стояла худая, сутулая старуха с остреньким личиком и черными бусинками-глазами. В руках она держала потертую черную сумку и еще одну, клеенчатую, на «молнии».

— К вам я, — сказала старуха, окинув Люсю быстрым, оценивающим взглядом. — Мария Адольфовна прислала. Клепикова я...

Люся всплеснула руками.

— Ну, конечно! А я-то чуть не забыла! Проходите, пожалуйста. Вас, кажется, Полиной Борисовной зовут?

— Именно.

Клепикова тщательно вытерла в прихожей ноги, сняла пальто, шляпку и, захватив обе сумки, прошла в комнату. «Не больно-то богато живут, — сказала она себе, оглядевшись. — Заработай тут. Ну и времена наступили, господи! Чтобы таможенным чиновникам контрабанду приносить! Да у них у самих ее должно быть вот так», — и она мысленно провела себя ладонью по горлу.

Тем временем Люся, усадив сына за игрушки и отослав няню на рынок, вернулась к Клепиковой и, сгорая от нетерпения, спросила:

— Что же у вас сейчас есть, Полина Борисовна? Я столько чудных вещей видела у Марии Адольфовны.

— Все есть, милая, все. А чего нет, то будет. Ну вот, к примеру, я захватила...

Клепикова вынула из клеенчатой сумки уложенные в прозрачные пакеты кофточки и мужские рубашки из нейлона, два отреза яркой и легкой ткани, дамскую сумку с красивым замком, несколько безделушек.

— Много с собой не принесешь, милая, — строго сказала Клепикова. — Ежели появится интерес, то милости прошу ко мне.

— Появится, Полина Борисовна, появится.

Люся с восхищением перебирала вещи на столе, а отрезки даже приложила к себе. Только мужские рубашки она равнодушно отложила в сторону.

«Ишь ты, — отметила про себя Клепикова. — Словно и нет супруга». Это навело ее на мысль, и она осторожно сказала:

— Ежели еще какая услуга понадобится, тоже милости прошу.

— Какая же еще? — удивилась Люся.

— Ну, мало ли какие у нашей сестры секреты вдруг появляются. Глядишь, какая помощь и нужна будет.

Люся смущенно улыбнулась.

— Что вы, Полина Борисовна...

— А что? — строго переспросила ее Клепикова. — Вон вы какая хорошенькая да молоденькая. Только и жить сейчас. Ну, да вам за себя виднее.

Люсе были неприятны ее намеки, неприятна была и сама эта старуха, внешне такая чопорная и строгая, но, как видно, готовая на любые, самые грязные услуги. Тем не менее вещи, которые она предлагала, были так очаровательны, так изящны, что Люся не находила в себе силы отказаться от них. «Какое мне в конце концов до нее дело? — думала Люся. — Куплю, что мне надо, и все».

Истерзанная сомнениями и соблазнами, Люся после долгих колебаний отобрала, наконец, несколько вещей. Когда Клепикова назвала цену, Люся отметила про себя, что ждала услышать сумму поменьше. Без всякой совести, видно, старуха. Тем не менее, если Люся купит еще две-три кофточки, то и тогда она обойдется теми деньгами, что прислала ей недавно мама на обзаведение. Все равно никакого обзаведения не будет!

— Так я запишу ваш адрес, Полина Борисовна, — сказала Люся, когда Клепикова начала прятать в сумку оставшиеся вещи.

— Пиши, пиши, милая, — снисходительно проворчала та. — А то приходите мне сюда совсем не с руки. Это я уж так согласилась, все равно кой-куда по делу шла.

Когда Клепикова, наконец, ушла, Люся некоторое время еще стояла у зеркала, то надевая новые кофточки, то прикладывая к себе купленный отрез. Чудесно! Как идут ей все эти вещи! Это не только «ее цвета», у кофточек даже и «ее фасоны», они как-то по-особенному украшают ее, подчеркивая одни линии, скрадывая другие.

В передней раздался звонок, это с рынка возвратилась няня. Открыв ей дверь, Люся посмотрела на часы. Боже мой, как бежит время! Ей уже пора на работу.

По дороге Люсе неожиданно пришла в голову мысль, от которой у нее даже холодок прошел по спине. Откуда у этой Полины Борисовны такие вещи? А что, если... Ведь рядом граница!.. Да, да, что, если это контрабанда? Надо сейчас же кому-нибудь рассказать об этом. Но тогда как же будет выглядеть она, Люся? Это же скандал. И еще накануне ее отъезда отсюда. Может быть, рассказать обо всем Андрею, посоветоваться? Ни в коем случае! И потом, что она паникует? Почему это обязательно контрабанда? Разве мало вещей привозят из-за границы открыто? Может быть, эта Полина Борисовна — заурядная спекулянтка? Даже скорее всего это так. Будет разве такая старуха рисковать? Конечно, и в этом случае покупать такие вещи нельзя, особенно работнику таможни. Но... Люся ведь скоро уедет отсюда, и все забудется. Не такое уж это в конце концов преступление.

Люся рассуждала так весь остаток пути от дома до работы, и, когда за вторым мостом показался тонкий шпиль вокзала, она окончательно убедила себя, что не погрешит против

своего долга, если никому ничего не скажет. Люся только решила про себя, что при первой же встрече с Полиной Борисовной постарается выведать, где та достает вещи.

И все же какое-то тайное беспокойство поселилось с того момента в душе у Люси.

В кабинете Жгутина у стола сидел тощий и прямой, как палка, иностранец. Пальто с широким бобровым воротником было небрежно расстегнуто, на жилистой шее под подбородком алел галстук-бабочка. Худое надменное лицо его было бледно, тонкие синеватые губы кривились от злости.

— Мое удостоверение! — с сильным акцентом раздраженно произнес он, передвигая через стол Жгутину книжечку. — Не имеете права делать этот... этот дикий досмотр! Я пожалуюсь вашему министру иностранных дел. Я обедаю у него в субботу. Произвол! Иммунитет! Вам понятно это слово?

Жгутин спокойно, почти ласково кивнул головой.

— Слово это понятно, господин Хальфенберг. Но что поделывать, если ваш ранг иммунитетом не пользуется? Ведь вы помощник атташе, не так ли?

— Да, да!.. Но взаимность... Мы тоже можем... Наш канцлер очень щепетилен в вопросах престижа.

— Взаимность прежде всего, — снова любезно кивнул головой Жгутин и поднял палец. — Но и уважение законов страны пребывания, — он с улыбкой развел руками. — Надо подчиниться, господин Хальфенберг. Да и стоит ли нам ссориться из-за досмотра? Ведь главное — это пиво, которое вы везете? Я вас правильно понял?

— Именно, — важно согласился помощник атташе. — Именно пиво. Я надеюсь, что тут...

— Одну минуту, — остановил его Жгутин и кинул быстрый взгляд на стоявших в стороне Филина и Люсю, взгляд такой озорной, что Люся невольно улыбнулась. Но Филин не повел и бровью. Он жадно слушал разговор, боясь пропустить хоть слово. Пусть только Жгутин споткнется, отступит перед этим наглым немцем. Он, Филин, найдет способ сообщить об этом в Москву.

— Одну минуту, — повторил Жгутин. — Значит, вопрос о досмотре мы выяснили и перейдем к вопросу о пиве, не так ли?

— О да, да! К вопросу о пиве...

— Мы договорились, что у вас нет к нам претензий и вы готовы уважать наши законы.

— Да, да! Но пиво!..

— Пива везите сколько угодно, господин Хальфенберг! — дружелюбно воскликнул Жгутин.

Немец впервые позволил себе чуть-чуть улыбнуться.

— Да, но пошлины! Это же разорение!

— Это закон. И у вас тоже.

— О, закон, — немец хитро прищурился и щелкнул пальцами, — Я его тоже знаю. Но это мой груз, адрес посольства.

Жгутин добродушно покачал головой.

— Но только в размерах личной потребности.

— Именно!

— Вы хотите сказать, — с подчеркнутой тревогой переспросил Жгутин, — что у вас лично такая потребность?

— Да, да!

— Четырнадцать тонн?!

— Ну конечно.

— Господин Хальфенберг, из одного человеколюбия я не пропустил бы такое количество пива. А тут еще закон...

Бледное лицо немца начало медленно багроветь. Кулаком, затянутым в кожаную перчатку, он стукнул по колену и злобно крикнул:

— Если так!.. Я не подпишу больше ни одной бумаги в СССР!

Жгутин спокойно пожал плечами.

— Вас уволят с работы за бездеятельность.

— Варварство!

— Варварство — так много пить пива, да еще не платить за удовольствие.

Толстое и доброе лицо Жгутина как-то неуловимо изменилось, и появившееся на нем выражение непреклонности удивило Люсю. «Кажется, я еще плохо его знаю», — подумала она.

В этот момент немец медленно поднялся со своего места, секунду подумал, потом важно протянул руку вставшему вслед за ним Жгутину,

— Привет, господин... э-э...

— Жгутин.

— ...господин Жгутин. Учтите. Только из личного расположения к вам я удовлетворяюсь вашим разъяснением. Я рад знакомству. Примите заверение в самом высоком уважении, — неожиданно он ослепительно улыбнулся и спросил: — Семь тонн оставляю вам, семь везу в Москву, а?

Жгутин весело рассмеялся.

— Совсем неплохо! Но... без пошрины это невозможно, господин Хальфенберг. Никак невозможно.

— Да, да, закон? — немец в шутливом горе покачал головой. — Да, да, понятно. До лучших времен, господин Жгутин!..

Он церемонно поклонился и вышел. Когда за ним закрылась дверь, Жгутин, пыхтя, вылез из-за стола и с усмешкой сказал:

— Международный конфликт из-за пива урегулирован. Каков фрукт, а? Думает, мы не знаем дипломатического статуса такой персоны, как он.

— Уж очень вы с ним цацкались, — заметил Филин, — Попался бы он мне... Вот они, между прочим, заботятся о престиже.

— А мы, выходит, нет? — Жгутин недовольно посмотрел на своего заместителя. — Я полагаю так, Михаил Григорьевич. Если можно выполнить свой долг и при этом остаться в дружбе, то это самый лучший способ сохранить престиж. А ссорами, грубостью и обидами вы этого вообще не добьетесь.

— Красивые слова, — проворчал Филин. — А эти господа понимают только силу. И престиж — это прежде всего сознание своей силы.

Жгутин холодно ответил:

— Мы с вами не сговоримся по этому пункту. Так что оставим спор. У вас есть ко мне что-нибудь?

Филин подошел к столу, разложил на нем папку и вынул стопку бумаг.

— Конфликт со «Станкоимпортом». Мы уже на него третий акт составляем на залежалые грузы, восьмой месяц лежат в пакгаузах и на рампе Северной.

— Знаю. Что здесь нового?

— Конфликт дошел до уровня заместителей министров. И наш требует общую сводку претензий.

— Ну и составили бы.

— Составил. — Филин протянул Жгутину одну из бумаг. — Второй день добиваюсь, чтобы вы подписали.

Жгутин насмешливо улыбнулся.

— А сами не решаетесь?

— Не моя обязанность.

— Ваша, ваша. Но вы почему-то решительны только в отдельных областях,

Люсе стало неудобно, и она сказала Жгутину:

— Федор Александрович, разрешите, я к вам позже зайду. А то сейчас эрфуртский оформлять надо.

— Ах да!—опомнился Жгутин. — Конечно, конечно... Мне тут надо было потолковать с вами... Ну, в другой раз...

Он был сейчас так не похож на того собранного, иронического Жгутина, который был перед ней всего минуту назад, что Люся невольно улыбнулась.

Она была в восхищении от его словесной дуэли с этим надутым и чванливым дипломатом. «Конечно, — призналась она себе, — в этой работе бываю? и очень сложные ситуации. Ах, как он его точно и красиво отделал!»

— Так я пошла, Федор Александрович.

Она торопливо вышла из кабинета.

Проходя по галерее, Люся увидела внизу в таможенном зале людей, теснившихся вдоль досмотрового стола, и своих сослуживцев в форменных шинелях, двигавшихся от одного пассажира к другому. И знакомое чувство раздражения и досады охватило ее.

Прошло не меньше двух или трех дней, пока Люся, наконец, снова попала к Жгутину.

— Вот что, — неуверенно начал тот. — Признаться, даже и не знаю, как начать... — он вытер платком лоб и шею, и платок сразу потемнел от влаги. — Вопрос деликатный, и вникать в него как-то неловко. Но вынужден.

— В чем дело, Федор Александрович?

Жгутин нахмурился, лицо его вдруг стало опять таким же непреклонным, как в тот день, когда он говорил с немецким дипломатом. И опять Люся удивилась про себя этой перемене.

— А дело в том, — сказал Жгутин, — что в семье вашей происходит что-то неладное. И я, как коммунист и начальник ваш, мимо этого пройти спокойно не могу.

— И напрасно, — холодно заметила Люся.

— Нет, не напрасно. Андрей ходит сам не свой. Да и вы...

— Мы взрослые люди. Сами решим, как жить. Жгутин покачал головой.

— Поймите меня, Люся. Мне просто очень хочется вам обоим помочь. Все-таки у нас, у стариков, в жизненном опыте есть кое-что полезное и для вас, молодых. А?

— Я считаю этот разговор бесполезным. Даже бестактным!—сердито, с вызовом сказала Люся. — Я буду жить, как захочу, и никто не имеет права вмешиваться, — и со злой иронией добавила: — Уголовный кодекс я чту.

Жгутин взволнованно провел рукой по лысине.

— Что же, извините меня. Я ведь хотел, как друг. Не получилось...

И тут Люся не выдержала, сорвалась. Видно, сказалось напряжение двух последних месяцев. Она закричала в лицо Жгутину:

— Отстаньте от меня! Все отстаньте! Я не хочу так жить, понятно вам? В этой дыре! Мне противна эта работа! Мне противно здесь все, все, все!.. И Андрей тоже. Да, да! Он мелкий, он ограниченный! Я все равно уеду!.. Вот увидите!..

И, уронив голову на стол, она громко, почти истерически разрыдалась. Жгутин бросился к ней со стаканом воды, но Люся резким движением оттолкнула его руку. Федор Александрович помедлил, потом молча вышел из кабинета.

Когда Люся осталась одна, она действительно успокоилась довольно быстро. Осторожно, чтобы не размазать тушь, промокнула платочком глаза, попудрилась, поправила волосы и только после этого вышла из кабинета.

В тот вечер Люся неожиданно увидела на перроне Клепикову. Старуха с нарочитым спокойствием прогуливалась вдоль вагонов экспресса Берлин — Москва. В руках у нее была та же сумка, с которой она приходила и к Люсе. И больше, чем сама Полина Борисовна, Люсю почему-то взволновала эта сумка.

«Что старуха тут делает? — враждебно подумала Люся о Клепиковой. — Явно кого-то ждет».

Люся издали продолжала следить за Клепиковой. Та медленно прохаживалась от одного фонаря к другому, и Люся видела то темный ее силуэт, то постепенно проступавшее в

желтом свете ближайшего фонаря узенькое, нахмуренное личико с блестящими, как у зверька, глазками.

Но вот Полина Борисовна встрепенулась и быстро пошла навстречу высокому, полному человеку в черном пальто с шалевым бобровым воротником и бобровой шапке-«боярке». В руках он держал большой чемодан. Клепикова перебросилась с человеком всего несколькими словами, при этом их руки на секунду встретились, и Люсе показалось, будто человек передал что-то старухе. Клепикова тут же ушла, а человек направился мимо Люси к зданию вокзала. Но, поравнявшись с ней, он неожиданно остановился и, оглянувшись, тихо, с ударением сказал:

— Не пристало вам, девушка, за знакомыми следить. И не безопасно это, учтите.

Люся в смятении подняла на него глаза и неожиданно встретила с его холодным и насмешливым взглядом. Сильные стекла очков делали его светлые глаза неестественно большими, расплывчатыми, как медузы.

Люсе стало вдруг страшно. Впервые в жизни по-настоящему страшно.

...В тот вечер Засохо уезжал в Москву и, встретившись на перроне с Клепиковой, незаметно сунул ей записку. Там было только три слова: «Проводите голубую „Волгу“».

ГЛАВА 4. СЕВЕРНАЯ КОНФИСКУЕТ ГОЛУБУЮ «ВОЛГУ»

Этот день, послуживший началом новых важных событий в жизни Андрея Шмелева, и начался для него необычно.

Распределяя членов своей смены по вагонам экспресса Берлин — Москва, Шалымов впервые направил Андрея одного «оформлять» вагон Рим — Москва.

Собственно говоря, Шалымов направил его не одного, а вместе с Семеном Буланым, но Андрей был назначен старшим.

— Кажется, ты начинаешь делать карьеру, *насмешливо заметил Семен*, когда они выходили из «дежурки» на перрон. — Поздравляю,

Андрей невесело отшутился:

— Для этого сюда и приехал.

Но ссориться с Семеном ему не хотелось, и он миролюбиво спросил:

— Ну, как у тебя дела со Светланой? Славная девушка.

— А, — махнул рукой Семен. — Детский сад.

— Она не глупа.

— Я тебе говорю — детский сад. Ничего не смыслит.

— Ты ее пытался просвещать?

— Пока еще не очень. Все времени нет.

— Ну и слава богу.

Семен раздраженно поморщился,

— Слушай, не строй из себя святошу. По крайней мере при мне.

Андрей испытующе посмотрел на Семена.

— Ты что-то имеешь в виду?

— Хотя бы!

Семен по петушинуму вскинул голову на худой, кадыкастой шее и вызывающе посмотрел снизу вверх на Андрея. И тому вдруг захотелось ударить его. Что-то очень уж мерзкое вдруг проявилось в Буланом, чего раньше Андрей не замечал. Он хмуро сказал:

— Ты делаешь не очень дружеский намек. Может быть, объяснимся?

— И так все ясно.

— Ты не хочешь говорить?

— Допустим.

— Значит, ты трус. Я давно это замечал,

— Я тоже кое-что замечал!

— Так говори что! — гневно воскликнул Андрей,

— И скажу... когда будет надо.

Но тут к ним подошли другие таможенники, и разговор оборвался. Всей их группе предстояло выехать с попутным поездом на блокпост Буг, чтобы там встретить экспресс Берлин—Москва и, пока он будет следовать до Бреста, успеть «оформить» часть пассажиров.

В пятнадцати-двадцати минутах езды от Бреста в сторону границы среди путаницы железнодорожных путей, стрелок и платформ находилось двухэтажное здание блокпоста. В одной из комнат первого этажа и ожидали таможенники прибытия поезда от границы. В это время обычно завязывались самые громкие споры и самые жаркие шахматные сражения. Но, как правило, еще ни одно шахматное сражение здесь не было окончено, как и ни один спор: в самый неподходящий момент резкий паровозный гудок оповещал о прибытии экспресса с границы. Тогда, побросав все дела, таможенники поспешно выходили на пути и разбредались вдоль состава к своим вагонам.

Когда Андрей с Буланым подошли к вагону, им навстречу проворно спустился знакомый Андрею усатый проводник и, торопливо поздоровавшись, сообщил:

— Из первого купе журналист — бельгиец, что ли, — хочет сообщить что-то важное таможенным властям. Как быть с ним?

— Ну что ж, послушаем, — ответил Андрей.

В служебном купе их поджидал коренастый черноволосый человек в светло-сером ворсистом костюме необычного покроя, с желтым галстуком-бабочкой на белоснежной сорочке. На груди у него висел фотоаппарат, на боку — кинокамера в новеньком коричневом футляре.

Человек внимательно оглядел вошедших и, обратившись к Андрею, сказал, с трудом подбирая русские слова:

— Я дойжден... стелайт... отно-о... вайжное... э-э... — он защелкал пальцами и смущенно улыбнулся.

— Заявление? — помог ему Андрей.

— Да, да! Но... русски... плохо... ви говорить инглишь?

Андрей кивнул головой, и журналист обрадованно заговорил по-английски:

— Я действительно должен сделать важное заявление. По-русски это так трудно, — он улыбнулся и указал глазами на проводника.— Тем более что заявление конфиденциальное. — Потом взглянул на напряженно слушавшего Буланого. — А это ваш коллега?

— Да.

— Он, кажется, не очень хорошо меня понимает? Андрей ответил сухо, с чуть заметным нетерпением:

— Вполне понимает. Мы вас слушаем.

— Сейчас все расскажу, — заторопился журналист. — Но прежде вот мои документы.

Он заставил Андрея пересмотреть пачку бумаг и только после этого таинственно сообщил:

— В соседнем со мной купе и в следующих трех или четырех к вам едет делегация итальянцев. Кажется, профсоюзная. Они все время кричат, что едут к друзьям и братьям в страну своего будущего, в страну социализма. О, я к этому привык. Я читаю рабочую прессу. Скажу больше, я в ней вырос. Мой отец рабочий из Льежа, мой брат...

— Прощу прощенья, — вежливо прервал его Андрей. — Но нас ждут пассажиры. А насчет делегации мы знаем.

— Если угодно, я буду краток. Считаю своим долгом сообщить, что член итальянской делегации из соседнего со мной купе провозит контрабандным путем крупную сумму в американских долларах. Я случайно заметил, как он прятал их. Приметы итальянца: на вид не больше двадцати, высокий, очень худой, черные брови срослись на переносице, на левой щеке около уха небольшой шрам, тонкий, с горбинкой нос. На нем грубый коричневый костюм, рубаха в красную клетку. Вот вам и друзья! Обязательно заинтересуйтесь ими.

Когда за бельгийцем задвинулась дверь купе, Андрей хмуро посмотрел на Семена.

— Ну, что ты скажешь?

— Надо проверить.

— На это нет разрешения.

— Мало ли что. Раз обстоятельства требуют.

— Делегация-то рабочая.

— Разные бывают рабочие.

— Но обидит это всех. И вдруг мы ничего не найдем? Почему я должен верить этому журналисту?

— Можешь не верить, но проверить обязан. Крупная сумма долларов — это не шутка. Пропустить ее — преступление...

Андрей задумчиво почесал щеку.

— В конце концов, — насмешливо заметил Семен, — решай сам. И отвечать будешь тоже сам. На то ты сейчас и начальство.

— Я вижу, тебе это не дает покоя, — заметил Андрей и решительным тоном закончил: — Проведем Опрос, посмотрим на этого итальянца.

— Пожалуйста, — демонстративно подчинился Семен. — Только через десять минут Брест.

— Знаю.

И Андрей, откатив в сторону тонкую зеркальную дверь, вышел из купе. Семен последовал за ним. Их встретили восторженные возгласы:

— Вива Россия!.. Вива!.. Совет Россия вива!.. Узкий коридор оказался забитым людьми. Это были итальянцы. Андрей сразу догадался об этом по смуглым, взволнованным лицам, по простой, дешевой одежде, по жилистым рукам, поднятым в пролетарском приветствии. Восторгом светились их глаза, некоторые откровенно вытирали слезы.

— Вива Россия!.. Вива коммунисти!.. Вива!.. Андрей растроганно улыбался и кивал головой, не зная, как поступить дальше,

— Господа! — по привычке объявил он, и кругом все стихло. Но тут же Андрей досадливо махнул рукой. — Товарищи! Добро пожаловать в нашу страну! В Советскую страну!

И опять пронеслись радостные возгласы:

— Вива!.. Вива!..

Андрей поднял обе руки, призывая к тишине. Его сразу поняли.

— Я прошу разойтись по своим купе. Мы побеседуем с вами. Прошу! Прошу! — Вдруг его осенила новая мысль, и он закричал: — Руководитель! Кто руководитель делегации?

К Андрею протискался полный, с резкой проседью человек в аккуратном костюме и галстуке.

— Люченцио Мадзини, руководитель, — представился он.

Андрей пожал ему руку и спросил:

— Вы коммунист?

Мадзини бросил на него взгляд, который Андрей не понял, и невольно насторожился.

— Но коммунист, — покачал головой Мадзини. — Социалист.

Андрей почувствовал, что допустил промах. Итальянец мог решить, что в СССР доверяют только коммунистам, рады только им. И еще Андрей подумал, как это трудно и ответственно вот так, по существу, от имени всей страны, первым встречать на границе друзей, и не только друзей. Исправляя свой промах, он дружелюбно и радушно, полный раскаяния и симпатии, сказал:

— Социалист — это тоже рабочий, это тоже друг.

— Да, да, друг, — весь просветлев, радостно закивал головой Мадзини и, снова схватив руку Андрея, энергично затряс ее. — Рабочий и друг. Товарищ! Да, да!

И тут Андрей, наконец, решился.

— Вы хорошо понимаете по-русски? — спросил он. Мадзини застенчиво улыбнулся.

- Но, но. Мало.
- По-французски?
- Ода!

Андрей облегченно вздохнул. Теперь можно было перейти к делу. Оглянувшись, он сдержанно сказал Семену:

— Ступай побеседуй. И попробуй обнаружить того человека, узнай, как его зовут. Но больше ничего не предпринимай.

В ответ Семен усмехнулся.

— Ты, оказывается, очень осторожный политик, — и, понизив голос, добавил: — Но доллары мы таким образом упустим. Это как пить дать.

— Ладно. Кажется, отвечаю я. И Андрей повернулся к Мадзини,

— У меня к вам есть разговор. Зайдемте сюда, в служебное купе.

Андрей торопливо передал Мадзини свой разговор с бельгийским журналистом. Итальянец выслушал его со странно отчужденным лицом и, когда Андрей кончил, коротко спросил:

— Что вы думаете предпринять с нами?

— Я хотел бы посоветоваться.

— Я могу вызвать сюда Учелло. Это его вы имеете в виду. Пусть покажет вам свой пиджак.

— А нужно ли? Если вы ручаетесь... Мадзини ответил резко, почти враждебно:

— Да, я ручаюсь. Но это нужно.

Андрей помедлил. Правильно ли он поступает? Взгляд его упал на окно. Поезд подходил к перрону вокзала. И Андрей с облегчением сказал:

— Зайдемте вместе с Учелло к нашему начальнику. Мне кажется, это недоразумение.

— Это хуже, — покачал головой Мадзини. Он тоже посмотрел в окно и вдруг возбужденно схватил Андрея за руку.

— О! О! Смотрите! Это встречают нас ваши рабочие!

На перроне стояли люди со знаменами, они улыбались, махали руками, наклоняясь к окнам вагона, некоторые поднимали вверх сжатые кулаки и что-то весело кричали.

Мадзини ринулся было к двери, но тут же остановился и в нерешительности обернулся. Лицо его вновь стало хмурым и обеспокоенным.

И тут Андрей решил. Мысленно послав ко всем чертям версию с контрабандой, он сказал:

— Никаких начальников, товарищ Мадзини! Дружба выше подозрений. Будем считать, что нашего разговора...

В этот момент дверь купе с треском откатилась в сторону, и на пороге появился высокий молодой итальянец. Громадные черные глаза светились бешенством. За ним появился злой и раздосадованный Семен Буланый.

Итальянец, увидев Мадзини, выхватил из кармана потрепанного пиджака толстую пачку долларов и что-то возбужденно заговорил, отчаянно жестикулируя руками и поминутно бросая гневные взгляды на Семена.

Подвижное лицо Мадзини отразило на этот раз удивление и беспокойство.

— Фа!.. Фа!.. — взволнованно восклицал он, пека молодой итальянец рассказывал ему что-то. А тот, распалившись, вдруг швырнул доллары на пол и стал с остервенением топтать их ногами.

Андрей догадался, что молодой итальянец был тот самый Учелло. Доллары, которые он увидел у него в руках — увидел как раз в тот момент, когда окончательно поверил, что все это неумная выдумка, — ошеломили Андрея. Он смотрел то на кричавшего Учелло, то на встревоженного, с взъерошенными седыми волосами Мадзини и ничего не понимал. Потом он вспомнил о Буланом.

— Что у вас там произошло? Откуда доллары?

— Из него, конечно. Я ему показал рукой на карманы. Обиделся. Стал их

выворачивать. Ну и вытащил. Сделал вид, что удивился, а потом начал кричать, этого разыскивать, — Буланый кивнул головой на Мадзини. — В общем спектакль!

— Очень ты быстр на выводы, — сухо ответил Андрей и про себя подумал: «Откуда у него такая враждебность ко всем? Черт его знает, что это за человек!» Он повернулся к Мадзини и спросил по-французски: — Что говорит Учелло?

— Что это не его деньги. Что у него за всю жизнь не было таких денег. А вы говорите — недоразумение.—Мадзини с упреком посмотрел на Андрея и горячо закончил: — Это провокация! Тот бельгиец... Вы понимаете?.. Ведь наша делегация не рядовая рабочая делегация. У нас важная миссия. Вы не знаете, что случилось?—Он поглядел на огорченное лицо Андрея и дружески хлопнул его по плечу.—Это называется подсадить агента. Мы знакомы с такими вещами. Наша полиция тоже... Вы понимаете?

Андрей кивнул головой и, подойдя к Учелло, дружески обнял его за плечи.

— Все в порядке, товарищ, — сказал он по-французски. — Мы вам верим.

Учелло остановился на полуслове, гнев в глазах сменился настороженностью, потом, вдруг ослепительно улыбнувшись, он хлопнул ладонями по коленям и воскликнул тоже по-французски:

— Я же знал! Я же в СССР! Я же коммунист!

Он обернулся к Буланому и, охватив руками его шею, звонко расцеловал в обе щеки. Потом Учелло нагнулся, подобрал доллары и со смехом протянул их Андрею.

— В доход рабочему государству! От врагов мира! От врагов рабочего класса!

В это время дверь купе откатилась, и чей-то голос оповестил по-русски:

— Митинг! Митинг! Где товарищ Мадзини?

На перроне, за оградой маленького цветника, была воздвигнута импровизированная трибуна. Вокруг нее густо стояли люди с флагами и транспарантами. С трибуны оратор, держа в одной руке шляпу и энергично взмахивая другой, сжатой в кулак, выкрикивал напряженным голосом:

— Товарищи, мы встречаем сегодня дорогих гостей и братьев...

Андрей, не задерживаясь, прошел через перрон в здание вокзала. Ему не терпелось рассказать кому-нибудь из своих о случившемся.

В «дежурке» он застал Шалымова. Тот с недовольным видом писал что-то в журнале дежурств.

— Анатолий Иванович! Вы бы знали, что сейчас произошло у нас с итальянцами! — вдохновенно начал Андрей. — Вы только послушайте...

Шалымов посмотрел на него с удивлением и опаской. В конце концов ожидание неприятностей победило в нем все остальные чувства, и он, нахмурившись, досадливо махнул рукой.

— Ну говорите, говорите. Что опять случилось?

— Почему «опять»? Нет, вы только послушайте. И вы, Коля, тоже, — обратился Андрей к дежурному. — Ручаюсь вам, что за последние...

Но тут резко и требовательно зазвонил телефон. Дежурный схватил трубку и почти сразу передал ее Шалымову.

— Сейчас, сейчас! — крикнул он. — Анатолий Иванович здесь, — и, понизив голос, сообщил Андрею: —

Говорит Северная. Появилась подозрительная «Волга».

На Северную Шалымова повез шофер Петрович.

Круглое, розовое лицо Петровича с рыжеватыми усиками и припухлыми глазами выражением своим, ленивым и сонным, напоминало объевшегося кота. И настроен был Петрович соответственно — добродушно, умиротворенно. Это было редкое для него состояние. Обычно он или оправдывался в чем-то, или отпрашивался куда-то. Как в первом, так и во втором случае на физиономии Петровича неизменно лежал отпечаток виноватости и скорби, и голос его при этом звучал с таким надрывом, что равнодушным ко всему этому мог

остаться разве только Филин, которого Петрович боялся как огня. Жгутина же Петрович любил нежной и преданной любовью, и как бы тот его ни ругал, а ругал он его часто, Петрович неизменно отвечал: «Спасибо» и «Во век вашей доброты не забуду».

Тем не менее шофером Петрович был первоклассным. При некоторой своей склонности к спиртному, он никогда не позволял себе этого во время работы. Если же подобная радость ждала его вечером, то весь день для Петровича был окрашен в розовые тона, В этот день он был полон ко всем особого дружелюбия и сочувствия и с готовностью кидался выполнять любое поручение.

Особенно Петрович жалел Шалымова. За вечно недовольным, брюзгливым тоном этого человека ему мерещилось какое-то горе или скрытая болезнь, и он, пожалуй единственный на таможне, относился к Анатолию Ивановичу с дружеской заботливостью, охотно прощая ему и неприятный тон и вечные придирки. Ибо при всех своих недостатках был Петрович человеком отзывчивым и добрым.

Когда озабоченный Шалымов срочно выехал на Северную, Петрович, сочувственно косясь на него, первое время лишь вздыхал, ожидая, что начальник смены сам начнет разговор. Но Шалымов угрюмо молчал. Тогда Петрович, стгорая от любопытства, заговорил первым.

— Вот ведь я все думаю, — повествовательно и издалека начал он, лихо ведя машину по заснеженной, ухабистой дороге, петлявшей среди путей и полосатых шлагбаумов. — Думаю, значит. Ведь нет в жизни покоя. С одной стороны, атом то и дело взрывают. Так? Потом фашисты во Франции голову поднимают. Это тоже настроение портит. Потом на службе то да се, закавыки всякие. Так? Ну, а четвертое — жена, конечно. Тоже нервов стоит дай боже. А в итоге что?

Петрович умолк, ожидая, что ответит Шалымов.

Но тот продолжал мрачно смотреть прямо перед собой и, как видно, не собирался поддерживать разговор.

— То да се, — неуверенно повторил Петрович. — Вот, к примеру, Северная эта. Ведь закавыка вышла?

— Разберемся, — коротко ответил Шалымов. Петрович обрадованно подхватил:

— Именно, разберемся. А легко это, спрашивается? Контрабанда—дело небось государственное. Тут того и гляди...

— Ты на дорогу лучше гляди, — посоветовал Шалымов, потирая ушибленное плечо: машина довольно резко перекатила через очередной ухаб.

Северная была длиннейшим пакгаузом с двумя платформами по сторонам. К одной из них подходила наша широкая колея, к другой — узкая, из Польши.

Громадные кованые двери пакгауза были наполовину сдвинуты, и из черной его утробы веяло арктическим холодом.

Шалымов, сильно сутулясь, торопливо поднялся по выщербленным ступеням на платформу и вошел в пакгауз. Ледяные сумерки, царившие там, не сразу позволили ему различить груды ящиков, больших и малых, в разных концах пакгауза. В глубине, у стены, прилепилась крохотная комнатка в виде белого, оштукатуренного куба с окном, в котором уютно светилась лампа. Шалымов быстрым шагом направился туда, поглубже засунув в карманы форменного пальто сразу вдруг окоченевшие руки.

В комнатке жарко топилась печь. Два письменных стола, сдвинутых друг к другу, занимали больше половины всей комнаты. Столы были завалены горами . бумаг.

Через Северную проходили грузы «малой скорости» в обоих направлениях. В бесчисленных накладных и других документах, сопровождавших эти грузы, разобраться было куда труднее, чем сделать «чистенькую» проверку ручной клади в досмотровом зале Бреста-Центрального. И потому большинство сотрудников таможни, особенно молодежь, боялись даже на время окунуться в бумажное море на Северной, откуда, кстати, если уметь в нем плавать, можно было вынырнуть порой с немалой «добычей».

Работу на Северной выдерживали только «старички», люди с большим опытом и

закалкой.

К этой категории и принадлежал встретивший Шалимова седоватый, в очках Николай Захарович Волжин. Очень высокий, широкий в кости, неуклюжий Волжин казался совершенно неуместным в этой маленькой, тесной комнате, его хотелось поместить в пакгаузе, рядом с самыми высокими и тяжелыми ящиками. Волжин и сам чувствовал себя неуютно в такой тесноте. Потоптавшись с минуту у стола и обменявшись с Шалимовым приветствиями, он тут же предложил ему пойти «к грузу».

— Я что, по-вашему, «Волги» никогда не видел? — раздраженно спросил Шалымов, подвигая стул поближе к печке. — Рассказывайте лучше.

Волжин покорно уселся за свой стол, вздохнул и с неожиданным проворством принялся перебирать высокую стопку бумаг. Тонкие папиросные листики, то белые, то фиолетовые, то зеленые, с шелестом приподнимались, словно прилипнув к его заскорузлым, толстым пальцам. Наконец Волжин вытянул из стопки несколько сколотых листиков и, поправив очки, сказал:

— Дело тут такое, Анатолий Иванович. «Волга» эта идет за рубеж новехонькая, на спидометре четыреста километров едва. Хозяин — репатриант, сдал ее нам здесь, в Бресте. А сам следует из Москвы. Неясно. Разобраться бы надо с ним...

— У вас он был?

— А как же? И я его ласково так попросил еще раз зайти. Вот... — Волжин бросил взгляд на наручные часы. — Через час будет здесь.

Шалымов, недовольно морщась, потер подбородок.

— Через час. Вы думаете, у меня только и дел, что каждый час сюда ездить?

— Ну, может, я сам...

— Сам, сам, — все тем же раздраженным тоном перебил его Шалымов. — А чем тогда мне прикажете заниматься? «Волга» эта «чепе» или нет, я вас спрашиваю?

— Ну, «чепе», конечно.

— То-то оно и есть. А вы — «я сам». . Волжин благоразумно промолчал, и Шалымов уже спокойнее, но с тем же кислым выражением на узком морщинистом лице добавил:

— Машину не отправлять пока. Хозяина ко мне на Центральную. Документы давайте сюда. Все.

Он встал и напоследок, приложив руки к горячему кафелю печи, все тем же тоном спросил:

— Что же сын-то, женится он у вас или нет?

— Его дело, — нахмурился Волжин. — Мы не препятствуем. Новую голову, как говорится, не приставишь.

Шалымов строго погрозил пальцем и задумчиво сказал:

— Не мешай молодым, Николай Захарович. Жить им. — И уже другим тоном деловито добавил: — Ну, я поехал.

Он спрятал теплые руки в карманы и ногой приоткрыл дверь в пакгауз. Волжин пошел провожать начальство до машины.

Всю дорогу обратно до вокзала Шалымов угрюмо молчал. Петрович только поглядывал на него, но заговорить не решался.

Не успел Шалымов приехать, как его сразу же позвали в досмотровый зал, где спешно заканчивали «оформление» пассажиров экспресса Брест — Берлин, отходившего через несколько минут. Потом Шалымов провожал поезд Брест—Варшава.

После шума и гама в досмотровом зале кабинет, в котором расположился Шалымов, показался Анатолию Ивановичу поистине райским местом. Он привольно раскинулся в широком кресле, вытянув усталые ноги, и даже расстегнул воротничок.

Не успел Шалымов насладиться покоем, как в дверь заглянула машинистка, выполнявшая обязанности секретаря.

— Анатолий Иванович, тут к вам пришли.

Шалымов застегнул воротничок и этим движением как будто стер с лица выражение

покоя и добродушия.

В кабинет вошел молодой человек лет двадцати семи в сером, модно сшитом драповом пальто и в не менее модной шапке-«москвичке» из серого каракуля, Яркое, красное с синим, пушистое кашне и кожаные перчатки цвета яичного желтка довершали наряд. Движения посетителя были энергичны, держался он уверенно и свободно. Веснушчатое, улыбочное лицо его излучало душевное расположение и доверие ко всем людям вообще, и к таможенному начальству в особенности.

— Чужановский, — вежливо представился он, снимая шапку. — По вопросу о моем авто.

Хмурая и, казалось бы, малосимпатичная физиономия Шалымова несколько его не смутила. Пока таможенник знакомился с его документами, Чужановский с интересом и довольно бесцеремонно осмотрел кабинет, потом отдельно письменный стол, задержал взгляд на стопке книг возле чернильного прибора, верхняя из которых оказалась Уголовным кодексом БССР. Чужановский, прочитав название, выразительно приподнял брови, как бы отмечая что-то про себя, и тут же, словно спохватившись, быстро перевел взгляд на Шалымова. Тот как раз в этот момент оторвался от бумаг и, словно нехотя поглядев на Чужановского, спросил:

— Значит, всей семьей переселяетесь?

— А как же? Не могу же я мать одну отпустить? Не молодая уже, да и болезни. А братишка с сестренкой школьники еще. Что с них взять? Им еще давать надо. Разве мать одна их вытянет? Да ни в жизнь. Вот мы с женой и постановили.

— Супруга-то ваша по специальности кто?

— Секретарь-машинистка. У начальника нашего треста работала. Пришел, знаете, как-то на прием — не пустила. Так и познакомились. И как я этого тревожного сигнала не учел — не понимаю.

— А сами где работали?

— Я-то? В «Главросжирмасле», старшим экспедитором. Кое-кто, конечно, себе на пользу этот жир и масло обрастал. Не без того. Но у меня, знаете, принципы есть: бедно, но честно. Мы с вами лучше спать будем спокойно. Верно?

Чужановский говорил охотно, весело поблескивая глазами, стараясь своими ответами то растрогать, то рассмешить Шалымова или, наконец, сыграть на его гражданских чувствах. Но хотя проделывал он все это с большим искусством, Шалымова всего передергивало от еле сдерживаемой неприязни. Одновременно он все яснее понимал, что вести себя надо осторожно, что дело здесь, очевидно, серьезное и одним неверным вопросом можно испортить все. «Тебя бы сюда, вертихвостка, — со злой насмешкой подумал он вдруг о Люсе Шмелевой. — Попробуй управься с таким судаком».

Как всегда, бывало с Шалымовым, от ощущения важности дела, которым занимался, он постепенно приходил в хорошее расположение духа, неизменно вводя этим в заблуждение своих собеседников.

Так было и на этот раз. Чужановский с облегчением заметил, наконец, на суровом лице таможенника долгожданные перемены. Смягчились жесткие складки, Шалымов перестал хмуриться и смотрел теперь на собеседника добродушно, почти ласково и как бы даже благодарно. Но последнего оттенка Чужановский не понял.

— Сами вы из Москвы, — заметил Шалымов, — а машину почему-то сдали здесь, в Бресте.

Чужановский смущенно засмеялся и, помедлив самую малость, ответил:

— Не утерпел, знаете. На ней в Брест приехал. Дорога замечательная, даже зимой.

— И права есть?

— А как же! Вот они, — Чужановский полез за бумажником, предварительно отстегнув с внутреннего кармана пиджака большую булавку.

Шалымов без всякого интереса повертел в руках зеленоватую книжечку, лишь на миг раскрыл ее, вслух отметив, что на фотографии Чужановский выглядит старше, и, возвращая удостоверение, спросил:

— Неужели один ехали?

— Н-нет... — опять чуть помедлив, ответил Чуяновский и, сам, видно, испугавшись своей заминки, торопливо сказал: — С супругой, конечно.

— И она водит машину?

Шалымов видел, что безобидные, казалось бы, вопросы все больше приводят в смятение его собеседника.

— Водит ли она машину? — повторил вопрос Чуяновский. — Что вы!.. То есть нет.. Она до руля боится дотронуться.

— М-да... Бывает, — усмехнулся Шалымов.

Он успел заметить, что права выданы всего два месяца назад. Вместе с показанием спидометра — четыреста километров — это обстоятельство бесповоротно уличало Чуяновского во лжи. Если же учесть самый факт покупки «Волги» накануне переезда, за границу и при очень скромных доходах семьи, причем семьи большой, то ложь эта начинала приобретать совсем подозрительный характер. «На жирах небось разжирел, сукин сын, — с веселой злостью подумал Шалымов. — Ну, погоди у меня!»

Если исходить из того, что Чуяновский, конечно же, не имел возможности купить машину на честно заработанные деньги, то он мог оказаться замешанным либо в хищениях по своему прежнему месту работы, либо в контрабанде, и тогда машина эта не его. В первом случае ему грозит суд и немалый срок заключения, во втором же — лишь конфискация машины. И это Чуяновский, вероятно, знает. Выходит, что в любом случае ему выгоднее признаться в контрабанде. Если... если он вообще решит признаваться. Ведь тогда он должен будет назвать сообщников. Поэтому он может начать выкручиваться. Во всяком случае, интересно, как этот прохвост сейчас себя поведет.

Почти за двадцать лет работы в таможне у Шалымова было немало подобных случаев. Тем не менее каждый из них вызывал в нем живейший интерес. Но на этот раз Шалымов вдруг с внезапной горечью подумал: «Ну, этого я еще скручу, никуда он от меня не уйдет. А вот с иностранцами — как молодые наши — не получится, нет. Кишка тонка. Вон как Дубинин с англичаночкой той или Шмелев сегодня с итальянцами. Да-а, багажа у тебя, старина, маловато. Смолоду-то не припас». И он вдруг заметил, что не первый день где-то глубоко в душе копилось у него недовольство самим собой. Тут и жалость была, и досада, и даже что-то вроде зависти к молодым. Да, да, зависть тоже была, чего уж там... И неожиданно Шалымов спросил:

— Скажите, в прошлом у вас не было судимости?

— Только этого мне не хватало, — оскорбленным тоном ответил Чуяновский. — И должен вам сказать...

— Нет уж, разрешите, теперь скажу я, — очень спокойно перебил его Шалымов. — Я не зря задал вам этот вопрос. Скажу прямо. У меня возникли очень серьезные подозрения.

— То есть?

— Откуда у вас перед самым переездом за границу появились такие деньги?

— Так я же два года стоял в очереди...

— Это легко проверить.

— Одну минуту, — поспешно проговорил Чуяновский. — Дайте же мне закончить. Да, стоял в очереди, но... но не достоялся. Деньги уже скопил, надо уезжать, а очередь не подошла. Что делать? Вот я и купил машину у одного гражданина. Пока что за это, кажется, не судят?

Шалымов пожал плечами.

— Все очень странно... — он взглянул в документы, — Григорий Степанович. Кто-то продал вам машину, не проехав на ней ни километра. Вы сдали ее в Бресте нам, тоже не проехав, по существу, ни I километра. Да и водительский стаж, оказывается, не позволил бы вам этого. Между тем вы утверждаете, что сами ехали на ней от Москвы, то есть больше тысячи километров. Да еще в такое время года.

Чуяновский, не отрывая глаз от пола, нервно теребил в руках связку ключей. На

полном лице его проступили красные пятна.

— Ну, а деньги вы два года копили в кубышке? — совсем мягко задал новый вопрос Шалымов.

— В сберкассе, — не поднимая головы, буркнул Чуяновский. — Где же еще?

— Это тоже можно проверить.

Тут Чуяновский, наконец, не выдержал. Ненавидящими глазами он уставился на Шалымова и, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик, прошипел:

— Что вам, наконец, надо от меня? — И вдруг все-таки сорвался и крикнул: — Что?!
Что вам надо?! Я честный человек!.. Слышите вы?!

Шалымов холодно ответил:

— Мне нужна правда, только и всего. И учтите: если ее не узнаю я, ее узнает милиция.

— Вот как? — почти спокойно спросил Чуяновский. — Интересно. Стоит подумать.

— Думайте, только не очень долго. У меня, знаете, много работы.

Чуяновский вдруг опасно оглянулся и, понизив голос, спросил:

— Вас устроит половина стоимости «Волги»?

— В смысле взятки? — деловито осведомился Шалымов. — Вполне.

Чуяновский пристально посмотрел на него, потом махнул рукой.

— Ладно уж. Не разыгрывайте. Сам ведь вижу.

— Ну и хорошо. Значит, теперь самое время все рассказать.

— Придется, — с театральным вздохом ответил Чуяновский. — Так вот. Половина стоимости «Волги» — это как раз та сумма, за которую я согласился выдать машину за свою и перевезти через границу. Я ее и в глаза до сих пор не видел. А своих денег... — он опять вздохнул, — нет и на одно колесо. Сами подумайте, такая семья...

— Кто же действительный владелец? Чуяновский махнул рукой,

— Он уже там.

— Ну что ж, — Шалымов удовлетворенно прихлопнул руками по столу, как бы подводя черту под разговором. — Пишите объяснение. Будем составлять акт о контрабанде.

— Чем это мне грозит? — жалобно спросил Чуяновский. — Ведь мать-старуха, сестренка с братишкой — все на мне...

— Это грозит прежде всего конфискацией машины.

— Да пропади она пропадом!..

В это время в кабинете заместителя начальника таможни Буланый со слезой в голосе говорил мрачно слушавшему его Филину:

— Разве это справедливо, Михаил Григорьевич? Почему товарищ Шалымов так явно покровительствует Шмелеву? Только поймите меня правильно. Я вовсе не завидую. Нет! Это покровительство наносит вред делу. Сегодня, например, Шмелева назначили старшим. А он хотел пропустить контрабанду у этих итальянцев.

— Вот как?

— Именно. Контрабанду эту нашел я. Нашел вопреки Шмелеву, который запретил ее искать. Причем я не только не обидел этим итальянцев, но и разоблачил провокацию.

Семен был полон самой искренней обиды. С ним поступили явно несправедливо. Он вел себя с итальянцами правильно, он был решителен и непреклонен, как Михаил Григорьевич. Но Шалымов хвалил не его, а Андрея. Опять Андрея! Всегда Андрея!

— Гм. Я вас понимаю, Семен Трофимович, — кивнул головой Филин. — Кажется, и в самом деле ваш друг... не очень по-дружески себя ведет, а?

— Именно, Михаил Григорьевич!

— Надо уметь постоять за себя, дорогой мой.

Буланый сдвинул к переносице тонкие брови, и все лицо его приобрело выражение суровой решимости, так не вязавшееся с его франтоватой внешностью.

— О, в этом будьте уверены, Михаил Григорьевич!

Филин был полон симпатии к Буланому, которого он считал своим верным

сторонником в предстоящей борьбе со Жгутиным. В то же время он давно уже недолюбливал Шмелева. Слишком независимо вел себя тот, слишком явно проявлял симпатии к старому начальнику таможни. Да и дружба с этим баламутом Дубининым тоже не украшала Андрея в глазах Филина.

Буланый осторожно добавил:

— Вместе с тем фактом, о котором я вам говорил в прошлый раз...

— Каким фактом? — резко переспросил Филин.

— Ну, с этой самой... в гостинице. Я же своими глазами видел... Если взять все вместе, то довольно четко проступает моральный облик Шмелева. — Буланый усмехнулся. — Можно понять его супругу.

— Еще бы.

Филин задумчиво побарабанил пальцами по столу, потом снял трубку телефона и набрал номер.

— Анатолий Иванович? Зайдите ко мне... Ну, когда кончите... Да, да, жду. — Он повесил трубку и сказал Буланому: — Вы можете идти. Спасибо за информацию. Все это мы так не оставим.

Уже под вечер, когда к нему зашел Шалымов, Филин недовольным тоном спросил:

— Что вас так задержало? Давно жду.

— Конфисковал контрабандную «Волгу».

— Вот как? Почему не представили акта?

— Представил. Его утвердил Федор Александрович.

— Он же заболел и уехал?

— Как раз перед тем, как уехать, он и утвердил.

— А-а, ну понятно, — с облегчением кивнул головой Филин.

Он даже самому себе не решался признаться, что побаивается своего непосредственного начальника и от этого злится на него еще больше.

Филин умолк, потом бесстрастным тоном объявил:

— Попрошу, Анатолий Иванович, написать рапорт на Шмелева. Его действия сегодня граничили со служебным преступлением.

На длинном и вечно хмуром лице Шалымова отразилось удивление.

— Признаться, я этого не усмотрел.

— По-вашему, нежелание изъять крупную контрабанду, да еще когда о ней получен сигнал, это не служебное преступление?

— Насколько мне известно, — покачал головой Шалымов, — это была политическая провокация. И Шмелев в сложной ситуации вел себя правильно,

— Но ведь именно Буланый, обнаружив контрабанду, тем самым разоблачил и провокацию. Шалымов помрачнел.

— Ах, вот в чем дело. Так, к вашему сведению, именно Буланый своими грубыми действиями чуть не поссорил нас с итальянской делегацией. И если бы не Шмелев...

— Послушайте! Что за манера вечно спорить с руководством! — раздраженно воскликнул Филин. — Лично у меня факты не вызывают сомнений.

— А у меня...

— И я требую, — повысив голос, перебил Шалымова Филин, — требую рапорта на Шмелева. Учтите, есть и другие фактики, которые вообще ставят под сомнение его пригодность к работе в наших органах. Вам ясно?

Шалымов покачал головой.

— Нет.

— Тогда мы вынуждены будем делать выводы и в отношении вас, Анатолий Иванович. Вы удивительно близоруки и пристрастны. Так руководить нельзя, даже сменой. Учтите.

...Через два дня в приказе по таможне Андрею был объявлен выговор «за неправильное поведение при таможенном досмотре». Двумя пунктами ниже «ставилось на вид» Шалымову за «неправильную работу с кадрами».

Приказ был подписан Филиным. Жгутин все еще болел.

Андрей ждал.

Давно уже уснул Вовка, улеглась няня. Маленькая стрелка часов равнодушно передвинулась за полночь. Люси все не было.

Андрей пытался читать. Но через минуту с тоской и злостью швырнул книгу на кушетку. Воображение ярчайшими красками, почти осязательно рисовало ему одну страшную картину за другой. То он видел Люсю в объятиях какого-то человека, видел такой, какой до сих пор знал ее только он. То вдруг Андрей видел, как Люся бежит по темной улице и на нее нападают какие-то люди, затыкают рот, волокут куда-то... И Андрей опять отшвыривал книгу и кидался в переднюю. Там он лихорадочно закуривал, делал одну глубокую затяжку, вторую, третью... И настороженно, задерживая дыхание, прислушивался. Но, кроме глухих ударов собственного сердца, он ничего не слышал. За дверью стояла тишина.

Несколько раз Андрей порывался выйти на улицу, но не решался. Ему было стыдно и... страшно, страшно увидеть вдруг Люсю с другим, который, может быть, ее провожает, увидеть, как он целует ее на прощанье.

Временами Андрей думал о Буланом. Больше недели прошло уже со дня их ссоры. Какой же он феноменальный подлец! Так притворяться, так уверять в дружбе, говорить какие-то хорошие, добрые, душевные слова!.. Да и выговором он, конечно же, обязан ему.

Андрей заставлял себя сейчас думать о Буланом, всеми силами распалая свой гнев против него. Только бы не думать о том, где сейчас Люся.

Она пришла поздно.

Андрей не имел больше сил притворяться спящим, как он это делал в таких случаях до сих пор. Он посмотрел на жену и с несвойственной ему грубой фамильярностью, за которой пытался скрыть свои истинные чувства, сказал:

— Ну вот что, моя милая. Нам надо, наконец, решить, как жить дальше. Больше я твоих фокусов терпеть не намерен.

Люся враждебно ответила:

— Мы это решим завтра.

— Нет, сегодня! Сейчас!

— Сегодня я устала. И, пожалуйста, не кричи, — поморщилась Люся и все с той же враждой добавила: — Милые же вещи рассказывают про тебя.

— Ты бы уж молчала!

— Только до завтрашнего дня.

Люся постелила себе в комнате, где спал Вовка.

...Тот вечер Люся снова провела у Марии Адольфовны Филиной. И та, наконец, вызвала ее на откровенный разговор. Расплакавшись, Люся призналась, что мечтала совсем не о такой жизни. И Мария Адольфовна ответила ей теми же самыми словами, которые говорила себе Люся:

— Милочка, вам надо немедленно уйти от него, пока молоды и красивы. Любой мужчина, даже самый ответственный, будет считать за счастье не только жениться, но даже ухаживать за вами. Поверьте моему опыту, дорогая. В молодости я испытала нечто подобное. И потом... — Мария Адольфовна многозначительно вздохнула, — не знаю, право, стоит ли говорить... Мне так не хочется огорчать вас...

— Что такое? — с тревогой спросила Люся. — Обязательно скажите.

Мария Адольфовна для видимости еще заставила себя некоторое время упрашивать. Наконец не на шутку обеспокоенная и заинтригованная Люся со слезами воскликнула:

— Умоляю вас, скажите! Иначе я последний покой потеряю.

— Ах, только из любви к вам, — сдалась Мария Адольфовна. — Вы же знаете, я ненавижу сплетни. Но я не могу допустить... Одним словом, говорят о связи Андрея Михайловича с одной женщиной...

— Не может быть!

Как ни враждебно была настроена Люся к мужу, такого она допустить не могла. Больше того, про себя она уже давно решила, что Андрей лучше, честнее, прямее ее. Но разубеждать свою собеседницу она не собиралась. Нет, нет. Этот слушок... он может пригодиться.

Мария Адольфовна вздохнула.

— Жены всегда узнают о таких вещах последними. Вы не исключение.

— Кто же она? — спросила Люся, иронически усмехаясь.

Признаться, Мария Адольфовна ожидала куда более бурной реакции, и Люсина сдержанность даже вызвала у нее какие-то неясные подозрения.

— Мне не хотелось бы продолжать, — со вздохом произнесла она, приложив пальцы к вискам. — Это все так противно моим взглядам. А эта женщина, она директор какого-то магазина. Ах, да! Случайных вещей. Представляете? Между прочим, она не стоит вашего мизинца. Я просто не понимаю мужчин.

...Ночной разговор с Андреем еще больше укрепил Люсю в ее решении. Нет, нет, все! На этот раз — окончательно! Надо написать маме, предупредить о приезде. Этот слушок о магазинной директрисе подвернулся как нельзя кстати. Теперь во всем будет виноват один Андрей. Так она это представит и в разговоре с ним, и на работе, и в суде, если их будут разводить...

Но разговор с Андреем состоялся только вечером следующего дня.

У обоих на этот раз хватило терпения не начинать нового объяснения, пока не заснет Вовка. Но мальчик словно чувствовал надвигающуюся грозу. Он плакал, ласкался то к отцу, то к матери и непрерывно спрашивал:

— Папа, а ты на меня не сердись?

— Нет, сынок.

— Мама, а ты?

— Нет, нет. Спи наконец.

Вовка свертывался калачиком под одеялом и молча, широко открытыми глазами следил за родителями. Сна в его глазах не было. Андрею чудился в них упрек, горький и совсем не детский. Когда Андрей или Люся делали движение, чтобы подняться со стула, Вовка вздрагивал и плачущим голосом просил:

— Не уходи... Боюсь...

Раньше с ним никогда такого не было.

Когда, наконец, мальчик уснул, Андрей на цыпочках вышел в переднюю и жадно закурил. Он тоже нервничал.

Спокойнее всех была Люся. Она вышла вслед за Андреем и сказала:

— Думаю, что нам нет смысла устраивать друг другу сцены. Все и так ясно. Я уезжаю с Вовкой послезавтра. Это решено окончательно. Заявление об уходе я уже подала.

— Куда ты уезжаешь? — в первый момент не понял ее Андрей.

— В Москву. К маме.

Тут только до него дошел смысл ее слов.

— Ты... ты понимаешь, что ты делаешь? Люся пожала плечами.

— Прекрасно понимаю. И тебе, кстати, это тоже давно понятно. Не притворяйся. На разводе я пока не настаиваю. Пока. Может быть, ты одумаешься.

— Но, Люся... Скажи мне, в чем, наконец, дело?

— Я тебе уже сто раз говорила. У меня нет сил больше повторять. Не думай, я ни в кого не влюбилась. Я просто хочу другой жизни.

— Ни в кого не влюбилась... — с горечью повторил Андрей. — Тогда подумай, Люся, у нас еще будет другая жизнь. Вот увидишь. И потом — Вовка. Ну, как мы будем жить друг без друга?

Андрею вдруг стало так невыносимо жаль и себя и Вовку, что голос его задрожал и он поспешно отвернулся.

— С сыном ты, конечно, сможешь видеться, — у Люси голос не дрожал. — Это даже предусмотрено законом. И вообще, что бы ни случилось, я не хочу окончательно лишать его отца.

Андрей ждал этого разговора. Умом он понимал его неизбежность. И все-таки какая-то непонятная, но малюсенькая надежда все время теплилась в его душе. И каждый новый день, не принеся развязки, добавлял к этой надежде еще каплю.

И вот он состоялся, этот разговор. Равнодушным, чужим голосом Люся сказала ему все. В один миг Андрей терял двух самых близких ему людей и самых любимых. Да, да, любимых! Он любил Люсю. Он все видел, все понимал и тем не менее любил.

Андрей с усилием проглотил какой-то жесткий ком в горле и, еле шевеля сразу вдруг пересохшими губами, сказал:

— Люся, останься...

Она серьезно и печально ответила:

— Давай, Андрей, без мелодрам. Мы ведь современные люди. Ситуация предельно ясна. И ты, — вот тут Люся усмехнулась, — ты очень ко времени помог мне в этом.

Она помедлила, ожидая вопроса, но Андрей, напряженно ловя ее слова, одновременно был занят какими-то тягостными и непонятными мыслями, которые ворочались в мозгу, как тяжелые камни. Поэтому Андрей не задал того вопроса, которого ожидала Люся. И тогда она все с той же усмешкой добавила:

— Оказывается, в кого-то другого влюбился ты?

— Я?!

— Ого! Да ты стал неплохим притворщиком.

— Я ни в кого не влюбился.

— Ив директора некоего магазина тоже? Андрей ошеломленно взглянул на жену,

— Люся, я тебе сейчас все расскажу...

— Я не хочу слушать.

— Но ты же слушала про это от других!

— И мне вполне достаточно. Андрей рассердился. Это помогло ему взять себя в руки.

— Что ж, я понимаю. Тебе так удобнее, — медленно произнес он. — Ладно, уходи. Я не стану тебя больше удерживать. А пока... пока уйду я.

Он сдернул с вешалки пальто, схватил шапку и выбежал на улицу.

И вот опять вечер, опять холодный ветер бросает в лицо колючие снежинки, и от них больно глазам. И Андрей один на улицах этого города, и опять ему некуда идти, и опять у него нет дома.

Андрей медленно брел по улице. Иногда он сворачивал за угол и так же медленно и равнодушно брел по другой улице. Он не мог ни о чем думать. Голова гудела, что-то сдавливало виски. Сырой, липкий холод все сильнее пробирался под пальто, вытесняя последнее тепло.

Внезапно из полутьмы выплыла вывеска: «Закусочная». За широким окном, наполовину затянутым марлевой занавеской, виднелись люди. Они сидели вокруг серых мраморных столиков, курили, оживленно разговаривали, с аппетитом ели и пили. Из-за плохо прикрытой двери вместе со струйками тепла доносились их возгласы.

Андрея потянуло туда, и он, не задумываясь, толкнул дверь.

В первую минуту шум оглушил его. Незнакомые лица, разгоряченные, веселые или сердитые, замелькали перед глазами.

Андрей стоял у двери, отыскивая свободное место. Неожиданно кто-то крикнул:

— Шмелев!

Андрей обернулся. К нему, чуть пошатываясь и размахивая руками, пробирался между столиками Петрович. Круглое потное лицо шофера и особенно нос и литые щеки были сейчас багровыми, местами живописно переходя то в фиолетовый, то в густожелтый, и маленькие рыжеватые усики совершенно терялись в этом буйстве красок. Заплывшие глаза Петровича светились восторгом. Он обнял Андрея за талию и с воодушевлением объявил:

— Наконец-то! А я уж думал, не придешь!

— Чего, чего? — опешил Андрей. — Ты разве ждал меня?

— А то как же? Беспременно ждал. Хоть какой-никакой друг, а приттить должен был, раз я гуляю.

Петрович энергично потянул Андрея за рукав.

На мраморном столике стояли бутылки с водкой и пивом, на тарелочках лежала закуска.

Когда они уселись и выпили по первой рюмке, Андрей, морщась, спросил:

— И с чего это ты гуляешь? С какой радости? Петрович таинственно подмигнул.

— Такая, брат ты мой, история приключилась, что и не поверишь. Только тебе, как другу. Жене родной не сказал, а тебе вот скажу. Но, — он приложил к губам толстый веснушчатый палец, — никому, понял?

— Это почему же?

— А потому. Чудное дело. Вдруг да — промашку дал? Мишка враз шкуру спустит.

Мишкой он с пьяной фамильярностью называл Филина. И Андрей согласно кивнул головой.

— Этот спустит.

— Вот, вот, — неизвестно чему обрадовался Петрович. — Злодей он. Бывало, во как надо отпроситься, — он провел рукой по горлу, — но ежели Федора нет — все! К Мишке и не сунусь. Удавлюсь скорей. А то бывалоче...

— Ты давай рассказывай, что с тобой приключилось, — вернул его к первоначальной теме разговора Андрей. — С чего гуляешь-то?

— И-и, брат, — Петрович так энергично замотал головой, что Андрей на секунду даже испугался за него. — Но выпьем сначала.

Они опять чокнулись, опрокинули рюмки, долго закусывали. Наконец Петрович сделал таинственные глаза и, наклонившись над столом, приступил к рассказу.

— Помнишь, неделю назад конфисковали мы на Северной «Волгу». Новехонькая такая, голубая. Отогнал я ее, красавицу, в гараж облизполкома и ручкой — привет! Служи, мол, советской власти. Вскорости забыл даже думать о ней. Живу, значит, питаюсь, свою горемычную в хвост и в гриву гоняю. Профилактику даже сделать и то некогда. А ведь как без нее, без профилактики? Того и гляди... Вот бывалоче...

— Да ладно тебе! — с досадой перебил его Андрей. — Ты про что начал рассказывать, про то и давай.

От выпитой водки у него вдруг прошла боль в голове, приятное тепло разлилось по телу.

Рассказ Петровича заинтересовал его. Случай с голубой «Волгой» все на таможне помнили прекрасно. Неужели он имеет продолжение? Поэтому, когда Петровича начало было опять сносить в сторону, Андрей рассердился. Но на этот раз взбунтовался и Петрович.

— Ты мне не указывай, понял? — строптиво заявил он. — Могу я за свои деньги говорить, как хочу, или не могу? — Тем не менее он все же продолжал свой рассказ уже без отступлений: — Так вот, значит, третьею дня, вечером иду домой. Трезвый, между прочим, как стеклышко. Скучно мне. Дома, знаю, жена ничего хорошего мне не скажет. В другое место идти — монет нет. Скучно. Вдруг, значит, подходит ко мне один — полный такой, в очках — и спрашивает: «Ты не шофер ли с таможни?» — «Я самый, — отвечаю, — шофер и есть». — «А хочешь, — говорит, — заработать враз сотню?» — «С нашим удовольствием, — говорю, — ежели все законно». — «Да от тебя, — говорит, — сущая безделица требуется. Конфисковали вы неделю назад „Волгу“ голубую, помнишь?» — «Ясное дело, — отвечаю, — помню». — «Ну вот, — говорит, — и узнай, куда ее отдали, кому. Вот и все дело». — «И за это, — спрашиваю, — сотню?» — «Именно», — отвечает. Ну, думаю, пьяный или свихнутый какой. Только бы не раздумал этот очкастый.

— И узнал? — нетерпеливо спросил Андрей.

— А как же! В тот же вечер. Зараз вместо дома потопал к Ванюшке, он шофер тоже, в облисполкоме, Тот все и растолковал. И веришь, через два часа дурила эта вручает мне деньги. Ей-богу, как с неба свалились. Надо же, а?

Андрей с возрастающим интересом спросил:

— И где же та машина оказалась?

— Да в облздраве. Этих по области катает... Как их? Консультантов, что ли?

Андрея заинтересовала эта история. Не будет человек выбрасывать на ветер сто рублей. Значит, очень ему та «Волга» была нужна. А зачем, собственно говоря? Андрей знал, что мнимый хозяин машины уже за границей, а подлинный хозяин прибыл туда еще раньше. Кто же интересуется ею здесь, в Бресте? Неожиданно он вспомнил подробность, о которой ему рассказал Валя Дубинин: машина была сдана в Бресте, хотя тот прохвост, Чуяновский, ехал из Москвы. Нет, тут что-то не так. И Андрей спросил у Петровича:

— Ну, а разглядел ты того гражданина? Деньги небось не в темноте получал?

— Ясное дело, разглядел.

— И какой же он из себя?

— Дык как сказать? — Петрович задумчиво поскреб затылок. — Из себя он, конечно, видный. Очки при нем шикарные, золотые небось. И говорит солидно, что твой министр. Неужто будет обратно машину эту требовать?

Андрей задал Петровичу еще несколько вопросов, поминутно останавливая его руку, когда тот хотел выпить, но ничего нового не узнал. В конце концов он понял, что просто не знает, о чем еще спрашивать, и задает какие-то пустые, расплывчатые вопросы, на которые Петрович не смог бы ясно ответить, будь он даже трезв. Но тогда что же делать?

Досадуя на себя, Андрей продолжал обдумывать так внезапно возникшую, таинственную и нешуточную ситуацию. Кроме всего прочего, это помогало ему не думать о Люсе.

А Петрович между тем мирно задремал, несмотря на шум и гам вокруг, подперев кулаком красную небритую щеку.

На следующее утро Андрей первым делом направился в кабинет начальника таможни. Он был неприятно удивлен, когда за столом увидел Филина. В последнее время Жгутин часто болел, и Филин в таких случаях каждый раз занимал его кабинет. Ему, как видно, хотелось, чтобы сотрудники уже сейчас начинали привыкать к предстоящим переменам, на которые он, Филин, все больше рассчитывал.

Как всегда педантично-аккуратный, в тщательно отутюженном форменном пиджаке, глянцево-выбритый, с прилизанными серыми волосами, расчесанными на косой пробор, Филин просматривал утреннюю почту, водрузив на свой остренький нос новые очки в массивной оправе. Увидев Андрея, он сухо спросил:

— В чем дело, Шмелев?

Вообще-то говоря, Андрей рассчитывал увидеть Жгутина. Еще вчера, когда он по телефону спрашивал его о здоровье, тот бодро ответил, что завтра, по-видимому, уже придет на работу. И вот — на же тебе! Однако сообщение у Андрея было, по его мнению, настолько важным и срочным, что раз Филин замещал сейчас начальника таможни, значит Андрей обязан был сделать это сообщение ему. И Андрей, пересилив неприязнь, доложил Филину о своей вчерашней встрече с Петровичем.

Филин выслушал его с чуть иронической усмешкой и, когда Андрей кончил, спросил:

— Значит, в пивной встретились?

— Да. Только это не имеет значения — где встретились.

— А я полагаю — имеет. Петрович был, как всегда, вдребезги пьян, конечно. Да и вы...

— Я был совершенно трезв.

— Да? — И Филин насмешливо добавил: — Вы зашли туда выпить кефир?

Андрей не выдержал и запальчиво сказал:

— Михаил Григорьевич, я пришел к вам не для того, чтобы обсуждать свое меню в

закусочной. Считаю, что рассказанное вчера Петровичем является...

— ...Является бредом алкоголика, не больше и не меньше! — повысив голос, уже раздраженно перебил его Филин. — Стыдитесь, Шмелев. Он выдумал неумную историю, чтобы объяснить, на какие деньги он пьянствует. Вот и все. А вы, извините, развесили уши. Лучше проявляйте больше бдительности на работе. Имейте в виду, второй выговор будет уже строгим.

— А я верю в эту историю, — с упрямой яростью произнес Андрей.

— Ваше личное дело. Можете идти.

— Михаил Григорьевич...

— Можете идти, Шмелев. У меня много дел. Надеюсь, у вас они тоже есть?

Андрей вышел, бледный от злости. Так еще с ним никто и никогда не разговаривал. О, был бы здоров Федор Александрович, этот тип вел бы себя совсем по-другому, он ведь изрядно трусит перед Жгутиным, это все знают.

Что же теперь все-таки делать? С кем посоветоваться? Может быть, с Валькой?

Валя Дубинин, казалось, мог дать советы на все случаи жизни. Его ничем нельзя было смутить. Поэтому Андрей рассказал ему все, что он узнал от Петровича, а заодно уж и о своем разговоре с Филиным. Немного помолчав, Дубинин сказал:

— Свое мнение об этом типе я тебе выложу как-нибудь в другой раз. А пока... О-о!.. — оживился вдруг Валька, и в плутовских глазах его зажглись лукавые искорки. — Есть один человек! Толковый парень! История с Петровичем как раз по его линии.

Человек, с которым следовало посоветоваться, был, по мнению Вальки, его земляк Геннадий Ржавин, в данное время работавший в уголовном розыске здесь, в Бресте. Валька не только дал Андрею этот ценный совет, но немедленно потащил друга к телефону. Однако Ржавина на месте не оказалось. После этого Дубинин звонил Ржавину в течение всего дня. Наконец уже под вечер, когда Андрей собирался уходить домой, Валька разыскал его и передал, что Ржавин просил сегодня же зайти к нему в горотдел милиции.

Андрей имел довольно смутное представление об уголовном розыске, о его людях и делах. Правда, как-то Андрей прочел приключенческую повесть о борьбе с преступниками, прочел быстро и с интересом, но в глубине души не очень ей поверил. «Приукрашивает автор, — решил он, — сам, наверное, оттуда». Но с одним он согласился безоговорочно: работа там сложная и, конечно, опасная. Как-никак, а преступники иногда стреляют или берутся за нож. Одно дело — нечаянно напороться на таких, и уж совсем другое дело — искать с ними встречи. Одним словом, учреждение, куда шел в тот вечер Андрей, вызывало, у него безусловный интерес и уважение.

Ржавин оказался долговязым черноволосым парнем, порывистым и насмешливым. Из-под густых бровей светились лукавые карие глаза. Щеку его пересекал еле заметный шрам, но когда Ржавин волновался, шрам становился багровым. (Это обстоятельство, между прочим, сильно огорчало Ржавина: «Сотрудник угрозыска с такой особой приметой — это наполовину уже не сотрудник!»)

Несмотря на свой живой характер, Ржавин молча выслушал рассказ Андрея, а также все его мысли и предположения по этому поводу, которые, однако, сводились к одному выводу: дело очень подозрительное.

Хотя вывод этот напрашивался сам собой и вовсе не требовал, по мнению Ржавина, столь многословных рассуждений, тем не менее Андрей ему понравился. Ржавин уже немало знал о нем со слов Дубинина и прекрасно помнил предостережение Вальки, когда тот говорил с ним сегодня по телефону: «Смотри о семье не спрашивай. От него жена уходит».

Когда Андрей, наконец, кончил — кажется, никогда он не был так многословен, — Ржавин сказал:

— Я вас попрошу сесть за мой стол и подробно записать ваш разговор с шофером. И больше ничего. Андрей смущенно ответил:

— Да, да, конечно. Это самое главное. Я тут наболтал вам...

Как только Андрей сел за стол, Ржавин посмотрел на часы, досадливо щелкнул по ним,

но, поколебавшись, все же заглянул в справочник и, сняв телефонную трубку, набрал номер.

— Тонечка?! — обрадованно воскликнул он. — Прямо не надеялся уже. У подъезда небось хахали дожидаются, а вы горите на работе... Ах, так? Ну, тогда извините. И окажите услугу хорошему человеку? Что?.. А вот какую. Неделю назад облздрав получил конфискованную «Волгу», голубую. Какой ее горзнак теперь?

Ржавин подождал, пока невидимая Тонечка рылась в картотеке, потом быстро записал номер и, простившись, нажал рычаг. Минуту он что-то обдумывал, потом, пробормотав: «Интересно, однако, что он скажет», снова порылся в справочнике и набрал новый номер.

— Товарищ Страшук? Здравствуйте. Ржавин из гормилиции беспокоит. Что «Волга» ваша, тридцать четыре ноль семь, в городе сейчас?.. Зачем? Пока ответить трудно... К себе забирать? Нет, не собираемся. Так где же она? Ах, вот как. Это точно? Может, еще раз проверите?.. Ну, добре. Всего хорошего.

Он с силой повесил трубку, потом уверенно и зло произнес:

— Врет, каналья!

Больше Ржавин никуда не звонил и принялся читать какие-то бумаги, подшитые в толстой, потрепанной папке. Андрей не сразу догадался, что это были протоколы допросов.

Вскоре Андрей кончил писать. Ржавин взял у него исписанные листы, бегло проглядел их, потом задал несколько уточняющих вопросов и сам вписал ответы на них, размашисто и небрежно.

Потом они простились.

— Кажется, нам придется еще не раз встречаться, — заметил напоследок Ржавин. — Знаете, какая может завариться каша от этого сообщения? — он кивнул на исписанные Андреем листы. — Вместе будем тогда расхлебывать.

— Да-а. Добавил я вам дел. И без того, наверное, хватает.

— А! — беспечно махнул рукой Ржавин. — Разве здесь дела? Брест, я вам доложу, золотой город. И народ здесь золотой. Но строгий. А как же иначе? Граница! Но, конечно, залетают и к нам субчики. Поэтому за сообщение спасибо. А в случае чего поможете. Идет?

Андрей, улыбнувшись, кивнул в ответ. Его невольно заражала веселая энергия этого парня. И еще: ему очень не хотелось уходить, потому что это означало, что надо идти домой... Ржавин, кажется, что-то понял. В карих глазах его мелькнуло сочувствие. Он еще раз с силой пожал руку Андрея и, смеясь, сказал:

— Ого! Крепкая у вас рука. Люблю. А характер, такой же?

— Кажется.

— Ну, ну. Тогда все в порядке.

«Какой-то снисходительный у него тон», — с неудовольствием думал Андрей по дороге домой. Но спустя некоторое время он все же решил, что Ржавин неплохой парень. Интересно, найдет ли он того человека, с которым встретился Петрович, или нет. «А все-таки, товарищ Филин, видно, не я, а вы близорукий человек», — злорадно подумал он.

Между тем как только Андрей ушел, Ржавин нетерпеливо схватился за телефон. «Главное в нашем деле — иметь побольше друзей», — не без удовольствия сказал он сам себе и назидательно прибавил: «Особенно среди людей, которые обслуживают других людей. Самый осведомленный и наблюдательный народ». Ржавин при этом не заметил, что слово в слово повторил то, что не раз говорил ему его первый начальник, еще в Минском угрозыске.

Он набрал номер телефона.

— Петро? Ржавин приветствует... Да все, понимаешь, некогда... Да, да. Обязательно.

Они некоторое время говорили о каких-то общих знакомых; потом о предстоящем футбольном матче, потом еще о чем-то. Наконец Ржавин спросил:

— Ну как, «Волга» та у вас прижилась? Ясно. А сейчас она где? В гараже стоит? Вот здорово! А мне сказали, что ее угнали в район... Брехня? Понятно... Что, что?.. — лицо Ржавина вдруг стало озабоченным. — Какой человек?.. Та-ак. А когда он приходил?.. Еще днем? Понятно, — он на минуту задумался, потом, что-то решив про себя, напористо

произнес: — Вот что, Петро. Не в службу, а в дружбу. Давай сейчас к вам в гараж подскочим? Хочу я, понимаешь, на ту «Волгу» полюбоваться. А?.. Вот это добре. Сейчас я у тебя буду. Жди.

Еще одним неколебимым правилом Геннадия Ржавина было никогда ничего не откладывать на завтра. Это правило так вошло в привычку, что он уже не ощущал от него неудобства. Ржавин считал, что такой темп жизни благотворно сказывается не только на его работе, но даже на его самочувствии. Сколько дел он не смог бы «поднять», если бы отложил на завтра самые первые свои шаги, как говорят, по горячим следам!

— ...Машина как машина, — беспечно рассказывал ему по дороге Петя, знакомый шофер, работавший в гараже облздрави; Ржавин заехал за ним на милицейской «Победе».

— А кто у тебя про нее спрашивал?

— Деятель какой-то, — усмехнулся Петя. — Просил прокатить.

— Ну, а ты?

— А я, как на грех, с нашим Аракчевым был.

— Это кто ж такой?

— Известно кто. Страшук. Не будь его, я бы этого деятеля прокатил. Уж очень он просил. А сам солидный такой.

— Скажи спасибо твоему Аракчеву.

— За что спасибо?

— За его характер.

— То есть?

— Эту поездку, милый, ты бы на всю жизнь запомнил. Если бы цел остался, конечно.

Петя встревоженно посмотрел на Ржавина и, понизив голос, спросил:

— А что, есть данные?

— То-то и оно.

— Да-а... скажи на милость. — И строго добавил: — Неслыханное это дело у нас в Бресте.

Тем временем машина, пропетляв по улицам, въехала в большой неосвещенный двор. Посередине его на высоком столбе висела разбитая лампочка.

— Тьфу! И когда это разбить успели? — возмутился Петя, вылезая из машины.

Вдвоем они направились к темневшему в глубине двора приземистому зданию гаража. Кругом стояли какие-то сараи. Людей во дворе не было.

Неизвестно почему Ржавина вдруг охватило беспокойство. Судя по тому, как нетерпеливо шагал рядом Петя, он тоже был неспокоен. «Обстановка действует», — решил Ржавин и вдруг почувствовал, как запульсировал проклятый шрам у него на щеке.

Неожиданно Петя вырвался вперед, почти бегом приблизился к гаражу и вдруг не своим голосом закричал:

— Генка! Машину угнали!

Люся уезжала.

В комнате стояли три раскрытых и почти доверху уложенных чемодана, большой фанерный ящик для посуды и кухонной утвари и еще ящик, поменьше, с Вовкиными игрушками, а в передней горкой лежали сумки и авоськи, неловко перевязанные бумажными веревками. В комнате суетились Люся и няня.

Поезд уходил под вечер, но еще уйма вещей была не уложена, не все продукты куплены на дорогу.

Задвигая ящики пустого комода, старая няня деланно-безразличным тоном сказала Люсе:

— Андрею-то Михайловичу как бы двух простынь не мало было. Да и наволочку всего одну оставили.

— Что вы, няня! — махнула рукой Люся. — Ну, в крайнем случае купит себе.

Няня покачала головой, но ничего больше не сказала.

А Люся увозила все. Ей было жалко оставлять и лишнюю простыню, и кастрюлю, и лампочку над тахтой, и ковер, и пепельницу. Вот только мебель ей было не жалко, она была старая и некрасивая. Люся ее стыдилась. «Ничего, ничего, — уговаривала себя Люся, — он один, а я с ребенком». Но тут же она начинала думать о том, как приедет в Подольск, к своим родителям, оставит им Вовку, а сама будет жить в Москве. И работать будет, наверно, в Московской таможне.

Дело в том, что вчера вечером Люся в последний раз была у Филиных, и Михаил Григорьевич дал ей письмо к одному ответственному работнику Главного управления, своему доброму знакомому. В письме он просил устроить Люсю на работу в Московскую таможню и давал ей самую лучшую характеристику. Это было тем более кстати, что в официальной характеристике, подписанной Жгутиным, давалась весьма сдержанная оценка Люсиным деловым качествам. Когда Люся вчера спросила Филина, удобно ли приходить к Капустину с таким письмом, Михаил Григорьевич рассмеялся. «Он мне будет только благодарен за такую очаровательную сотрудницу. Увидите».

Это письмо Люся спрятала среди самых важных своих документов. Что ж, Капустин так Капустин. Уж она-то сумеет расположить его к себе. «Начнем с Капустина», — весело подумала она.

Вообще Люся чувствовала необычайный прилив бодрости и энергии. Ей казалось, что она наконец-то вырывается на такой простор, какого только ей и не хватало, чтобы развернулись все ее способности, осуществились все мечты.

Все знакомые в Бресте как бы перестали для нее существовать. Люся была полна к ним пренебрежительного сочувствия. Ей даже пришла вдруг на ум крылатая горьковская фраза: «Рожденный ползать летать не может». Да, верно, каждому — свое в жизни. А она, Люся, полетит, далеко полетит, высоко. «Вот посмотрите», — с неожиданной мстительностью подумала она, вспомнив, как холодно прощались с ней вчера сотрудники таможни. «Завидуют», — решила она тогда.

Андрей пришел домой лишь за час до отхода поезда, когда надо было уже отправляться на вокзал. Люся ждала новых объяснений, но Андрей лишь угрюмо осведомился:

— Все готово? Машина ждет.

— Готово, — с облегчением отозвалась Люся. И Андрей позвал Петровича. Вдвоем они начали торопливо переносить вещи в машину. А Люся стала одевать Вовку.

Переминаясь с ноги на ногу, Вовка спросил:

— Мам, мы насовсем едем?

— Насовсем.

— А папа?

— Что — папа?

— А он насовсем не едет?

— Папа к нам приедет... в гости.

— Папа гостем не бывает, — укоризненно поправил ее Вовка и вдруг вздохнул.

Он вздохнул так по-взрослому, что Люсе даже на секунду стало не по себе. «О чем подумал сейчас этот человечек? — невольно пронеслось у нее в голове. — Что он чувствует?» Мальчик без отца... И нельзя будет ему даже сказать, где папа, потому что он сразу спросит: «А почему?» И на это Люся никогда не решится ему ответить. То есть, конечно, когда он вырастет, она сможет ему сказать: «Разлюбила». А пока...

Люся поспешила отогнать от себя грустные мысли. Она быстро одела Вовку, поцеловала его в тугую щечку и послала к машине.

Когда Андрей зашел в комнату за последним чемоданом, Люся была одна. Он подошел к ней и все так же угрюмо сказал:

— Учти. Если я узнаю, что Вовке плохо... — и, сорвавшись, прибавил звенящим от напряжения голосом: — Чего бы мне это ни стоило — отберу!

— Не волнуйся. Ему будет хорошо.

Люся ответила мягко, почти ласково. Ей не хотелось, под конец ссориться с Андреем.

Зачем? Она добилась своего. Теперь надо побережь нервы. И сейчас и на будущее: зачем делать Андрея своим врагом? Мало ли что...

— Ты по-прежнему не настаиваешь на разводе? — с печальной иронией спросил он. Люся кивнула головой.

— Да. Пока, конечно. Я еще надеюсь, Андрей... что и ты уедешь отсюда.

— Я не могу себя переломить, — горестно вздохнул он. — Не могу. Пробовал.

— Попробуй еще, — рассудительно посоветовала Люся.

Когда приехали на вокзал, было уже темно. В это время рано темнело.

Андрей и Петрович стали переносить вещи к поезду через весь вокзал. А Люся, чтобы никого не встретить, быстро прошла с Вовкой и няней в вагон. У них было отдельное двухместное купе: Люся считала, что на удобства деньги жалеть нельзя.

Когда Андрей нес через зал ожидания тяжелые чемоданы, его встретил Валя Дубинин.

— Давай помогу, — предложил он. Андрей коротко ответил:

— Сам. Спасибо.

У вагона провожатых не было. Андрей занес вещи в купе, аккуратно уложил их там. Няня поманила Вовку:

— Идем к паровозу. Попросим, чтобы скорее вез нас.

— Идем! — обрадовался Вовка и важно добавил: — А ему мой папа как велит...

Когда за ними задвинулась дверь, Андрей сказал:

— Ты, Люся, все-таки тоже подумай там, в Москве... Я ... я прошу тебя. И Вовка... ну, как он без меня?..

— «Прощу»? — со злой иронией переспросила Люся, но тут же снисходительно махнула рукой. —

Хорошо. Я подумаю. Только, умоляю, не начинай новых объяснений.

— И тогда напишешь?

— Напишу, напишу. Ну, прощай. Желаю тебе... в общем всего самого лучшего в жизни. А теперь иди. Присылай Вовку, уже пора.

— Та-ак.

Андрей внимательно посмотрел на жену и, ничего больше не прибавив, вышел из купе.

Около вагона он неожиданно увидел Жгутина. Старик прощался с Вовкой.

— Конфеты смотри не рассыпь. Это тебе, понял? А няне вот тоже. — Он протянул еще один кулек — няне.

Андрей взял Вовку на руки, крепко прижал к себе и, целуя в обе щеки, сказал:

— Будь хорошим. Папу не забывай.

По радио объявили об отходе поезда. Няня с Вовкой торопливо поднялись в вагон. А через минуту поезд незаметно тронулся с места.

Мимо стоявших на перроне людей медленно поплыли зеркальные окна вагонов. В одном из них, чуть прикрытое занавеской, как будто мелькнуло Люсино лицо. Или это только показалось Андрею?

Поезд ушел. Погас вдали красный прыгающий фонарик. У перрона тускло засеребрились полосы рельсов на черных шпалах.

Жгутин тронул Андрея за плечо.

— Пошли. Ждут нас.

Они шли долго, молча сворачивая из улицы в улицу. Андрей не понимал, куда они идут, да и не хотел понимать. Ему это было безразлично. Тупая боль стыла где-то внутри, под сердцем.

Было тепло и сыро, необыкновенно тепло. По краям тротуаров лежали потемневшие, словно спекшиеся, бугры снега.

Неожиданно пошел сильный, косой дождь. Под ногами побежали ручьи. меховая ушанка стала тяжелой от воды и обручем стягивала лоб. Голова непривычно болела, ломило в висках. Андрей вдруг подумал: «Не заболеваю ли?» И тут же с презрением сказал себе: «Сопляк ты, брат».

Они поднялись на третий этаж.

Дверь открыла Светлана.

В первую минуту Андрей не узнал ее. Они не виделись с того самого вечера, когда Светлана затащила его вместе с Буланым к себе. Андрею казалось, что с того времени прошла вечность.

А может быть, Андрей не узнал девушку еще и потому, что нарядное черное платье скрадывало угловатость и худобу ее высокой фигурки и ноги в модных, на тонком каблуке — «гвоздике» — остроносых туфельках казались маленькими и изящными. Наконец, темные волосы были коротко подстрижены и *завиты*. Словом, все, что только мог запомнить Андрей во внешности Светланы, было сейчас иным.

При виде Андрея на оживленном лице девушки появилось удивление.

— Папа, к нам гости?

— Не к нам, а ко мне на этот раз, — строго ответил Жгутин. — Ты свободна.

— То есть?

— То есть можешь идти на свой вечер. Светлана лукаво улыбнулась.

— И мама, значит, тоже свободна?

— Ну, мама... в общем это как она захочет.

— Ага, а я, значит, уже не могу поступать, как захочу?

Жгутин с досадой посмотрел на дочь, а Андрей тоном, каким взрослые обращаются к детям, с усмешкой спросил:

— Вы почему со старшими спорите?

— Да-а... А почему он командует? — обиженно ответила Светлана. — Вот назло ему возьму и останусь.

— Да пожалуйста! Что ты, в самом деле!.. В передней появилась Нина Яковлевна в домашних шлепанцах и фартуке.

— Вот и хорошо, — приветливо сказала она. — И даже отлично. Заходите, Андрей. Я сейчас вас обоих чаем напою.

В течение всего вечера никто не обмолвился ни словом о том, что произошло в жизни Андрея. Все как будто чувствовали, что любое прикосновение, даже самое дружеское, могло причинить боль. «Замечательная семья, — растроганно думал Андрей. — Как хорошо, что я пришел к ним сегодня». Он представил себя одного в пустой квартире и нахмурился.

А Федор Александрович добродушно подсмеивался над дочерью.

— Что же теперь с твоими кавалерами будет? Завтра опять телефон обрывать начнут. — И он почему-то тонким голоском проговорил: — «Можно Светлану?.. Кто говорит? Так, один знакомый...»

— Папа, перестань!

— Доченька, где же твое чувство юмора? — не унимался Федор Александрович. Потом он обернулся к Андрею.

— Вот пишут, что в Москве транспортные тоннели стали под площадями рыть. Ты их видел, а?

— Видел, как роют.

— И где это?

— Под площадью Маяковского. И на Таганке, кажется.

— Во! Именно там и надо. Давно пора! Светлана засмеялась.

— Ты напиши скорей, где дальше рыть. Потом Андрей рассказал историю с голубой «Волгой».

— ...Вчера вот был в милиции, — закончил он свой рассказ. — При мне выяснили, что машину передали в облздрав. И номер у нее теперь... даже запомнил. Тридцать четыре ноль семь. А сегодня — представляете? — звоню этому Ржавину, говорит: «Угнали ее, ищем».

— М-да... — задумчиво покачал головой Жгутин, — странная история.

Время шло незаметно, и, когда Андрей взглянул на часы, было уже около одиннадцати.

— Пора мне, — поднялся он из-за стола. — Завтра вставать рано.

И уже в передней, прощаясь, Андрей с чувством сказал Жгутину:

— Спасибо вам, Федор Александрович. За все спасибо.

— Ну ладно тебе, — смущенно откликнулся тот. Светлана схватила свою шубку.

— Я вас провожу чуть-чуть, Андрей. Ладно? Очень хочется перед сном прогуляться.

— Ну что ж. Пошли.

На улице похолодало. Дул резкий, пронизывающий ветер. Тротуары и мостовая под рассеянным желтоватым светом фонарей отливали стеклянным блеском. После неожиданного дождя наступил гололед.

Светлана поскользнулась и со смехом уцепилась за Андрея.

— Вы только смотрите, что творится? Ой, маме завтра будет работа.

И тут же поскользнулся Андрей. Прodelав в воздухе немислимый пируэт, он ухватился за дерево. Светлана снова залилась смехом.

— Ой! Вы такой громадный... как медведь... И так пляшете на льду...

Андрей с опаской отцепился от дерева, и они двинулись дальше, крепко держась за руки.

— Давно видели Семена? — спросил он.

— Больше я его не буду видеть.

— Это почему?

— Так.

Андрей не решился больше задавать вопросов. Светлана украдкой взглянула на него, потом вдруг спросила:

— Андрей, а вам нравится наш Брест?

— Очень.

— А крепость вы видели?

— Еще бы!

— Это, наверное, странно, но я до сих пор ужасно волнуюсь, когда туда хожу. Мне кажется, что я тоже там умерла бы, но не отдала ее врагу. Хотя, я думаю, все там волнуются. Правда?

— Конечно, волнуются, — Андрей смущенно усмехнулся. — В цитадели я даже примеривался, откуда бы я стрелял, — и убежденно добавил: — Я там первый раз в жизни почувствовал, что значат памятники боевой славы. Волна какая-то в душе поднимается, и хочется совершить что-то великое и благородное. И не обязательно, чтобы война...

Андрей внезапно умолк, а Светлана, коротко взглянув на него, закусила губу и ни о чем больше не спросила.

Они прошли до конца улицы и завернули за угол. Неожиданно до их слуха донесся натужный рев мотора.

— Буксует, — сказал Андрей. — Ох, водителям сегодня достанется! Светлана добавила:

— Во дворе застрял. Слышите? Вон оттуда ревет.

Она указала варежкой на ворота.

Когда Андрей и Светлана поравнялись с этими воротами, то увидели в глубине двора настeжь раскрытый каменный гараж. В стороне, около палисадника, наклонившись на бок, буксовала машина. Как видно, ее пытались загнать в гараж. Мотор натужно ревел, машина тряслась, но с места не двигалась.

— Концерт устроили, — осуждающе заметил Андрей. — Всех теперь кругом перебудят.

— А что же делать?

— Как — что? Слить воду и на одну ночь оставить машину во дворе. Ничего с ней не случится.

— А вдруг угонят, как ту?..

— Ну, это редкий случай.

В это время машина перестала реветь. Мотор выключили. Стукнула дверца, и появился

человек. К нему подошел второй, он, видно, толкал машину сзади. И оба, о чем-то переговариваясь, двинулись к воротам.

На улице они простились. До Андрея и Светланы долетели слова, сказанные одним из них, высоким и толстым:

— Позови Никифора. Чтоб машина до утра была в гараже. Ясно? Завтра, наконец, займись ею!

Что-то знакомое почудилось Андрею в его удаляющейся фигуре.

Второй из собеседников суетливо огляделся, увидел молодых людей и, поминутно скользя, побежал к ним.

— Товарищ, — просящим тоном обратился он к Андрею, — помогите. Толкните машину. Я еще одного сейчас позову. А то из сил выбился, и, обернувшись к Светлане, добавил: — Уж я не знаю, как извиняться.

Через несколько минут к воротам подошел, сладко потягиваясь, еще один человек.

Все двинулись во двор, к машине.

Светлана осталась стоять в стороне, шофер сел за руль, а Андрей вместе с подошедшим человеком уперлись плечами в кузов машины.

Прямо перед глазами Андрея зажегся фонарик над номером машины. И он невольно посмотрел на белые, четкие цифры. Взревел мотор. Андрей нажал плечом. Сильнее. Еще сильнее...

Но перед глазами продолжали стоять белые цифры на номере машины. Только спустя какие-то мгновения Андрей вдруг понял, почему эти цифры так взволновали его. Тридцать четыре ноль семь!

Урча, машина медленно двинулась к гаражу. Андрей, продолжая упираться в нее плечом, лихорадочно соображал, как ему следует теперь поступить.

Шофер уже с благодарностью тряс ему руку, а Андрей все еще не знал, на что решиться.

Когда они, наконец, остались со Светланой одни, Андрей торопливо рассказал ей о своем открытии. К его удивлению, она не растерялась, а, вся загоревшись от нетерпения, спросила:

— Что будем делать?

— Что делать?.. Вот что. — Андрей вдруг заговорил уверенно и спокойно. — Я останусь здесь, во дворе. Спрячусь около гаража. На всякий случай. А вы бегите к телефону. Ближе всего домой. Звоните в милицию. Пусть немедленно едут сюда.

— Хорошо. Только... — Светлана смущенно помедлила. — Спрячьтесь получше. Ладно?

— Ладно, ладно. Бегите. . .

И Светлана легко, почти не скользя, побежала по кромке тротуара, где льда было меньше.

Когда ее высокая, худенькая фигурка скрылась за углом, Андрей медленно двинулся к воротам.

Зайдя во двор, он огляделся. Никого. Осторожно продвигаясь вдоль стены дома, Андрей добрался до гаража и прижался к его холодной, обледенелой стене.

Переведя дыхание, Андрей прислушался. Во дворе было тихо, только посвистывал ветер в голых ветвях деревьев.

Томительно долго тянулось время. Холод пробирался под пальто, коченели ноги. Андрей неслышно переступал ими, пытаясь согреться.

Внезапно откуда-то донесся неясный шум. Андрей насторожился. Его трясла мелкая дрожь то ли от холода, то ли от волнения. Зубы он стиснул, чтобы не стучали.

Шум повторился. Андрей весь подался вперед, оторвавшись от стены.

И в этот момент сзади на него обрушился удар. Человек бил наотмашь, чем-то тяжелым, хорошо прицелившись.

Удар пришелся по голове.

Андрей со стоном повалился на землю и потерял сознание.

Тихо... В палате всего четыре человека. Трое спят. Не спит только Андрей. Очень болит голова, какой-то дергающей, сверлящей болью. Эта боль почему-то отдает в плечо, и оно ноет и горит, словно раненое. Но главное — голова. Боль мешает думать, читать, разговаривать.

К Андрею никого не пускают... Двое суток он был без сознания... профессор из Минска...

Хотя нет, пускают. Только что от него ушел Ржавин. Ему разрешили пробыть десять минут. Что мог сообщить Андрей? Ничего, кроме того, что уже рассказала Светлана. Славная девочка. Врач сказал, что она всю ту ночь просидела здесь, в больнице. Но ее не пустили к нему. И на следующий день тоже. И сегодня опять. Пустили только Ржавина.

Да, Андрей ничего нового ему не сказал. Зато успел многое рассказать Ржавин. Они прибыли через десять минут после звонка Светланы, но нашли уже лежавшего без памяти Андрея и машину. Ее пытались выкатить из гаража, но она опять забуксовала. В машине под обшивкой и в подушках сидений оказалась крупная контрабанда: чуть не тысяча пар чулок, самых лучших, капроновых, и, что особенно ценно, большие мотки платиновой проволоки. «Загадка голубой „Волги“ почти разгадана», — смеясь, объявил Ржавин.

Но преступники не обнаружены. И пока конкретных зацепок для розыска их нет.

Ржавин ушел, и опять тихий, непрекращающийся звон в ушах, слабость такая, что трудно шевелить пальцами, открыть глаза. И больно, очень больно голове, плечу...

Андрей тихо стонет. Он кусает губы и все-таки, забывшись, стонет опять.

По палате кто-то осторожно прошел. Сестра, наверное. Беленькая девушка, тихая и ласковая. Наверно, это она. Но не хотелось открывать глаза. Вот подошла. Провела рукой по его волосам, выбившимся из-под повязки.

Тихо, сквозь стиснутые зубы, Андрей застонал.

И вдруг... Что это?.. Капнуло что-то ему на щеку, И снова капнуло.

Андрей открыл глаза. Чье-то расплывчатое лицо перед ним. Нет, это не сестра... Светлана!.. И плачет... Пропустили, значит.

— Андрюша, милый... Вы меня слышите?..

— Да, да...

— Привет вам от всех. От папы, мамы, Дубинина, Шалымова...

Сколько людей передают ему привет! Светлана называет все новые имена.

— ... И еще говорила с врачом и с тем профессором. Они чего-то боялись больше всего. Но теперь все в порядке. Говорят, что через неделю выпишут.

— Светлана, не надо плакать.

— Я не плачу. С чего вы взяли? Ох, уже надо уходить. Сестра сердится. Она у вас *такая* сердитая.

— Эта беленькая? Что вы!

— О, вы ее не знаете еще. До свидания, Андрюша. Тут вам какие-то записки. Я вам под подушку их кладу. Потом прочтете. А я... я опять приду. Хорошо?

— Очень...

— А вам больно, да?

— Нет... почти.

— Засните.

— Постараюсь. Значит, вы придете?

— Да, да.

— Светлана!.. Вы здесь?.. Тихо. Андрей открыл глаза.

Пустая палата. Только на трех кроватях лежат под белыми одеялами три человеческие фигуры. Спят...

Вдруг Андрей вспомнил: Светлана положила ему под подушку какие-то записки. Он

медленно протянул руку, нащупал два сложенных листка и положил их себе на грудь, прикрыв ладонью.

Несколько минут Андрей лежал с закрытыми глазами. Отдыхал. Потом взял один из листков, развернул, поднес к глазам.

Первая записка была от Дубинина. Веселая записка. Хороший все-таки Валька друг!

Вот вторая записка. От кого она? Глаза Андрея медленно скользили по строчкам.

«Милый Андрей. Один знакомый сказал мне, что с вами неприятность. Зачем только принесло вас в тот двор! И с девушкой. Я не ревную, не думайте. А выздоровеете, надо повидаться обязательно. Надя».

Надя! Что это значит? Откуда она появилась, откуда узнала, что с ним случилось? Странно... Да еще с такими подробностями: двор, девушка. Откуда ей это известно? Все это знают только Светлана и он, потом они рассказали Ржавину, больше никому.

Андрей думал, и чем больше он думал, тем все дальше и дальше отступала пустота внутри, отступала слабость. Андрей чувствовал: какой-то серьезный узел завязывается вокруг этой записки. Он только никак не мог додумать все до конца. Но, может быть, это та самая зацепка, которая нужна?

Андрей так резко повернулся на подушке, что уже почти не хватило сил нажать рукой кнопку у изголовья.

Через минуту над ним склонилась беленькая сестра.

— Что вы хотите, Андрей?

Она всех больных называла по имени.

— У меня сегодня был Ржавин, из милиции...

— Да, знаю...

— Позвоните ему... Он мне срочно нужен... Вы понимаете? Это очень важно...

Очень...

ГЛАВА 5. ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО АНТОНИЯ И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Берлинский экспресс подошел к блокпосту Буг в первом часу ночи. Сидевший у окна Буланый сквозь слипающиеся веки увидел, как из кромешной тьмы вдруг возникли три нестерпимо ярких глаза, в потоке их света кружились белые, прозрачные клубы пара. И тут же взревел гудок. Дремавшие в комнате таможенники, поживаясь от холода и ледяных порывов ветра, разбрелись вдоль состава, в темноте скользя и спотыкаясь об обледенелые шпалы.

Буланый разыскал вагон-ресторан. Вот где ему сегодня работать.

Шалымов предупредил, что это трудный участок, и ехидно, как показалось Семену, спросил, не послать ли ему в помощь кого-нибудь еще. Тут, конечно, не было никакой заботы. Просто Шалымов его не любил и хотел, чтобы он, Семен, попросил помощи, чтобы все видели, как он не уверен в себе. Шалымов, наверное, решил отомстить за случай с итальянской делегацией, из-за которого он и его любимчик Андрей Шмелев получили тогда взыскания. «Ну погодите, — мстительно подумал Семен, — скоро Михаил Григорьевич всем вам даст прикурить».

Он упругим движением подтянулся на высоких поручнях вагона.

После ночной тьмы глаза резанул яркий свет в пустом салоне вагона-ресторана. Вдоль окон протянулись ряды столиков под белоснежными скатертями, между ними стояли мягкие, обитые голубым плюшем кресла. В глубине вагона виднелась стойка буфета, пестрая от конфетных и папиросных коробок, бутылок с винами и шоколадных плиток. Рядом с буфетом находилась дверь в кухню и подсобные помещения.

Из этой двери навстречу Семену вышел худой и сутулый человек средних лет в белом халате, с отекившим и угрюмым лицом и опущенными книзу реденькими усами. Это и был тот самый Юзек, о котором специально предупредил Шалымов. Уменьшительное и почти

ласкательное имя Юзек до смешного не шло к этому мрачному, неуклюжему человеку. «И этого тюленя остерегаться?» — насмешливо подумал Семен.

Чуть косолапая, Юзек подошел к Семену и, изобразив на морщинистом лице какое-то кривое подобие улыбки, глухо сказал:

— Привет, товарищ начальник. Вот мы, наконец, и дома, слава тебе господи. От чашечки горячего кофе не откажетесь?

— Некогда, — сдержанно ответил Семен. — Приступим к досмотру.

Но Юзек, не слушая его, крикнул, обернувшись к буфету:

— Муся, чашку кофе!

И тотчас оттуда появилась белокурая, складненькая девушка с бойкими глазами под тонкой ниточкой иссиня-черных бровей. На ярких, полных губах ее играла усмешка. Девушка протянула Семену чашечку дымящегося кофе и оживленно защебетала, окидывая его бесцеремонным и веселым взглядом.

— Ну что вы, молодой человек, что вы! С такого холода-то, как приятно. Я же вижу, вы замерзли. И спать, наверно, хотите. Вот так стоя и выпейте. А ля фуршет, — с комичным старанием произнесла она под конец и прыснула, бросив быстрый взгляд на Юзека.

— Не могу. Я, товарищи, на работе.

— Так разве мы вам мешаем? — огорчилась Муся. — Мы же для вас... Я так хотела...

— Я понимаю, понимаю...

Семен смягчился и благосклонно посмотрел на девушку. Положительно она не дурна! Фигурка... да и мордочка, И как-то так смотрит... Видно, что он, Семен, ей понравился. Все-таки он умеет нравиться женщинам! Вот и эта тоже. Интересно было бы проверить. Однако дело прежде всего.

Тем не менее он не без удовольствия взял чашечку из рук Муси и, обжигаясь, торопливо выпил душистый напиток.

— Спасибо, чудесный кофе, — Семен задержал на девушке внимательный и дерзкий взгляд. — Вы, кажется, мастерица. Ну, а теперь, — он обернулся к Юзеку, — за работу.

Войдя в тесное помещение кухни, Семен с усмешкой спросил Юзека:

— Надеюсь, на этот раз в котле ничего недозволенного не везете?

— И не говорите! Леший кого-то попутал! — с искренней досадой воскликнул тот. — И сам виноват: недосмотрел. Но уж теперь их вот всех предупредил...

Он указал на дверь, за порогом которой стояли, кроме Муси, еще пожилая женщина и низенький толстый повар. Все они были в белых халатах, а повар еще и в колпаке.

Однако Семен все же взял длинный уполовник и старательно помешал в пустом котле. Потом он попросил снять крышки со всех кастрюль на плите и так же старательно проверил, нет ли там чего. При этом Семен не заметил, как за его спиной Юзек обменялся с Мусей насмешливой улыбкой. Затем Юзек принялся услужливо открывать перед Семеном бесчисленные шкафчики, выдвигать большие и малые ящики, помогая вынимать оттуда горы посуды, пакеты и коробки. Юзек делал это с такой безбоязненной, даже подчеркнутой поспешностью, что у Семена не возникало и тени подозрений. «Нет, — решил он, — человек, что-то скрывающий, ведет себя не так».

А Юзек открывал все новые и новые дверцы, выдвигал ящики, приговаривая:

— Гляньте сюда, будьте ласковы... И сюда.. А вот этот забыли!..

Семену уже казалось, что не осталось и уголка, не осмотренного им, а Юзек находил все новые ящики, то прикрытые какими-то выдвижными разделочными досками, то краем клеенки, то каким-то большим предметом на столе или на полу. Потом перешли к холодильникам.

Состав уже пришел в Брест, в вагонах пассажиры уже давно спали, а Буланый, усталый и злой, все еще не мог покончить с досмотром кухни вагона-ресторана.

Наконец Муся не выдержала и воскликнула:

— Ну, пойдете же ко мне в буфет! Сколько можно...

— Да, в самом деле, — откликнулся Буланый. — Тут как будто все в порядке.

Хмурое и тоже уставшее лицо Юзека просветлело, и он вздохнул с видимым облегчением, в котором, однако, и на этот раз Семен при всем желании не мог ничего заподозрить плохого, ибо точно такое же облегчение ощутил и сам.

При осмотре буфета рядом с Семеном была одна Муся. Юзек устроился вдалеке, за одним из столиков и, надев очки, спокойно проглядывал какие-то документы. Повар и пожилая женщина переоделись и, несмотря на ночное время, ушли в город навестить кого-то.

Муся стояла так близко, что Семен ощущал запах ее духов, даже теплоту ее кожи на обнаженных по локоть руках. Девушка то и дело нагибалась, открывая ящики за стойкой, и Семен с какой-то неожиданно проснувшейся жадностью следил за ее мягкими движениями. А Муся, выпрямляясь, каждый раз обжигала его веселым и дразнящим взглядом и беспричинно улыбалась.

В какой-то миг Семен решил и, нагнувшись вслед за Мусей, крепко обнял ее за талию. Девушка, не вырываясь, с полушутливой строгостью прошептала:

— Не время сейчас баловать. Понял?

— А когда время?

— Смотри, пожалуйста, какой шустрый.

— А что?

— А то, что погнала бы я тебя, знаешь куда? Да что-то приглянулся ты мне.

— Ну, когда же время? — настойчиво переспросил Семен.

Муся бросила опасливый взгляд на сидевшего в глубине салона Юзека и торопливо ответила:

— Главное, уходи побыстрее. А через полчаса возвращайся. Он тоже в город уйдет, — кивнула она на Юзека.

— Понятно.

Семен с лихорадочной быстротой закончил досмотр и стремительно направился к выходу из вагона, кивнув на прощанье Юзеку.

...Во второй раз Семен пробыл в служебном купе вагона-ресторана, как ему показалось, всего один миг. А Муся уже затормошила его и велела уходить.

Семен в последний раз обнял ее и вдруг, подчиняясь какому-то озорному чувству, беспечным тоном спросил:

— Слушай, дело прошлое. Скажи теперь, как есть. Везли вы контрабанду или нет?

В ответ Муся неожиданно звонко рассмеялась, так неожиданно, что Семен даже вздрогнул.

— Конечно, везли, — с улыбкой сказала она и, прижавшись к Семену, шепнула ему в самое ухо: — Спасибо тебе.

— Ты что говоришь? — испуганно переспросил Семен. — Соображаешь?

Муся отстранилась и уже другим, насмешливым и резким тоном сказала:

— Я-то соображаю. А вот ты, милый, кажется, не очень.

И уже в последний момент, когда Семен приоткрыл дверь вагона, собираясь выскользнуть на темный перрон, Муся шепнула ему вдогонку:

— Смотри. Не болтай лишнего. А то... Последних слов он не расслышал. «Вот это влип в историю», — проклиная себя, думал Буланный.

...В ту ночь долго не гас свет в квартире Нади Огородниковой.

В первой из комнат, вокруг накрытого стола, нетерпеливо прогуливался Засохо, шлепая домашними туфлями и засунув руки в карманы теплой куртки. За стеклами очков видны были его большие, как у совы, настоженные глаза.

Надя сидела на кушетке в ярком и не по сезону открытом платье. На обнаженные плечи она накинула прозрачную косынку. В руках Надя держала гитару и задумчиво перебирала пальцами струны.

— Пора бы уже ему быть, — проворчал Засохо. — Старееет, черт бы его побрал. А ты тут за него...

— Придет. Что ему станет, — враждебно отозвалась с кушетки Надя. Почему-то в последнее время она совсем перестала бояться Артура Филипповича. И уважать перестала: такое же дерьмо, как и все. А уж трус!.. Как он в прошлый раз испугался, когда Андрей намекнул на какие-то доллары! Неужели Засохо вез тогда валюту? А ей он сказал, что у него конфисковали мануфактуру. И Евгению Ивановичу в Москве он тоже это сказал. Значит, он обманывает их? Такое не прощается. Вот только бы узнать, только бы узнать...

— Э-эх, — сердито посмотрел на нее Засохо. — Баба, она и есть всегда и во всем баба.

Он снова нетерпеливо зашагал вокруг стола, чуть сгорбившись и с силой оттягивая карманы своей нарядной куртки засунутыми туда кулаками.

Засохо сейчас даже представить себе не мог, что он скажет, вернувшись в Москву, Евгению Ивановичу, как объяснит потерю целой партии этих проклятых чулок. Со Шмелевым получилось тоже более чем неудачно. Слава богу, хоть жив остался. Товар же вернуть все равно не удалось, а Засохо еще собрался крупно надуть шефа на этой комбинации. Да, еще один такой скандал, и этот проклятый Евгений Иванович может, пожалуй, вообще выставить его, Засохо, из «дела». О, этот церемониться не будет!

Засохо почувствовал, как его стало даже познабливать от волнения. Он с тревогой схватился за пульс. В отношении своего здоровья Артур Филиппович был мнителен до чрезвычайности.

— Артур Филиппович, — вдруг задумчиво спросила Надя, — а как вы думаете, будет война?

Засохо, не переставая кружить вокруг стола, раздраженно ответил:

— Пусть у других об этом голова болит.

— Об этом у всех голова болит, — вздохнула Надя. — Сколько война нам горя принести может. Засохо снисходительно усмехнулся.

— Кому это «нам»? Тебе? Мне? Да если у нас с тобой будут деньги, нам всюду и всегда будет хорошо.

— Я вас чего-то не пойму, — с тревогой посмотрела на него Надя.

Ей на секунду вдруг стало страшно. И не от злых глаз Засохо, даже не от его слов. Надя внезапно ощутила какую-то страшную пустоту вокруг себя. Привычное слово «мы», под которым она всегда — и в детстве, во время войны, и потом, когда речь заходила о международных делах, — как-то естественно понимала весь народ, всю Родину, вдруг сейчас это слово «мы» сузилось до крошечного «я и он». Неужели, если вдруг всем вокруг будет плохо, ей, Наде, и вот ему, Артуру Филипповичу, будет хорошо? Неужели? А маме, например? А брату Косте, который живет с семьей в Новосибирске? А другим? Неужели деньги отгородили ее от всех этих людей? Неужели, если всем им будет плохо, ей, Наде, будет хорошо?

От этих мыслей Наде стало вдруг на секунду так жутко, что она впервые, кажется, с ненавистью взглянула на самодовольное, хитрое лицо Засохо и глухо сказала:

— Надо говорить, да не заговариваться.

В это время в передней зазвонил звонок. Он зазвонил так неожиданно и резко, что Надя в первый момент не могла сообразить, что случилось.

Первым устремился к двери Засохо,

— Слава богу, наконец-то! — услышала Надя его голос из передней. — Уж не знали, что и думать. Ну как?

В ответ прозвучал знакомый, глуховатый голос Юзека:

— Порядок. Таможенник попался — клад.

— Кто такой? — заинтересовался сразу Засохо.

— Фамилия — Буланый, — усмехнулся Юзек. — Уж я его за нос поводил. А потом... потом Муська за него принялась. Куда ставить?

Надя вышла в переднюю. Она увидела Юзека в длинном темном пальто и мятой фетровой шляпе с двумя чемоданами в руках.

— Я его знаю, этого Буланого. Его Семеном зовут, — сказала Надя.

— Вот и заметь себе, — строго произнес Засохо. — Это все? — спросил он у Юзека, указывая на чемоданы.

— Еще два в машине. Полине отвезу.

— Правильно, — одобрил Засохо и, окончательно придя в хорошее расположение духа, потрепал Юзека по плечу. — Давай вези. И не задерживайся. Дело обсудить одно надо. Да и выпить успеть.

Юзек кивнул головой и, не прощаясь, исчез за дверью.

Пыхтя, Засохо оттащил чемоданы на кухню. Там он приподнял с пола кусок линолеума, отсчитал от стены нужную доску и потянул ее вверх. Доска легко приподнялась, обнаруживая черную пустоту под собой. Туда Засохо и спустил чемоданы.

В столовую он вернулся в приподнятом настроении.

Надя по-прежнему сидела на кушетке, задумчиво перебирая струны гитары.

Настроение у нее изменилось. Стало вдруг грустно и жалко себя. «Ой, как годы мои уходят, — думала Надя, — и ничегошеньки нету у меня и любимого нету. Так и не встретила, не сыскала...» Она сама не заметила, как поразила ее в тот вечер разница между Андреем и пьяным Артуром Филипповичем. Кажется, с того вечера и стала задумываться Надя над своей жизнью. И сейчас ее, наверное, тоже впервые не волновала судьба товаров, привезенных Юзеком.

— Ну, чего строишь из себя мировую скорбь? — бодро спросил Засохо. — Можно пока по первой пропустить. За его доброе здоровье и благополучие, — он кивнул на дверь, за которой скрылся Юзек.

Надя равнодушно махнула рукой.

— Пейте себе.

— Как знаешь. Могу и один. Он со вкусом выпил, закусил. Потом снова обернулся к Наде и с неодобрением спросил:

— Ну-с, а как Андрей? Срослась голова-то?

— Не знаю. Думала, он ответ мне напишет, а он не написал. Сестра говорит, слабый еще.

— Ответ? — настороженно переспросил Засохо. — А ты что ему написала?

— Ну, написала, что жалко мне его, что видеть хочу, когда выпишется...

— Та-ак. И еще написала, конечно, — с еле сдерживаемой яростью сказал Засохо, — откуда ты знаешь, что он в больнице. Что, мол, есть у тебя такой приятель, Засохо Артур Филиппович, вот он-то тебе и...

— Да что вы! — Надя сердито посмотрела на Засохо. — Что вы, в самом деле!

Но Засохо, обдумывая что-то, молча шагал вокруг стола. Потом, приняв какое-то решение, он подошел к Наде и, покачиваясь с каблуков на носки, холодно и чеканно произнес:

— Так вот. Юзека я, конечно, дождусь. Но больше я у тебя не останусь, дура ты эдакая. Все. И не ищи. За ночлег я лучше деньгами платить буду, чем свободой.

Надя небрежно пожала плечами.

Прошел час, потом второй. Юзека все не было, Засохо выпил еще одну рюмку, потом еще. И все кружил, кружил по комнате.

— Да что же это?.. Куда он делся? — взволнованно бормотал он. — Неужели случилось что-нибудь?..

А Юзек так и не пришел в ту ночь.

Все эти дни Геннадий Ржавин энергично занимался «делом» о голубой «Волге» и о «разбойном нападении на гражданина Шмелева».

Разыскав в конце концов того самого Никифора, который ночью вместе с Андреем толкал злополучную машину, Ржавин сумел выяснить, что за рулем, тогда сидел небыизвестный ему шофер Пашка.

Ржавин, уже понимая, что нападение на Андрея лишь эпизод в цепи куда более опасных событий, тем не менее принялся было за изучение этого юркого пройдохи, когда

вдруг получил от Андрея записку, присланную ему Огородниковой.

Прежде чем побеседовать с Андреем, Ржавин собрал немало интересных сведений об этой красивой и бойкой женщине. Побывал он и у нее в магазине. Побывал и в доме, где она жила. Старик сосед из этого же подъезда, с которым он долго вел разговор на самые разные темы, между прочим, как по пальцам, пересчитал всех, кто ходил к Огородниковой. Среди них Ржавина заинтересовал полный, седоватый человек в очках с золотой оправой, который по нескольку дней жил у Огородниковой, и последний раз — совсем недавно.

За всеми своими делами Ржавин, однако, не забывал каждый день звонить в больницу и справляться о здоровье Андрея.

В это утро дежурная сестра ответила: — Сегодня выписываем. После обеда. " Ржавин немедленно отправился в больницу. Когда он вошел в знакомую палату, то сразу заметил, что у Андрея появились новые соседи. На одной из кроватей лежал, стиснув зубы от боли, немолодой усатый человек. Громадная, закованная в гипс нога его была вздернута вверх целой системой шнуров и блоков. На другой кровати лежал молоденький русоволосый паренек и читал книгу.

Андрею уже выдали серый, застиранный халат, который, однако, едва доходил ему до колен. В этом халате, туго подпоясанном красным шнурком, Андрей походил на какого-то былинного богатыря. Полному сходству мешали разве только глаза, усталые и грустные.

Ржавин вызвал Андрея в коридор, и они уселись около широкого окна, уставленного цветочными горшками.

— Ну, добрый молодец, — сказал Ржавин, с удовольствием оглядывая Андрея, — дело, кажись, на поправку пошло?

— Вот выписывают...

— Это хорошо. Значит, на работу скоро?

— Денька через два, говорят.

— Та-ак. А у меня дело тоже на месте не стоит.

Тут впервые за время разговора в глазах Андрея засветился живой интерес, и он нетерпеливо попросил:

— Расскажи, чего узнал.

— Все не могу, — покачал головой Ржавин. — Служба такая.

— Больно ты с этой службой занозишься.

— И не думаю. Горжусь ею — это да, верно.

— Ладно, гордись, шут с тобой. Но расскажи хоть, что можно.

Ржавин кивнул головой.

— Слушай. Нашел я, понимаешь, того шофера. Хотя он пока этого и не знает. О чем это говорит? — он усмехнулся и сам же ответил: — О том, что я тебе один служебный секрет уже открыл. Теперь твоя очередь. Открой мне секрет, что у вас за отношения с этой самой Огородниковой?

Ржавин испытующе посмотрел на Андрея.

Тому не понравился его взгляд. «Ишь, Шерлок Холмс какой нашелся», — с неудовольствием подумал он.

Рассказывать о своих отношениях с Надей Огородниковой Андрею было неприятно. И не потому, что это бросало тень на него самого. Просто это касалось таких сторон жизни, которые, как полагал Андрей, совестно и бесчестно вытаскивать всем напоказ. Тем более, если женщина, о которой предстояло рассказать, была, кажется, увлечена им и, следовательно, верила ему.

Ржавин, как видно, уловил причину его колебаний. Самый тон, как, впрочем, и текст записки, говорил о каком-то особом отношении Огородниковой к этому парню. И он строго сказал:

— Помни, Андрей, дело тут идет о серьезных вещах. Может, она в тебя и влюблена...

— Я все понимаю.

Андрей нахмурился и, пересилив себя, очень коротко рассказал, как он познакомился с

Огородниковой в гостинице «Буг», как потом она звонила ему, и он избегал этих звонков, как, наконец, пришел к ней домой и застал там некоего Засохо, у которого до этого конфисковали контрабанду.

В этом месте Ржавин насторожился и спросил:

— Какой из себя этот тип?

Андрей, как мог, обрисовал ему Засохо. И Ржавин тут же отметил про себя: «Это тот самый, который недавно еще жил у нее».

— Теперь вот что... — Ржавин помедлил, обдумывая вопрос. — Сколько же раз ты встречал этого человека?

Андрей задумался.

— Пожалуй... раза три.

— Где?

— Первый раз в гостинице, потом в поезде, потом у нее дома.

— А отношения сложились не плохие?

— К сожалению.

— Это, старик, еще неизвестно. Ну, а дядю ее ты запомнил?

— Еще бы! Он же меня в гости звал, как в Москве буду.

— В гости?—оживился Ржавин. — И адрес дал? Андрей усмехнулся.

— Нет. Адрес велел племяннице дать.

— Огородниковой?

— Ну да.

— Гм. Может, это и в самом деле ее дядя? Надо бы все это проверить. Все! Эх, черт возьми! — с досадой воскликнул Ржавин. — Жаль, что ты сейчас не в форме!

— Я же здоров.

— Относительно, старик. Относительно. А скажи, кто еще из твоих сослуживцев знает Огородникову и видел этих ее приятелей?

— Ее знают многие. Она же получает, у нас для своего магазина вещи, конфискованные как контрабанда. — Андрей помедлил и неохотно закончил: — Дважды этого Засохо видел Семен Буланый. В гостинице и потом при личном досмотре, когда выворачивали этого типа наизнанку. В гостинице он и дядю видел.

— Ага. Значит, Семен Буланый? Ржавин сделал пометку в блокноте и стал прощаться.

После обеда няня принесла Андрею его вещи,

— Там девушка вас дожидается. В такси она.

«Светлана», — сразу догадался Андрей.

Он безотчетно вздохнул и стал поспешно одеваться, потом быстро собрал свои вещи.

Усатый человек со сломанной ногой поманил его поближе и тихо сказал:

— Просьба у меня к вам. Отправьте вот это письмецо. Ночью еще написал, как привезли.

Он достал из-под подушки смятый конверт. Андрей торопливо сунул его во внутренний карман пиджака и сказал:

— Утром бы и отправили. Любая сестра или нянечка опустила.

— Ну нет. Вы, кажется, понадежнее.

Андрей в тот момент не придавал значения этим странным словам.

Внизу его ждала Светлана.

В то утро, когда в больнице у Андрея сидел Ржавин, Надя Огородникова вместе с представителями горторготдела и горфинотдела пришла в таможеню. Они должны были получить для магазина вещи, конфискованные таможенниками.

К своим визитам в таможеню Надя всегда готовилась особенно тщательно. Там ведь она могла встретить Андрея. Кроме того, там могли завязаться и новые полезные знакомства. Да и вообще где бы Надя ни появлялась, ей хотелось нравиться, хотелось кружить головы, притягивать любопытные и жадные взгляды.

Совсем недавно Надя вдруг узнала, что от Андрея ушла жена. И Надя сразу же вообразила, что это произошло из-за нее, что Андрей втайне влюбился в нее и все это время мучился и скрывал от всех свое чувство. Наде нестерпимо захотелось повидать его, убедиться в своей догадке. Андрей ей нравился, хотя он и был, по ее мнению, примитивно-порядочным и нерешительным человеком, каких обычно Надя презирала. Андрей был исключением, и это тоже было интересно.

В тот день, когда Надя собиралась в таможеню, Андрей, по ее расчетам, мог уже выйти на работу. А раз так, то она постарается непременно его увидеть.

Еще из дома Надя позвонила в горторготдел пожилой и степенной Анне Семеновне, потом Ниночке в горфинотдел. Вместе они и приехали на вокзал.

На галерее второго этажа, над досмотровым залом, женщин встретил Валя Дубинин.

— Сегодня за купца я, — весело объявил он. — Петр Иванович болен. Так что держитесь.

Им предстояло самим оценивать те вещи, которые не значились в прејскурантах.

Черненькая, бойкая Ниночка кокетливо заметила:

— Вы воспитанный человек, Валя, и с дамами торговаться, конечно, не станете.

Между тем из троих женщин Ниночка была самой строгой и придиричвой.

На два часа одна из комнат таможи превратилась в склад или выставку самых разнообразных вещей, какие не соседствовали, пожалуй, ни в одном магазине. Тут были пестрые ковры, наборы ножей и вилок, бинокли, отрезки тканей, кофточки, охотничьи ножи, автомобильные свечи, белье, инструменты, какие-то порошки и жидкости для хозяйственных нужд, кварцевые лампы и десятки других, порой самых неожиданных вещей. Все их следовало по акту передать в магазин.

Порой возникали споры: одну и ту же вещь оценивали по-разному.

Надя как бы невзначай спросила Дубинина:

— Все живы и здоровы? Давно я у вас не была.

— Вроде все.

Валя явно не хотел рассказывать про Шмелева, и Надя прикусила язычок: дальше расспрашивать было неудобно.

В этот момент в комнату зашел Буланый. При виде Нади на его остреньком лице выражение недовольства мгновенно сменилось радостным удивлением. Буланый оживился и, обращаясь больше всего к Наде, сказал:

— Вы совсем подавили нашего представителя. Поэтому прибыли свежие силы.

— А главное, кажется, очень стойкие, — ехидно заметила Ниночка.

Надя вспомнила, что рассказал этой ночью Юзек о Буланом, вспомнила и слова Засохо: «Вот и заметь себе...» Да, этот смазливый парень, кажется, может быть полезным. И Надя, очаровательно улыбнувшись, сказала:

— С вами, наверно, опасно иметь дело.

На Семена эти слова в сочетании с такой улыбкой подействовали, как звук рога. «А ведь я ей, наконец, понравился, — мелькнуло у него в голове. — И Андрей, значит, получит отставку?» Это было вдвойне приятно. Но продолжать разговор с Надей, пожалуй, неудобно, и Семен, делая вид, что следит за работой по оценке вещей, в то же время мучительно соображал, как ему дальше поступить. Он и не подозревал, что Надя думает сейчас о том же самом. И именно она нашла такой способ.

— Скажите, — нерешительно обратилась она к Семену. — У вас здесь нельзя попросить машину? А то столько вещей...

— Сейчас все устрою, — обрадованно заверил Семен. — Вам еще много осталось?

— На полчаса, я думаю.

— Очень хорошо.

Когда он вышел, Ниночка смешливо вздохнула:

— Хорошо быть красивой. Мужчины просто распластываются.

— Смотри какие мужчины, — сурово заметил Валька.

Буланый попросил у Филина машину якобы для того, чтобы съездить на Северную, и тот не мог отказать своему любимцу, хотя обычно машину сотрудникам старался не давать.

— Заодно я уж подброшу вещи Огородниковой, — небрежно сказал Семен.

Таким образом, он совершенно официально оказался в машине вместе с Надей.

Петрович, раздосадованный отказом Филина отпустить его до обеда по какому-то очередному неотложному делу, не был расположен к беседе и, угрюмо смотря прямо перед собой, бормотал:

— Нешто у него есть понимание? Кирпич у него там заместо всего... Машина вон, и та профилактики требует. А я что, чугунный?.. Как ты к людям, так и люди к тебе...

Надя и Семен сидели сзади, стиснутые мешками.

Решившись, Семен спросил:

— Не хотите пойти куда-нибудь вечерком?

— Не знаю, — лениво ответила Надя. — Заходите. Подумаем.

О лучшем Семен и не мечтал. Может быть, удастся пробыть с ней весь вечер наедине? У него на такой случай были всегда в запасе несколько захватывающих историй и уйма анекдотов. Надо только купить бутылку коньяка.

Вечер действительно прошел чудесно.

Семен, распалившись, неожиданно признался:

— Ах, Наденька! Я так искал встречи с вами,

— Неужели вы такой ненаходчивый?

— Я вам постараюсь доказать обратное. Хотите?

— Попробуйте.

Разговор этот, двусмысленный и многозначительный, продолжался до ужина, взвинчивая нервы Семену. Ему уже казалось, что он без памяти влюбился в эту женщину, такую красивую, умную и... загадочную. Надя вдруг бросила фразу, которая заинтриговала Семена.

— Ах, я за свою жизнь испытала от мужчин столько предательства и видела столько трусости! Это отбило охоту даже думать о любви.

— И сейчас?

Надя испытующе и лукаво посмотрела на Семена.

— Не знаю. Вы не трус и не предатель?

— А вы испытайте меня.

Потом они ужинали и пили вино. От коньяка Надя отказалась.

Вообще Надя вела себя очень сдержанно, и когда Семен попробовал было обнять ее, она поспешно отодвинулась. Но в то же время он по десяткам других признаков — по интонациям, взглядам и движениям—мог убедиться, что он ей, безусловно, нравится. И это туманило ему мозг, заставляло учащенно биться сердце. А Надя то и дело повторяла кокетливо, но упрямо:

— Нет, нет, я вам не верю, Семен. Вы такой же, как все.

После ужина разговор зашел о поездке летом на юг. Вздохнув, Надя неожиданно сказала:

— Все-таки деньги — много денег — делают жизнь настоящей жизнью. ..

— Конечно, — охотно согласился Семен. — Я хотел бы иметь много денег.

Надя подняла на него глаза.

— Это правда?

Семен вдруг почувствовал какой-то скрытый смысл в ее вопросе, причем смысл не очень добропорядочный. Но он не захотел раздумывать над ним и решительно подтвердил:

— Конечно, правда.

При этом он нисколько не кривил душой. Он только добавил:

— И еще — положение, или, как говорили в старину, карьера. Это меня тоже интересует.

Он как будто рисовался перед Надей своим цинизмом, своей хваткой. Кроме того, это

могло свидетельствовать об их особых, близких отношениях, когда откровенность звучит как признание. Надя задумчиво сказала:

— Вероятно, с вами женщина может быть счастлива.

О, Семен был убежден, что она говорит искренне. Она и не думает сейчас об Андрее. Он уже не существует для нее! И от этой мысли Семен чувствовал себя по-настоящему счастливым. Черт возьми, неужели он влюбился? Влюбился по-настоящему?

— Знаете что?! — воскликнул он. — Вы должны меня испытать! Сегодня же! Сейчас!

Семен схватил ее руку и стал целовать. Надя осторожно погладила его по голове.

— Я не хочу испытывать вас... сейчас.

— Почему?

— Потому что... — Надя задумалась и, как будто решившись на что-то, закончила: — Потом. Ладно, милый? Потом. Скоро...

Сегодня Андрей впервые после отъезда Люси вошел в свой дом. Вошел один: Светлана только довезла его в такси до крыльца — торопилась в институт.

Андрей обошел квартиру. Всюду подметено, прибрано и... непривычно пусто. Незнакомая скатерть на столе в комнате. Ее, наверное, принесла Светлана. И цветок на окне она тоже принесла, и коврик в передней, и зеркало. Андрею вдруг стало стыдно: Люся увезла все, буквально все.

Он открыл шкаф — там висели два его костюма, летнее пальто. В ящиках — тонкая стопка белья и его рубашки, чистые, выглаженные. Андрей хорошо помнил: няня не стирала их перед отъездом. Значит, тоже Светлана? Это уже неудобно. Напрасно он дал ей вчера ключи.

Славная девочка. Но, черт возьми, уж не влюбилась ли она в него? И Андрей невольно вспомнил улыбку Светланы, затуманенные от слез ее глаза, когда она склонилась над ним там, в больнице. Это не глаза друга, это — больше! Нельзя, нельзя в него влюбляться! Не за что! И потом... Он же не любит ее. И не полюбит. Он никого уже не сможет полюбить. Так пусто внутри, так все обобрано там. Вот как в этой квартире.

Нет, они с Люсей здесь не были счастливы. И Вовке здесь тоже было плохо. Детям, наверное, плохо не только, когда взрослые ссорятся, но и тогда даже, когда они притворяются, будто в доме все в порядке. Как Вовка чутко улавливал их настроение, каким он стал нервным и капризным...

Андрей устало опустился на диван и прислушался. Тихо. Один, совсем один. Светлана зайдет только вечером. Опять Светлана! Вот так, вероятно, с тоски и женятся, чтобы не оставаться одному. Но он так не сделает. Светлана заслуживает лучшего мужа. А он... он просто устал, очень устал. И потом нельзя распускаться. В конце концов у него есть работа, есть друзья. В чем дело? Жить можно!

Андрей стремительно поднялся с дивана, словно боясь, что там его снова настигнут малодушные мысли. В кухне на полке он разыскал хлеб, яйца в картонной коробке, за окном обнаружил сверток с маслом и колбасу. Светлана сказала, что есть еще вареная картошка, он только забыл, куда она ее поставила.

В этот момент в передней прозвенел звонок. Андрей замер на секунду, потом торопливо направился в переднюю. Кто бы это ни был, все-таки живой человек, с которым можно будет перемолвиться хоть словом. Андрея с непривычки тяготило одиночество.

Но за дверью оказался не просто какой-то живой человек, а Валька Дубинин. С раскрасневшимся на ветру курносом лицом и живыми светлыми глазами, Валька принес с собой всю свежесть и энергию окружающей жизни. Он наполнил тихую квартиру шумом и движением. Он немедленно включился в приготовление ужина и стал громыхать посудой, накрывая на стол.

— Учти, я голоден как волк! — кричал он Андрею через всю квартиру. — Эх, Андрюшка! Есть прелесть в холостяцком обеде с другом! Честное слово, есть!

Когда они, наконец, уселись за стол, Валька спросил:

— Ну, как черепушка?

— Порядок. Варит, кажись, по-прежнему.

— Интересно, а лучше ее никак не заставишь варить?

— Лучше некуда.

— Скромность не была его отличительной чертой, — насмешливо объявил Валька и вдруг серьезно спросил: — Как жить думаешь?

— Как жил, так и дальше буду. — И, меняя тему разговора, Андрей, в свою очередь, спросил: — Лучше скажи, как там у нас?

Валька раздраженно махнул рукой.

— Мишка поедом всех ест. Кроме, конечно, твоего Буланого.

— Возьми его себе.

— Нет уж. Твой дружок, ты и носись с ним.

— Никогда он мне другом не был, — медленно произнес Андрей.

— Да. Тип!.. Но я тебе скажу, что Мишка опаснее его в сто раз.

— Это почему же?

— Потому, что он ничем не брезгает, потому, что его все боятся. Это страшный тип, понятно?

Валька даже покраснел от волнения, а в глазах светилась неугасимая ненависть.

— Ну, это ты уже хватил через край, — заметил Андрей. — Просто большой подлец.

— А я тебе говорю, что он в сто раз хуже обычного подлеца. Это карьерист, который ни перед не остановится, чтобы добиться своего. Он и под Жгутина подкапывается.

Андрей собрался было что-то ответить, но Валька перебил его:

— Вот посмотришь! Я ему докажу, что таким сейчас нет у нас жизни! Это не сведение счетов, а дело принципа!

— «Я докажу», — насмешливо произнес Андрей. —

Совесть человечества какая нашлась. А то без тебя никто это сделать не догадается. Валька упрямо мотнул головой.

— Я — это значит мы... Понял? И ты и другие. Почему кто-то за нас должен делать...

Горячий спор не помешал, однако, друзьям съесть все, что было в доме. Они разыскали даже завалившуюся к самой стенке кухонного шкафа банку консервов и все-таки остались голодными.

— М-да, — сокрушенно заметил Валька. — А что дальше? У тебя деньги есть? Лично у меня накануне полочки их не бывает.

— Есть, — ответил Андрей. — Целых три рубля.

— Ну конечно! В больнице харчился на казенный счет. Дело выгодное.

— Ладно трепаться. В магазин сходишь?

— Так и быть. Не тебя же, инвалида, посылать. — Инвалида?

Андрей неожиданно нагнулся, схватил Вальку за пояс и, рывком подняв в воздух, забросил на плечи.

— Сейчас этот инвалид выкинет тебя из окна, — чуть задыхаясь, пообещал он. В передней позвонили.

— Пусти, — смиренно попросил Валька.

— Лежи, лежи. И так открою. Андрей двинулся в переднюю. Валька судорожно задергался у него на плечах.

— Ты что, рехнулся? Пусти!

Но Андрей, усмехаясь, ответил:

— Лежи смирно, а то уроню. Я тебе дам «инвалид».

Так с Валькой на плечах он и открыл дверь. На пороге стояла Светлана...

— Боже мой! — всплеснула она руками. — Андрей, что ты делаешь? Тебе же нельзя!

Андрей скинул Вальку на пол, и тот, смущенно одергивая свой форменный пиджак, сказал:

— Ошалел, медведь. Это он так за то, что я его инвалидом назвал. Он же действительно

ушибленный стал, — и Валька постучал пальцем по лбу.

Все трое рассмеялись. Потом друзья объяснили Светлане ситуацию: все съедено, а они голодные. Теперь прибавилась еще голодная Светлана — правильно? А поэтому...

— Поэтому в магазин пойду я, — решительно объявила девушка. — Воображаю, что вы купите, Валя.

Когда она ушла, Валька шутливо сказал:

— Ну, тебе, кажется, недолго осталось ходить в холостяках.

— Брось! Мы друзья, понял?

— Понял, понял. Тут и слепой все поймет.

— А! — досадливо махнул рукой Андрей. — Ну что прикажешь? Сказать, чтобы не ходила? Валька испуганно воскликнул:

— Ты что! Обидишь, знаешь как? М-да... А ведь она чудная девчонка.

— Именно.

Больше они об этом не говорили. А потом вернулась Светлана, и друзья, как выразился Андрей, пошли ужинать «по второму кругу».

— Эх, чем-нибудь бы отметить выздоровление, — мечтательно заметил Валька. — Случай, что ни говорите, феноменальный.

Светлана, сразу догадавшись, отрезала:

— И не думайте даже. Андрею нельзя, — и добавила, обращаясь к Андрею: — Мои привет тебе шлют. А папа... опять заболел, — печально закончила она.

— Опять! — досадливо стукнул кулаком по столу Валька. — Сколько же можно болеть! Врачи называется!

Он бросил красноречивый взгляд на Андрея, и тот догадался, о чем думал Валька. Ведь пока Жгутин болеет, Филин не сидит сложа руки.

Было поздно, когда Светлана и Дубинин собрались уходить. Они были уже в дверях, когда Андрей вдруг хлопнул себя по лбу.

— Эх, забыл совсем. Ребята, опустите письмо. Сосед в больнице дал. Сейчас принесу.

Он вернулся в комнату и вынул из внутреннего кармана пиджака мятый конверт. При этом Андрей машинально посмотрел на адрес и вдруг остановился. Что такое? Письмо было адресовано Огородниковой, на конверте стоял ее адрес.

Все, что имело отношение к Наде, теперь вызывало у него подозрение. «Надо показать Ржавину», — решил он.

— Граждане, вы свободны, — выходя в переднюю, сказал Андрей. — Письма не будет.

«Дело», получившее шифр «Голубая „Волга“, явно разрасталось, и Ржавину придали в помощь совсем еще молодого оперативного работника Толю Скворцова.

Ржавин немедленно отправил Толю в гостиницы и дома для приезжих выяснить, какие люди останавливались там в эти дни и нет ли среди них человека по фамилии Засохо.

Сам же Геннадий решил заехать к начальнику таможни. Его заинтересовал Семен Буланый: тот вместе с Андреем был в гостинице «Буг», видел там в ресторане Огородникову в обществе двух мужчин. Андрей болен, а дело не ждет, и Буланый может пригодиться. Интересно, что он за человек и можно ли рассчитывать на его помощь.

Конечно, о Буланом проще всего было спросить Вальку Дубинина, но Ржавин не доверял его оценкам. У Вальки, по его мнению, все шло от чувства, а не от ума. Валька был, конечно, абсолютно честен в своих оценках, но горяч и потрясающе субъективен.

Итак, отправив Толю Скворцова, Ржавин поехал на вокзал, в таможню.

— Товарища Жгутина? — переспросила пожилая машинистка, с любопытством разглядывая незнакомого посетителя. — Товарищ Жгутин болен. Принимает его заместитель.

Так Геннадий попал к Филину.

— Чем могу быть полезен уголовному розыску? — спросил его тот. — Заранее готов на все. Когда Филин хотел, он мог быть необычайно приветлив, и в таких случаях люди

уходили, очарованные его радушным приемом.

— Ищем, кто посмел поднять руку на вашего сотрудника, — в тон ему ответил Ржавин.

Филин с готовностью закивал головой, при этом ни один волосок не сдвинулся в его идеально аккуратной серо-стальной прическе.

— Да, да. Случай возмутительный. Но и мы, прямо скажем, дали с этой «Волгой» большую промашку.

— А именно?

— Нам следовало куда внимательней ее осмотреть, прежде чем передавать в облисполком. Начальник смены получил уже взыскание. Ну, а от товарища Жгутина много требовать нельзя, — Филин с прискорбием развел руками. — Человек он больной, да и возраст, знаете ли... А потом очень уж добренький...

Филин решил, что представителю милиции строгость должна импонировать.

— Раньше, например, — доверительно прибавил он, — за такой случай, как с этой «Волгой», знаете, сколько полетело бы голов?

«Смотри, пожалуйста, — подумал Ржавин. — Крутой, однако, мужик». И осторожно ответил:

— Ну, она и одной головы, кажется, не стоит. Филин понимающе усмехнулся.

— В прямом смысле слова? А в переносном полетела бы голова и у начальника таможни. Впрочем, и сейчас я боюсь за последствия. Ну, да мы отвлеклись. Вы уж извините — наболело, — с подкупающей искренностью добавил он, вздохнув. — Так чем же могу быть полезен?

Филин был снова любезен и приветлив, от жестковатой безапелляционности не осталось и следа.

«Смотри, пожалуйста, — снова удивился Ржавин. — Экие перемены с ним происходят. Это уже опасно. Видали мы таких». У Ржавина было представление, что он все видел. Тем не менее он постарался ответить как можно приветливее:

— Хотелось бы получить от вас характеристику вашего сотрудника товарища Буланого.

— На предмет чего?

— Может быть-, придется попросить его помочь нам.

— Вот как? В чем именно?

— Пока еще трудно сказать, но работа предвидится, — сдержанно ответил Ржавин.

— Очень хорошо, — одобрительно кивнул головой Филин. — Зато мне ясно, что вы не болтун. Это, знаете ли, тоже сейчас не каждый день встретишь.

«Ишь ты, сукин сын. Проверить меня захотел, — обозлился Ржавин. — Ну и тип. Просто интересно».

— Что касается товарища Буланого, — как ни в чем не бывало продолжал Филин, — то, мне кажется, можете на него положиться.

— Ручаетесь?

— Почти.

— Все-таки только «почти»?

— Ну, знаете... Новый человек, как-никак.

Ржавину нестерпимо захотелось хоть чуть-чуть подразнить этого Филина, но он не позволил себе такого удовольствия и стал прощаться.

Придя к себе, Ржавин сразу же позвонил в таможню и сговорился с Буланым, что тот зайдет в горотдел милиции часа через два, когда будет самый большой разрыв между поездами. В голосе Буланого он уловил явный испуг, но значения не придал. Что ж, люди по-разному реагируют на такой вызов.

Появился Скворцов.

— Ну, Толик, как наши дела? — весело осведомился Ржавин.

— Никак. Ни одного интересного человека не обнаружил. И фамилия Засохо тоже нигде не значится.

— Так-таки нигде?

— Представьте себе. Может, он уехал в Москву?

— А давай рассуждать... Пстой! Как наш больной?

— Мохальский?

— Да, Знаменитый Юзек.

— Лежит. Вчера ему Огородникова передачу принесла. Сегодня даже заходила в палату.

— Ого! А к передачам пусть привыкает. Оба рассмеялись.

— Врачи говорят, он дней пять еще пролежит, — добавил Скворцов. — Перелома не оказалось. Растяжение связок только.

— Так, так. Ну, а теперь давай рассуждать. Зачем приехал Засохо? Показания Петровича с таможи и Никифора, который машину со Шмелевым толкал, говорят о том, что приехал Засохо выручать свое добро из «Волги». Согласен?

— Ну, согласен.

— Но были у Засохо, конечно, и другие дела, так сказать, текущие, по которым он обычно к нам приезжает. Какие? Скорей всего контрабанда. Какая? Тут цепочка: он — Огородникова — Юзек.

— Вот Юзек и пишет в письме: «Вы не тревожьтесь». А сам с Огородниковой на «ты».

— Откуда знаешь?

— Люди в палате слышали.

— Ну вот. А Юзек только что из-за границы. Небось что-то приволок. Если Засохо из-за него сюда прикатил, разве он уедет, когда Юзек вдруг пропал? Нипочем!

— Так ведь Юзек нашелся.

— Но когда? Два дня назад. И только сегодня Наденька у него была. В котором часу? Скворцов взглянул на часы.

— Часов в двенадцать. А сейчас четыре. Выходит, Засохо...

— Вот именно. Может теперь рвануть в Москву. Если... уже не рванул. Сейчас посмотрим. — Ржавин достал из ящика стола расписание поездов. — Так... за это время... вот... один поезд все-таки ушел. Надо немедленно закрыть вокзал. Ты поезжай туда. Свяжись с таможей. Его там кое-кто в лицо знает.

— Ничего себе «Дело о нападении на гражданина Шмелева», — засмеялся Скворцов.

— Это «дело», милый, давно стало уже только эпизодом. Ну, двигай.

Оставшись один, Ржавин в который уже раз принялся заново обдумывать все известные факты об этом проклятом Засохо. Куда, в какую нору может он забиться? Если, конечно, уже не удрал из Бреста, От Огородниковой ушел, в гостиницах не появлялся. Может быть, скрывается у кого-нибудь из своих дружков? Но, с другой стороны, Огородникова однажды встречалась с ним в ресторане «Буг». Почему не дома? Наверно, хотела шикануть и перед Засохо и перед дядей. Но почему именно в «Буге»? Там гостиница... так, так... Интересно, догадывается Засохо о том, что за ним охотятся? Пожалуй, нет. Хотя в гостинице «Буг» был Толик...

Осторожный стук в дверь не дал Ржавину додумать мысль до конца. Он досадливо поморщился; Что-то интересное вот-вот готово было всплыть в мозгу. И вот помешали.

В кабинет вошел Семен Буланный, озабоченный, чуть растерянный, услужливо-любезный.

Всю дорогу Семен терялся в догадках: «На кой черт меня вызвали?» За Муську и за контрабанду в милицию не вызывают. Больше он за собой никаких грехов не знал. Пояснения Филина, к которому он немедленно побежал, успокоили его ровно на пять минут. А потом Семена вновь стали грызть сомнения.

— Присаживайтесь, — радушно сказал Ржавин, указывая на стул. — Извините, что от дел оторвали,

— Пожалуйста, пожалуйста...

Любезный прием напугал Семена еще больше.

Ржавин секунду помедлил и решил, что прямо, пожалуй, говорить пока не стоит. Лучше начать по-другому.

— Мне необходимо задать вам ряд вопросов. Заранее предупреждаю: у нас к вам нет никаких претензий. Просто рассчитываем на вашу помощь. К сожалению, всего я вам сказать не могу. Сами понимаете...

— Конечно, конечно. Я понимаю. Буланый произнес это с таким облегчением, и лицо его при этом так просветлело, что Ржавин невольно подумал: «Так переживать визит сюда — это уж слишком».

— Расскажите все о вашем первом дне пребывания в Бресте, — попросил он.

Буланый насторожился. Что ему надо? Может быть, он интересуется Андреем? Или Надей? Или... с кем они еще встречались в тот день? С Жгутиным, Филиным. Нет, это не то. Что же? Неужели Надя? Слава богу, ничего плохого он не может о ней рассказать. То, что он случайно подсмотрел тогда? Но это он мог и не подсмотреть в конце концов. Да и вообще это не криминал. Что же еще?

Пауза явно затягивалась. Семен сделал вид, что собирается с мыслями.

— Это было так давно. — извиняющимся тоном пояснил он.

— Пожалуйста. Я вас не тороплю.

Наконец Буланый начал рассказывать. Временами он говорил неуверенно, как бы проверяя прочность мостика, прежде чем ступить на него. Ржавин своим обостренным вниманием уловил, что спотыкается Буланый на фактах, относящихся к Огородниковой, о всех других событиях дня он рассказывал свободно и быстро, о ночной встрече Андрея с Огородниковой он ничего не сказал. «Наверно, не знает», — решил Ржавин.

— На следующий день вы эту женщину не встречали? — спросил он про Огородникову.

— Встречал. В ресторане. Она была с какими-то своими знакомыми,

— Вы их не знаете?

Буланый опять насторожился. Знакомство с Засохо, у которого конфисковали контрабанду, Надю не украсит. Даже наоборот. Кстати, как это он забыл спросить ее об этом знакомстве? Это надо будет непременно сделать, А сейчас... Почему он должен знать этого Засохо? Ну, а того, второго, он действительно не знает.

— Нет, не знаю их, — после небольшого замешательства поспешно ответил Буланый.

«Эге, брат. Почему же ты врешь? — с тревогой подумал Ржавин. — Забыл ты этого прохвоста Засохо, что ли?»

Он задал несколько вопросов о других событиях того дня и, когда Буланый успокоился, спросил:

— Скажите, вы помните задержанного однажды с контрабандой некоего Засохо?

«Как же теперь отвечать?» — в смятении подумал Буланый.

— Плохо... помню.

— А узнать могли бы?

— Ну что вы!.. Впрочем... не знаю. Вряд ли...

«Что это с ним? — все больше недоумевая, думал Ржавин. — Явно чего-то крутит».

Чем дальше продолжался разговор, тем больше не нравился Ржавину этот парень. Нет, на такого надежда плохая, такой может здорово подвести. Интересно, почему он так нервно себя ведет?

А Буланого в это время неотступно преследовала мысль: этот человек интересуется Надей. Но почему? Что она сделала? Да, да, у нее подозрительные знакомства. А что еще? Одно ясно пока: если Надя на примете в милиции, то ничем хорошим это кончиться не может. «И для меня, кстати, тоже», — невольно подумал он.

В конце концов уже по пути домой Буланый решил, что сначала все узнает у Нади, все до конца, а потом уже решит, как им дальше поступить. «Я ее люблю, и я обязан предупредить ее, это мой долг», — решил он.

...Как только Буланый ушел, Ржавин направился на доклад к капитану Митрохину. Тот

внимательно выслушал его и, когда Геннадий кончил, наморщась, сказал:

— Сдается мне, что из-за деревьев леса ты не видишь. Учти, дело тебе дали перспективное. Ой-ой, какое. Давно мы на такую опасную группу не выходили. Отсюда и задача: Брест наш от всей этой погани как можно быстрее очистить. Каждую минуту помнить надо — это не просто город, милый ты мой, Это гордость народа, это город-герой. И это граница. Потому спрос тут с нас двойной. Понял? А пока что мне нужен Засохо. Достань его хоть из-под земли, Он еще здесь, в Бресте.

Однако в тот день Засохо так и не появился на вокзале. Не появился он там и на второй день и на третий. Ржавин терялся в догадках: в какую же щель забился этот человек? Но с каждым днем ему становилось все очевиднее: капитан Митрохин ошибся, Засохо, по-видимому, ускользнул из Бреста.

Среди дня с польской стороны позвонил начальник сопредельной Тереспольской таможни Бжезовский. К телефону подошел Филин.

После первых приветствий и расспросов о здоровье Бжезовский сказал:

— Надо повидаться, пан Филин. Накопились sprawy — э-э, то есть дела.

— Какие же? — осторожно осведомился Филин.

— С нашей. стороны — три. Случайная засылка — много раз. Простои — тут надо обменяться опытом. Ну и оперативная информация.

Бжезовский говорил четко, уверенно и дружески. Вообще это был милый и дельный человек, с которым сотрудники Брестской таможни уже не первый год поддерживали самые лучшие отношения.

Но Филин старался не встречаться сам с Бжезовским. Мало ли что. Потом кто-нибудь припомнит ему это да еще как-нибудь повернет это против него же, Филина. И не расхлебашь тогда.

— ...Будем рады видеть у себя пана Жгутину, — закончил Бжезовский.

По существующему соглашению о сотрудничестве начальники сопредельных таможен систематически обменивались визитами.

Филин сокрушенным тоном ответил:

— Федор Александрович болен, — и торопливо добавил: — Но он уже скоро поправится.

Однако Бжезовский не понял намека и тем же оживленным тоном сказал:

— Ну тогда, пан Филин, приеду я сам. Поговорим с вами. Если вы не возражаете.

— Что вы, что вы! Мы вас ждем, товарищ Бжезовский. Я как раз хотел это самое вам предложить.

Затем они условились о времени.

Вернувшись к себе, Филин вызвал Шалымова и предупредил его, что Бжезовского они будут встречать вместе. Потом он позвонил домой к Жгутину и с тайной надеждой осведомился, не выйдет ли тот завтра на работу. Но Жгутин чувствовал себя еще плохо.

— Эх, жаль, люблю Бжезовского, и давненько не виделись, — вздохнул Федор Александрович и с лукавинкой в голосе добавил: — Ну, да поговорите с ним сами, И не бойтесь, не съест вас пан Станислав.

Филин самолюбиво ответил:

— Пожалуйста, могу поговорить.

Бжезовский приехал на следующее утро. Стройный, седой, голубоглазый, он уже из окна вагона энергично махал встречающим форменной фуражкой.

Встречали польского друга все свободные в этот момент таможенники. Бжезовский радостно пожимал всем руки, кого-то хлопал по плечу, кого-то обнимал и весело говорил, мешая русские и польские слова:

— Как рад! Ах, как рад! Хорошо смотришься, пан Валентин, совсем румяный!.. Привет от моих соколов! О-о, давний пшияцель, ты не изменился!..

Серьезный разговор начался в кабинете Жгутина. Бжезовский надел очки и вытащил из

портфеля бумаги. Филин придвинул к себе папку с документами.

Сначала обсудили факты случайной засылки вагонов, которые не должны были идти через границу, но сцепщики по ошибке включили их в уходящий туда состав. Формировка составов дело вообще хлопотное, требующее большой четкости и внимания, тем более на такой крупной пограничной станции, как Брест. В последнее время с польской стороны «случайных засылов» стало значительно меньше. Бжезовский охотно рассказал, как они для этого построили работу. Потом долго разбирались в номерах вагонов и в их грузах.

По второму вопросу — о быстрейшем продвижении грузов и пассажирских поездов через границу и о том, когда какой наряд для этого следует выставлять, — рассказал Шалымов. Он поначалу думал, что рассказывать будет Филин, и даже придвинул к нему стопку документов, но тот снисходительным тоном сказал:

— Ну, ну, рассказывайте вы. Я, если надо будет, дополню.

И Шалымов начал рассказывать, все время ощущая настороженность Филина к каждому своему слову. И от этого каждое слово начало казаться ему неточным, даже двусмысленным.

Но Бжезовский слушал так заинтересованно, столько дружеского одобрения светилось в его голубых глазах, что Анатолий Иванович, мысленно послав, наконец, Филина ко всем чертям и от этого сразу приободрившись, заговорил свободно и даже, как ему показалось, красочно.

— Это бардзо интересно, пан Шалымов, — говорил Бжезовский, делая пометки в блокноте. — Это полезно знать!

Потом перешли к оперативной информации. Было несколько случаев, когда одна из сторон находила контрабанду, которую другая сторона обнаружить не сумела.

— Мы арестовали группу спекулянтов, — между прочим, сообщил Бжезовский. — Советские панчохи — э-э, дамские чулки, вот так. Пропускали очень большие партии. Весьма вредно! Подрывают государственную торговлю. Чулки у нас в высокой цене. Спекулянты дерут за них — как вы говорите, три шкуры, да? — он засмеялся, потом многозначительно поднял палец. — Колоссальный доход!

— Установили связи? — досадливо спросил Филин.

Бжезовский кивнул.

— От вас. К вам — другое. С запада. Связи идут туда. Опасная группа. Но дают пока мало показаний. Ясно одно: пользуются экспрессом Москва-Берлин.

— А точнее?

— Точнее пока нет. — Бжезовский задумчиво расправил большим пальцем усы. — Только... разве вагон-ресторан.

— А-а, Юзек...

Филин недовольно посмотрел на Шалимова, словно тот нес за это какую-то долю ответственности. Анатолий Иванович пожал плечами и хмуро заметил:

— Мы не поймали его с поличным. А вот повара оттуда выгнали.

— Будем разом работать, — заверил Бжезовский. — Не найдете вы, найдем мы.

Прошло уже немало времени, уже сумерки сгустились за окном, когда Филин, наконец, опомнился:

— Батюшки! Пора же обедать, товарищ Бжезовский. Совсем заработались.

— О, о! Я знаю ваши обеды! — засмеялся Бжезовский. — По русскому обычаю. Потом уже работать я не смогу.

Все трое поднялись из-за стола, с наслаждением потягиваясь и перебрасываясь шутками. Филин заметно оживился.

Деловая часть встречи окончилась.

Провожали Бжезовского поздно вечером.

Когда поезд ушел, Филин сухо предупредил Шалимова:

— Завтра из Юзeka надо вытрясти душу. Если контрабанду найдем не мы, а наши друзья поляки, — пеняйте на себя.

— Всякое бывает, — угрюмо возразил Шалымов.

На следующий день Андрей впервые вышел на работу, слабовато себя чувствовал, но вышел, терпенья больше не хватило.

А утром к нему заехал Ржавин.

Он теперь бывал у Андрея чуть не каждый день, обычно под вечер. И как только появлялась в дверях его долговязая фигура в кожаном пальто и лихо заломленной ушанке, у Андрея веселело на душе. Нет, правда, хороший парень, этот Ржавин, и верный, во всем положиться на него можно. Приходил к Андрею и Дубинин, и тогда начинались споры. Вальку, как всегда, «заносило». От мировых проблем переходили к бытовым трудностям одинокого существования, и тогда два «закаленных» холостяка не упускали случая поиронизировать над «новичком». Приходила и Светлана. Смеясь, рассказывала, что в институте она сдает экзамен на медсестру. «Андрей — моя практика. Очень удобно». Эту высокую худенькую девушку с громадными глазами и темной челкой на лбу за эти дни полюбили все трое, полюбили, как сестру, как веселого и доброго товарища. Так полюбил и Андрей, только так. И когда ловил вдруг на себе какой-то глубокий и недоуменный ее взгляд, старался отводить глаза...

В этот день Ржавин заехал утром.

— Ну, старик, собирайся. Я тебя решил перед работой на машине покатать.

— Это еще зачем? — удивился Андрей,

— Увидишь.

— А все-таки?

— Да одевайся ты наконец! — весело заорал Ржавин. — Что это за интеллигентская привычка! Все ему объясни!

Ржавин приехал в тот самый двор, где Андрей толкал машину.

— А ну, покажи, где ты стоял, когда получил по черепушке, — попросил Ржавин, Андрей показал.

— Ну встань, как ты стоял.

Ржавин отошел в сторону, внимательно посмотрел на стоявшего у стенки гаража Андрея, потом обвел взглядом стену соседнего дома с бесчисленными его окнами. Окно комнаты, в которой жил шофер Пашка, было прямо напротив места, где стоял Андрей. «Ночь светлая, луна, — прикинул про себя Ржавин. — Белая от штукатурки и снега стена и темная фигура человека. Хорошо она видна была Пашке. А вот улик пока против него нет...»

— Все, — подходя, сказал Ржавин. — Сеанс окончен»

И повез Андрея на вокзал. По дороге, подмигнув, сказал:

— Сегодня я к тебе в помощники поступлю. Не возражаешь?

— Это еще зачем?

— Опять вопросы? Служба!

...День в таможене шел, как обычно. Досмотровый зал то до краев наполнялся шумом, гамом, возгласами, шарканьем сотен ног, детскими криками, то опустошался до звона в ушах от необъятной его тишины. Группы таможенников, как обычно, выезжали на Буг встречать поезда от границы. В «дежурке» шли разговоры о зарплате, о чьей-то болезни, о расписании дежурств, о политзанятиях и последней, особенно чем-то хитрой контрабанде.

Андрея затянул привычный круговорот дел.

Незадолго до прибытия берлинского экспресса из Москвы Шалымов ворчливо сказал ему:

— Пойдете досматривать вагон-ресторан. И будьте повнимательней.

— Там интересный вагон из Парижа. Вот бы...

— Как-нибудь я соображу такие вещи сам, — строго оборвал его Шалымов и, чуть помедлив, добавил: — Потом к вам еще один человек подойдет,

— Кто такой?

— Увидите.

Андрей равнодушно пожал плечами.

...В первый же момент, как только Андрей появился в вагоне-ресторане, он узнал Юзека и весь внутренне насторожился. Этот человек писал Огородниковой и, значит, связан чем-то с ней, какими-то не очень, вероятно, праведными делами. Уж не об этом ли предупреждал его утром Ржавин?

Юзек тоже узнал Андрея и со спокойным удивлением кивнул ему головой.

— Здравствуйте. Вот уж не ожидал...

— И я тоже. Здравствуйте...

Больше они не сказали друг другу ни слова. Но Андрей твердо решил про себя, что перевернет здесь все вверх дном, прежде чем выпустит вагон за границу.

Начал Андрей с кухни. Юзек и на этот раз любезно предложил свою помощь, но Андрей отказался. Тогда Юзек, заметно прихрамывая, спокойно ушел в салон вагона и, усевшись за столик, принялся изучать какие-то накладные. «Ишь ты, — немедленно отметил про себя Андрей. — Ничего его в кухне, видимо, не беспокоит». Все же он придирчиво осмотрел кастрюли на плите, ящики, полки, холодильники... Ничего нет! Как он и чувствовал!

Андрей перешел в салон вагона-ресторана. Здесь досмотр начинался с буфета. Тотчас к нему подбежала Муся и, обворожительно улыбаясь, предложила:

— Давайте помогу. А то еще перебьете чего.

— Ну что ж, — согласился Андрей, — выгружайте-ка всю посуду.

— Неужели всю?! — всплеснула руками Муся, — Ведь и так будет видно.

— Ну, милая, или помогать, или не мешать.

В этот момент дальняя дверь салона отворилась, и вошел Ржавин. Андрей, заметив его, усмехнулся: «Вот он, Шерлок Холмс. Кажется, мои подозрения оправдываются».

Тем временем Муся уже вынула почти всю посуду с полок.

— Вот так уж, я думаю, хватит с вас? — недовольно спросила она. Андрей улыбнулся.

— Молода еще, чтобы ворчать да лениться,

— Так я оставляю.

Андрей мельком взглянул на Ржавина и заметил его напряженный взгляд. Он перевел глаза на Юзека и увидел, что тот перестал писать, рука с пером замерла над бумагой, но голову он не поднимал, делая вид, что занят своей работой. Только делал вид! За это Андрей готов был сейчас поручиться чем угодно.

Ему вдруг вспомнилась детская игра, когда один ищет спрятанную вещь, а другие говорят ему «жарко» или «холодно», и чем ближе к спрятанной вещи, тем «жарче». Андрею вдруг показалось, что он сейчас играет в эту игру и все окружающие, каждый по-своему, в этот момент говорят ему: «жарко».

Андрея охватило волнение. Контрабанда есть, она где-то рядом. Но где? Почему эта вертлявая девчонка так упорно не хочет вытаскивать из буфета всю посуду? И он решительно сказал Мусе:

— Ничего не оставлять.

— Да что же это такое?! — визгливо воскликнула та. — Издевательство прямо. Сами в таком случае вынимайте! Не нанималась!

— Муся! — прикрикнул на нее со своего места Юзек. — Если товарищу надо, вынь.

— Я нанималась посетителей обслуживать, а не этих...

Когда вся посуда была вынута, Андрей внимательно осмотрел пустые полки. Доски как доски, а стенки даже фанерные. Что тут спрячешь?

Его внимание привлекла самая нижняя из полок. Дно ее лежало на самом полу, вернее — должно было лежать, ведь ножек у шкафа не было. А на самом деле это дно находилось на порядочном расстоянии от пола. Что же под ним, под этим дном?

Андрей внимательно осмотрел доску. Она плотно, без единой щели прилегала к стенкам шкафа. И все-таки... Передний край ее ничем не закреплен, и если дверцы шкафа распахнуть до отказа... Да, да, ее, кажется, тогда можно выдвинуть.

Распахнуть дверцы мешали стопки посуды на полу. Андрей принялся отодвигать их в сторону.

— Я же говорю, он сейчас все перебьет! — звенящим от злости голосом воскликнула Муся. — А я потом из своей зарплаты отвечай! Не трогайте, вам говорят! Да что это, в самом деле!..

— Муся! — снова оборвал ее со своего места Юзек.

Андрей же не отвечал. Он был весь поглощен своей догадкой.

Наконец дверцы шкафа распахнуты. Андрей взялся руками за дно полки и потянул на себя... Еще... Еще сильнее... Дно даже не шелохнулось!

Озадаченный Андрей снова принялся изучать проклятую доску. Почему она не отодвигается? Ведь путь для нее свободен. Гвоздями она не прибита. Клея не видно. Он нагнулся еще ниже. И сразу же увидел тонкие металлические пластинки, вставленные по краям доски в узкие щелки между нею и стенками шкафа. А что, если вытащить эти пластинки? Эх, щипчики бы какие-нибудь!

— Мне нужны щипцы, — требовательно сказал он, выпрямляясь. — Фу! Даже спина заныла.

— У нас, к вашему сведению, не мастерская, а ресторан, — дерзко ответила Муся. — У нас щипцы только для сахара.

— Вот-вот, — Андрей обрадовался. — Такие и дайте.

Муся, ворча, открыла один из ящиков и почти бросила Андрею щипцы.

Совсем не просто оказалось ухватиться такими щипцами за узенькую, утопленную в щель пластинку. Но когда Андрей, все же изловчившись, вытащил их, хорошо отполированная и подогнанная доска легко выкатилась из пазов.

Все пространство под ней было плотно забито небольшими целлофановыми пакетиками.

— Чулки! — воскликнул Андрей.

— Что вы говорите?! — первым отозвался Юзек. — Откуда они там взялись?

Андрей насмешливо ответил:

— Об этом, дорогой товарищ, надо вас спросить.

— Понятия не имею.

— Тогда вот у этой девушки.

— Я вам что, справочное бюро? — зло ответила Муся. — Кто-то положил, а я отвечай?

— Ладно, разберемся потом.

Андрей чувствовал, как в нем просыпается ответная злость: так нагло, так бессовестно лгали ему в глаза эти люди.

— Продолжим досмотр.

Он огляделся. Черт возьми, да под любой планкой в стене, в утробе любого из кресел, за широкими плафонами ламп — словом, всюду можно спрятать что угодно. Разве все это можно осмотреть? А, собственно говоря, нужно ли? Тут требуется проявить «оперативное чутье», как любит говорить Ржавин.

— М-да, — заметил Ржавин и, кивнув на чулки, с надеждой сказал Андрею: — Вероятно, это не все.

Андрей и сам так думал. Его уже охватил азарт поиска, и чувства все обострились до предела. Он был уверен, что сейчас не пропустит ни одной, пусть самой мимолетной детали в поведении этого прохвоста Юзека и его девчонки-буфетчицы — детали, которая указала бы ему на направление нового поиска. Ведь вот же угадал он, что Юзек не боится за кухню.

Как же ведут себя эти двое сейчас? Девчонка, та не находит себе места, крутится и злится. Еще бы! Ведь за чулки в буфете отвечать ей! "Юзек сидит в кресле, как прикованный, с невозмутимым лицом. Ну да, у него же еще болит нога. Он только подошел посмотреть на выдвинутое дно шкафа, потом снова вернулся на свое место. Прошел, хромя, мимо всех кресел и уселся на то, дальше. И опять вытащил свои накладные. Так, так...

Андрей ощущал такое ликование в душе, так четко работала мысль, связывая воедино какие-то будто сами собой всплывающие детали, что он даже улыбнулся. «Что делает первый успех с человеком!»

Подчиняясь какому-то внезапно возникшему убеждению, он подошел к Юзеку.

— Будьте добры, переседайте.

— Я вам мешаю? Мне трудно.

— Хотелось бы осмотреть кресло.

В этот момент Андрей уловил все сразу: и тревожную искорку в сумрачных глазах Юзека, и откровенный интерес в глазах Ржавина, и даже мимолетную гримаску испуга на кукольном Мусином личике.

Андрей вынул из кармана отвертку и с подчеркнутой неторопливостью стал вывертывать винтики из боковых стенок кресла. Извлеченная из кресла гора целлофановых пакетиков даже как-то не очень удивила Андрея.

— Что и требовалось доказать, — насмешливо сказал он, глянув на стоявшего у окна спиной к нему Юзека.

Тот остервенело задернул шторы на окне и, повернувшись, сказал:

— Вы еще ничего не доказали. Я, например, все эти чулки в первый раз вижу. Вот так.

И Андрей еще раз подивился его наглой выдержке.

Но тут неожиданно раздался строгий и какой-то напряженный голос Ржавина:

— Сейчас же раздвиньте шторы на окне! Быстро!

Юзек поднял на него глаза.

— А в чем дело?

— Это я вам объясню потом. Раздвиньте шторы! Ну!

Ржавин говорил зло и с таким напором, что Андрей даже удивился. Потом неизвестно почему его вдруг охватила тревога, и он с угрозой сказал Юзеку:

— Прошу подчиниться.

Юзек, пожав плечами, неохотно раздвинул шторы.

— Если вам так больше нравится... При этом он бросил внимательный взгляд на перрон. Ржавин усмехнулся.

— Что? Никто вашего маячка не заметил?

— Я вас не понимаю, — хмуро бросил Юзек, отходя от окна.

— Зато мы вас отлично поняли.

А Юзек вдруг подумал о том, что такой вот обыск с «психологией», с непонятно откуда взявшимися догадками не мог бы произвести таможенник еще десять лет назад. «Образованные очень стали, — решил он наконец, — и где их только натаскивают».

Вот уже лет тридцать, как работает Юзек на транспорте, он начал службу в панской Польше, работал и потом, когда Западная Белоруссия вошла в состав СССР. Работал он даже при гитлеровцах. Много повидал он границ и таможен и нигде не брезговал контрабандой. Крепко прилипла к нему эта привычка, хотя советская граница в отличие от других оказалась самой «глухой» и таможенники здесь от года к году становились все опытнее.

И ведь общий режим на границе стал мягче: меньше придинок, подозрительности, мелочности. Но в то же время — вот поди ж ты! — работать стало труднее. Просто сказать — невозможно стало работать «по-крупному», и только!

Юзек вздохнул и усталой походкой, чуть прихрамывая, вернулся к своему столику, где остались лежать его бумаги. На таможенников он старался не глядеть.

Закончив все таможенные формальности, Андрей и Ржавин вышли на перрон и остановились невдалеке, наблюдая за окнами вагона-ресторана. Ни одна штора на них не дрогнула. Юзек, конечно, сообразил, что за ним наблюдают. Он понимал, что по возвращении из рейса его ждут крупные неприятности.

Когда экспресс отошел от платформы, Ржавин взял Андрея под руку.

— Ну, старик, ты бесподобен. Это, я тебе доложу, был спектакль.

— Вдохновение, — со скромной гордостью ответил Андрей и подмигнул Ржавину.

Они вошли в здание вокзала, пересекли огромный, полный народа зал ожидания и очутились в другом, поменьше, где размещались кассы. Небольшая очередь выстроилась к одной из них, со светящейся надписью «Предварительная продажа билетов».

Не успели друзья войти в этот зал, как Андрей вдруг резко увлек Ржавина назад и, только когда за ними закрылась высокая дверь, возбужденно произнес:

— Там, в очереди, стоит Засохо.

— Кто?! — не веря своим ушам, переспросил Ржавин.

— Засохо, я тебе говорю.

Действительно, в очереди к кассе стоял, величественно возвышаясь над другими пассажирами, в черном с бобровой шалью пальто и в бобровой шапке-«боярке» Артур Филиппович Засохо собственной персоной. Ржавин узнал его сразу, хотя никогда до этого не видел. Он торопливо сказал Андрею:

— Когда он уйдет, подойди к кассиру, узнай, какой билет он взял. Встречаемся вечером у тебя.

В это время Засохо наклонился к окошечку кассы и через минуту, положив в бумажник билет и сдачу, направился к выходу из вокзала.

За ним последовал Ржавин.

Его ждало удивительное открытие: оказывается, Засохо спокойно жил все эти дни в гостинице «Буг», правда под другой фамилией. Администратору он сдал паспорт на имя Пономарева. Так просто! И Ржавин вспомнил: ведь гостиница «Буг» вертелась у него в голове, он уже «примерялся» к ней, но что-то помешало ему додумать эту мысль до конца.

Не дожидаясь вечера, он зашел к Андрею.

Оказалось, что Засохо взял билет до Москвы на завтра, на вечер. На все другие поезда билетов в первый класс уже не было.

— Когда он мне попадется — расцелую! — радостно объявил Ржавин. — Такие барские замашки! Старик, ведь он подарил нам целый день! Ты понимаешь, что это значит?

— Не совсем. А главное, я его не понимаю, Я бы, например, удрал отсюда как можно быстрее.

— Так он же спокоен. Он же не увидел сигнала тревоги — задернутых занавесок! — Вот в чем дело...

— Именно. Ах, Засохо, Засохо! А я-то думал, кому это Юзек маячок дает.

От Андрея, несмотря на поздний час, Ржавин отправился к себе в горотдел. Митрохин еще не ушел.

Сидели долго, придумывали, спорили, гадали...

Наконец Митрохин, отдуваясь, сказал:

— Фу-у! Теперь я, кажется, чуть-чуть спокоен. Хотя операция получается деликатная. Черт знает, какая деликатная! И как только две наши башки ее сварили, удивляюсь.

— Теперь надо, чтобы там доварили, — и Ржавин указал пальцем на потолок.

— За этим дело не станет... И вот еще, пожалуй, какой ход стоит проделать...

Светлые глаза Митрохина снова сузились и заблестели. Он придумал действительно ловкий, необычайно ловкий ход. Сперва вспомнил пустяковую деталь, а уж из нее вытянул и этот ход.

— Сам говоришь: приглашал твоего друга тот дядя к себе в гости, если он в Москве окажется. Ведь приглашал?

— Приглашал.

— Ну, как же это не использовать. Почему бы твоему другу и не оказаться в Москве?

— Не все тут от нас зависит.

— А мы попробуем! Зато, если клюнет, ты понимаешь, что откроется?

И они снова заспорили.

Но вот Митрохин потянулся, откинувшись на спинку стула, потом встал, не спеша, молча прошелся по кабинету и, словно убедившись, что больше нечего спорить и нечего

придумывать, сказал:

— Действуй, Ржавин. Ты тут главный будешь. Подбирайся, подкрадывайся, тихо только, осторожно. Они враги наши, до конца враги. Это я тебе, как старый коммунист молодому, говорю. Я их побольше тебя повидал. И еще запомни. С каждым твоим шагом в этом деле враги будут появляться все опаснее. До сих пор плотва шла. Щуки впереди.

Андрей сидел на диване возле маленькой красной лампочки-грибка и думал. Тихо в квартире, пусто, темно. Четко, как маленькая кузница, тикает будильник. За окном проехала машина. И опять тихо, тоскливо и холодно, словно в склепе каком-то.

Вздыхнув, Андрей потянулся было к книге, но раздумал. Разве там написано, как ему жить дальше?.. Вот ушли дневные дела и хлопоты, они всегда будут уходить от него по ночам. А тогда? Человеку так нужны чье-то тепло, чья-то ласка, и еще ему надо иметь кого согреть самому, о ком заботиться, кого ласкать...

ТЬфу! До чего же он размяк! В пору побежать сейчас, ну, хотя бы к Светлане, она ведь звонила ему недавно. «Нет, нет, я никуда не ушел и не собирался, Я сказал тебе неправду. Я дома!» И голос ее из напряженного, все время ждущего и искусственно веселого станет вдруг звонким-звонким и счастливым, Да, да, он это знает. Но он не может...

Днем совсем другое дело. Днем он сегодня, например, нашел чулки у Юзека, знаменитого Юзека! До этого у Юзека нашел контрабанду Валька Дубинин, в баке с супом нашел. А теперь вот он, Андрей. Это уже, наверное, «высший пилотаж» в досмотре.

А еще они увидели сегодня Засохо. Этого человека Андрей ненавидел незатухающей ненавистью. Почему? Андрей сам этого не понимал до конца. Провозил контрабанду? Так ведь не он один провозил. Или эта барски-европейская внешность, под которой сидит наглый, свирепый дикарь? Нет, и это не все. Что-то еще в этом Засохо. А каким он был жалким на личном досмотре...

Личный досмотр... Да, это штука серьезная, «Крайняя мера в таможенном досмотре, чтобы докопаться до самых потайных мест», — как сказал однажды Жгутин. А потом — эти слова Андрей тоже запомнил, но почему-то отдельно, — потом Жгутин добавил: «Мне кажется, что всем нам жизнь тоже иногда устраивает вдруг личный досмотр, и тогда сразу выясняется-, кому какая цена».

Да, это верно. Но пусть лучше сейчас Андрею не устраивают личного досмотра. Копейка ему сейчас цена, копейка...

Вдруг зазвонил телефон.

Андрей невольно поглядел на часы. Ого, половина двенадцатого! Кто бы это мог быть?

Звонил Ржавин. Он прокричал Андрею в самое ухо слова, которые оглушили его:

— Старик! Возможен вариант: послезавтра махнешь в Москву! Щук ловить! Готовься!

ГЛАВА 6. ОПЕРАЦИЯ «ЩУКИ»

Весь день перед отъездом Засохо не выходил из номера гостиницы. Валялся на кровати, лениво читал и думал.

Мысли были разные. Одна, самая робкая, державшаяся где-то позади других, тем не менее все время досаждала ему: «Не пора ли упаковываться?» Слава богу, есть деньги, квартира, дача... Не пора ли?.. Ведь опасно. И этот последний указ. Черт возьми, расстрел! Ну нет! У него ведь еще маловато капитала. Впрочем, зачем пороть панику, до расстрела дело ведь не дойдет. Он стреляный воробей. И вообще к черту!..

И тут же приходили другие мысли, деловые, расчетливые, жадные. Как, например, нащупать каналы, по которым работает Евгений Иванович? О, это хитрая бестия. Делец первой руки. Связи у него блестящие! Но и он, Засохо, тоже не дурак. Почему он должен состоять при чужом «деле»? Конечно, у Евгения Ивановича есть чему поучиться. Хватка! Нюх! Наконец, методы! К примеру, Засохо с ним за все последнее время не смог ни разу

встретиться. Хитер! Так никакой ОБХСС не страшен! Все это, конечно, так. Но хватит! Засохо уже научился. Почему же он должен питаться обедками со стола этого хапуги? Было время — еще совсем недавно, — когда Засохо не хотел даже и думать о том, через какие «каналы» Евгений Иванович получает товар. Но то время прошло. Засохо как-то подсчитал, сколько с каждой операции получает он и сколько, даже приблизительно, загребает Евгений Иванович. Подсчитал и ахнул! Вот после этого он и решил — все, баста! Надо ставить свое «дело»...

Эта мысль с каждым днем теперь все сильнее овладевала им, не давая покоя. О чем бы теперь Засохо ни думал, он в конце концов приходил все к тому же: надо начинать свое «дело». Но избавиться от Евгения Ивановича не так-то просто.

И Засохо, багровея, сжимал кулаки. «Нервы, — через минуту ворчал он. — Нервы, будь они прокляты!»

Потом он начинал думать о Надьке Огородниковой. Дрянь такая! Надо и от нее избавляться! Но за ней — цепочка. Юзек, например. Ох, что-то беспокоит его этот Юзек. Правда, он благополучно увез последнюю партию. Засохо внимательно наблюдал за окнами вагона-ресторана. Когда поезд тронулся, ни одно из них не было закрыто занавеской. И все-таки Юзек его беспокоит. Нет уж, пусть эта цепочка остается Евгению Ивановичу. А он, Засохо, создаст свою. Конечно, это не так просто в Бресте. Проклятый город! Не пришли он сюда Надьку, так вообще не с кем было бы работать. А она нашла только старуху Клепикову. А ведь как искала! Подумать только, на весь город одна эта старуха! Пашка, шофер, что машину угнал, не в счет. Пустой парень, и ударил-то Андрея со страху. Да, тут пойдешь создай новую цепочку!

Артур Филиппович вскакивал, взволнованно ходил по комнате, потом наливал себе рюмку коньяка, прихваченного еще из Москвы, заедал ломтиком лимона.

Но тут сквозь плотный строй бодрых, жадных мыслей снова протиснулась было та, заячья: «А не пора ли упаковываться? Ведь указ...» Он поморщился, как от зубной боли, легкой, но неотвязной.

Вечером Засохо не спеша уложил в чемодан свои вещи. Спал он беспокойно. Снились всякая ерунда. Один раз даже проснулся с коротким вскриком. Проклятый сон он тут же забыл, а вот сердце разболелось. Под утро уснул спокойнее.

На вокзал он приехал к самому отходу поезда.

Купе мягкого вагона первого класса было рассчитано на двоих. Попутчиков Засохо любил. Беседы, рассказы, расширяешь кругозор, узнаешь новых людей, да и в вагон-ресторан есть с кем сходить.

Войдя в купе, Засохо зорко оглядел молодого человека, устроившегося у окна. Худощавый, черноволосый, еле заметный шрам на щеке. На молодом человеке был дорогой, отлично сшитый костюм, явно заграничный галстук и модные, до блеска начищенные ботинки. Осмотром Засохо остался доволен. «Солидно, весьма, — отметил он про себя. — Хотя и молод». И бодро сказал:

— Здравия желаю.

— Здравствуйте.

Уложив чемодан и скинув пальто, Засохо остановился перед окном, за которым медленно уплывал назад пасмурный, в черных лужах перрон с равнодушными носильщиками и провожающими.

— Так. Прощай, Брест, — деловито произнес Засохо, усаживаясь на диван. — А вы что же, до самой Москвы едете? — обратился он к своему попутчику.

— Именно.

— «Из странствий дальних возвратясь»? За рубежом побывали?

— Нет. Здесь, в Бресте, сел.

Засохо видел, что молодой человек не очень расположен к знакомству, словно бы даже робеет перед посторонним. Таких людей он не уважал. Правда, они были безопасны, но зато и интереса не представляли.

Однако целый день, проведенный накануне в пустом номере гостиницы, делал Засохо на этот раз особенно общительным.

— Раз уж нам суждено пробыть энное число часов вместе, разрешите познакомиться, — церемонно произнес он, привстав. — Засохо, Артур Филиппович, работник треста. В командировке здесь у вас был.

Молодой человек отложил газету и равнодушно пожал ему руку.

— Очень приятно, — и, в свою очередь, представился: — Соловей Павел. Железнодорожник.

Засохо с интересом посмотрел на своего попутчика. Для крупного работника он был слишком молод, но в то же время на рядового тоже не очень-то походил.

— В Москву едете по делам? — опять спросил Засохо.

— Нет. В отпуск. Хочу в театры походить. В Бресте жизнь не ахти какая веселая.

— А семья здесь осталась?

— Какая там семья, — небрежно махнул рукой Павел. — Дядюшка один. Пенсионер. Да и с ним редко вижусь. Все в рейсах. Километры наматываю.

Слово за словом, все больше приоткрывался для Засохо его случайный попутчик. Да и Павел становился все разговорчивее, словно оттаивая под заинтересованными, участливыми вопросами Засохо. Наконец он окончательно отложил газету и закурил. При этом Засохо невольно отметил про себя, что Павел курит самые дорогие сигареты. У него все больше росло ощущение, что попутчик его чего-то не договаривает.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что дядюшка Павла в прошлом работал по торговой части. «Небось упаковался, сукин сын», — завистливо подумал Засохо.

И тут вдруг ему на ум пришла мысль, от которой даже ладони внезапно стали влажными от пота. Чтобы не выдать своего волнения, Засохо снял очки и стал тщательно протирать стекла.

Но с этой мыслью следовало, однако, подождать. И Засохо, водрузив очки на прежнее место, уже с особым вниманием следил теперь за каждым словом своего попутчика, продолжая обычный дорожный разговор.

Артур Филиппович прекрасно знал особенность такого дорожного разговора, когда собеседники неизвестно почему проникаются внезапной симпатией друг к другу и с откровенностью, на которую при других обстоятельствах ни один из них никогда бы не пошел, начинают делиться с незнакомым человеком самыми сокровенными своими мыслями и заботами.

— В прошлом году умерла его жена, — продолжал рассказывать Павел. — Один остался. А домик, хозяйство кое-какое. Ну, я к нему и перебрался. Иной раз привезешь ему оттуда, — он сделал легкий жест назад, в сторону границы, — чего-нибудь из шмоток или так...

Засохо ликовал, ничем, однако, внешне не выдавая своего состояния. Племянник совершает заграничные! У дяди отдельный домик!

Вскоре он предложил пойти в ресторан: время было подумать об ужине.

За столиком, среди шума и гама, разговор принял безобидно-шутливый характер.

Неважный, хотя и дорогой, коньяк, целый графинчик которого распили новые приятели, окончательно скрепил их дружбу.

Из ресторана они возвращались, бережно поддерживая друг друга, и проводники с улыбкой открывали перед ними тяжелые тамбурные двери.

Добравшись до купе, Засохо еще в дверях торжественно объявил:

— А теперь — последний тост. У меня тут припрятано...

И он полез за чемоданом.

— Нет, это у меня припрятано, — возразил Павел.

В конце концов оба вытащили по бутылке коньяка. Решили выпить по рюмке из каждой.

Первый тост был на «брудершафт», и растроганные приятели громко облобызались.

Второй тост произнес тоже Засохо.

— Павлуша, надо уметь жить. Чтобы было хорошо. За умных людей, которые это умеют!

И, не дожидаясь ответа, Засохо опрокинул рюмку.

— Верно, — усмехнулся Павел. — Видали мы таких.

И тоже выпил.

Спал Засохо беспокойно. Среди ночи, проснувшись, пососал таблетку валидола, жадно напился воды, вздыхая, улегся снова и, наконец, заснул.

Внизу сквозь стиснутые зубы могуче рычал во сне Артур Филиппович. Наверху неслышно дышал Павел.

Утром Засохо проснулся мрачный, с головной болью, но полный нежности к своему новому другу: на этот счет Засохо был великим артистом.

Приближалась Москва. Проводники уже собирали постели, раздавали билеты.

— Павлуша, ты где остановишься? — спросил Засохо.

— В гостинице, — беспечно ответил Павел и туманно пояснил: — Друзья-приятели...

«Я не должен его упустить, — говорил себе Засохо. — Это то, о чем я мечтал. Это начало моего собственного „дела“.

— Но сначала заедем ко мне, — решительно объявил Засохо. — Посмотришь, как живу. И план наметим. Мы с тобой за эти дни всяких радостей вкусим, вот увидишь, и... и о делах, быть может, перемолвимся.

При этом громадные его совиные глаза за стеклами очков смотрели так лукаво и игриво, что Павел засмеялся.

— Скажи, пожалуйста, «вкусим»... Интересно даже.

За окнами вагона уже мелькали высокие пригородные платформы, пронеслись зелеными вихрями поезда электрички, в паутине запасных путей появились стада пустых вагонов.

Это была уже Москва.

В то утро Жгутин впервые после болезни пришел на работу. Он бодрился и старался не подавать виду, что чувствует себя все еще неважно. И люди потянулись в кабинет начальника таможи, откуда все эти дни доносились лишь зычные разносы Филина. К Жгутину приходили с делом и без дела, просто так. Поэтому в кабинете вечно толпился народ, и Жгутин редко набирался духу, чтобы выставить всех за дверь.

В то утро Федор Александрович, чувствуя доброе отношение к себе окружающих, растроганно благодарил за приветствия, шутил и смеялся, но когда ему пытались жаловаться на Филина, сердито отвечал:

— Не могу же я, голубчик, так вот сразу отменять его приказы. Я болел, а он работал. Понимать надо. Но разберусь, будьте спокойны.

Сердился же Федор Александрович потому, что прекрасно понимал, что жаловались на Филина справедливо.

С досадой увидел он, что за его отсутствие Филин наложил взысканий столько, сколько сам Жгутин не накладывал и за полгода. Причем взыскания получили даже лучшие работники, такие, например, как Шалымов. И что это еще за дурацкая формулировка: «За неправильную работу с кадрами»? Ну, что она означает?

Когда Федор Александрович спросил об этом Филина, тот сухо ответил:

— Это означает, что товарищ Шалымов распустил людей в своей смене. Только и всего.

— Есть факты?

— А вы думаете, я чем руководствуюсь, чувствами? — холодно, со скрытой насмешкой, в свою очередь, спросил Филин.

«Он стал себе много позволять», — отметил про себя Жгутин. Прощать подобную дерзость он не привык и, вспыхнув, сказал:

— Я вас, кажется, тоже распустил. Забываться стали! Я еще сам оценю эти факты. И, может статься, опять «подорву ваш авторитет», — насмешливо закончил он.

Филин угрюмо молчал.

Спустя некоторое время Жгутин вызвал Шмелева.

— Ну-с, Андрюша, командировка тебе в Москву выписана.

— Спасибо, Федор Александрович, но я еще не знаю, как сложится. Если завтра утренним не уеду, то верну.

— Нет, милый, у нас для тебя тоже поручение есть.

Жгутин бодро встал, обошел стол и, подойдя к сидевшему в глубоком кресле Андрею, энергично взъерошил волосы у него на голове.

— Что из Москвы-то пишут? Андрей понял, кого имеет в виду Жгутин, и отрицательно покачал головой.

— Неужто не пишет?

— Нет.

Жгутин нахмурился.

— А ты?

— Написал два письма. Не отвечает.

— Черт знает что! Вот будешь в Москве — зайди. Проведай сына.

— Зайду, что ж делать.

— Ты голову-то не вешай, — рассердился вдруг Федор Александрович. — Это не только твое право, а, если хочешь, обязанность твоя! Что сын без отца? Так, недоразумение.

Андрей строго посмотрел в глаза Жгутину.

— Сын мой без отца не будет. Не позволю я этого.

— Вот, другой разговор. — Жгутин вдруг хитро прищурился. — Ну, а выговор-то пережил? Андрей сдержанно ответил:

— У меня, Федор Александрович, и без того переживаний хватает. Мелкие подлости меня уже не трогают.

— Ишь ты, — удивился Жгутин и, посуровев, добавил: — Меня же, голубчик, всякие подлости невозможно как трогают. А врач волноваться запретил. Вот как хочешь, так и живи теперь.

— Как же вы хотите жить? — улыбнулся Андрей. Жгутин снова разворошил волосы у него на голове, но теперь это лишь выдавало его волнение.

— А как жил, — неожиданно дрогнувшим голосом сказал он. — Мне, милый, меняться поздно.

Жгутин вдруг рассердился.

— И ты, пожалуйста, запомни: коммунист должен драться за справедливость во всем. Меня, например, волнует такой выговор, как у тебя.

— На все нервов не хватит, Федор Александрович, — чуть снисходительно возразил Андрей.

— Должно хватить, особенно у вас, у молодых! Ты же коммунист, Андрей. Андрей тихо ответил:

— И он тоже...

— Ну и что? Да на такой случай у нас есть партийное собрание и его воля! — Жгутин на секунду умолк, потом в глазах его мелькнула лукавая искорка, и он вдруг решительно рубанул ладонью воздух. — Эх, уж скажу раньше времени. Выговор твой я отменил. Несправедливый выговор! И Филин сам это понимает. Вот так. И на партийном собрании об этих делах еще поговорим. Ну, а теперь счастливого тебе пути. И возвращайся быстрее. Ждать тебя будем. Черт знает, как-то привыкаешь к хорошим людям!

Андрей улыбнулся.

— У вас в Бресте много хороших людей. Мне даже кажется, больше, чем в других местах.

— «У вас в Бресте», — ворчливо передразнил его Жгутин. — Я надеюсь, что это уже и

твой город.

— Верно, верно, — засмеялся Андрей. — Он и мой теперь. Как-то незаметно все в нем полюбил. И бульвар Мицкевича, и парк, и улицу Ленина, и вокзал, и даже гостиницу «Буг» — она мне вначале очень мрачной показалась. А над всем этим — крепость! Знаете, брожу, брожу по ней и все новые уголки открываю, где битва шла, где кровь лилась. И так воображение разыгрывается, так я все перед глазами вижу, что озноб пробирает!

Жгутин тепло поглядел на Андрея.

— Я вижу, расчувствовался ты, милый, перед отъездом. Ну, да надеюсь, хоть не зря съездишь.

— Не знаю, Федор Александрович, — чистосердечно признался Андрей, — дело-то непривычное. Его и в самом деле беспокоила эта поездка.

А Ржавин вчера, вместо того чтобы все толком рассказать, лишь назначил свидание в Москве. «Если все будет, как задумали, — многозначительно сказал он на прощанье. И добавил: — Остальное потом, чтобы сразу не перегружать твою больную голову». После этого расспрашивать его уже было бесполезно. — Вечером-то зайдешь? — спросил Жгутин. Андрей, подумав о том, что ему предстоит этим вечером, только огорченно вздохнул в ответ.

А вечером Андрею надо было идти к Наде Огородниковой. Так велел Ржавин. Как всегда с шуточками, он вчера сказал: «Ты теперь человек одинокий. Посети. Думаю, она какой-то секретик тебе сообщить хочет. Ведь приглашала. А главное, насчет поездки в Москву обязательно верни. Увязываешь?» Андрей вынужден был согласиться. Еще днем он позвонил Наде по телефону в магазин. Долго ждал, пока ее позовут, борясь с искушением положить трубку, потом заставил себя беззаботным тоном сговориться о встрече.

...Было уже часов восемь вечера, когда Андрей пересек темный, но уже немного знакомый двор и без особого труда нашел нужную дверь.

Надя открыла ему сразу, она точно ждала его у двери. Раскрасневшаяся, в каком-то очень пестром и, как всегда, открытом платье, крупная и ладная, под стать Андрею, она вдруг обняла его за шею и, властно притянув к себе, поцеловала в губы. Андрей опешил от неожиданности. Надя как бы сразу, с порога, решила определить их отношения на будущее или по крайней мере на этот вечер.

В комнате был накрыт стол. На кушетке валялась гитара с пышным бантом на грифе. В углу светился зеленый глазок приемника. Стены были увешаны фотографиями. Над кушеткой висел зеленый немецкий коврик: около стада овец целовались пастух и пастушка.

Андрей опустился на кушетку, от смущения повертел в руках гитару. Разговор не клеился.

Надя уловила отчужденность гостя и, задетая, подумала про себя: «Зачем же он пришел? А я-то, дура, сразу на шею бросилась». Но в конце концов она решила, что Андрей просто стесняется.

Разговор медленно вползал в нормальную колею.

Потом они сели за стол. Андрей заставлял себя пить, но скованность все еще не оставляла его. Это начинало уже его злить. И после очередной рюмки он вдруг дерзко поцеловал Надю в губы, и этот невольный его порыв сделал больше, чем любые самые продуманные слова. Сразу возникла та непринужденность, то веселое и бесшабашное настроение, при котором уже был невозможен разговор о любви, разговор, к которому вела Надя и которого всеми силами хотел избежать Андрей.

Надя пела, но необычные свои «душещипательные» романсы, а какие-то разудалые, звонкие песни — такое вдруг настроение почему-то охватило ее. Потом они пели вместе, и Надя не могла удержаться от смеха.

— Ты же совершенно не умеешь петь! Тебе слон наступил на ухо!

Андрей окончательно освоился и, улучив момент, как бы между прочим, сказал, что завтра едет в Москву.

Он тут же заметил, как подействовали на Надю его слова.

Она задумалась, резкая складка неожиданно пересекла лоб, и глаза потухли, отяжелевший взгляд их словно ушел куда-то внутрь, освещая какие-то притаившиеся там мысли. Надя как будто сразу постарела.

Андрей сделал вид, что не замечает этой перемены. Он даже принялся рассматривать пухлый альбом с какими-то фотографиями.

А Надя думала... Андрей едет в Москву. Туда же уехал вчера Артур Филиппович, уехал к своему «шефу» и там расскажет о ней, о Наде. Он, конечно, будет ругать ее, он свалит на нее все свои неудачи, все просчеты. Да, да, уж она-то его знает. А что потом? Они все равно не обойдутся без нее. Она — это Юзек, это путь контрабанды, это квартира, где можно спрятать что угодно, можно встретиться с любым человеком и самому прожить сколько надо, прожить незаметно, тайно. Нет, без нее они не обойдутся. А она без них, без Засохо?..

Впервые пришла Наде эта мысль в тот момент, когда ночью захлопнулась дверь за разъяренным Артуром Филипповичем, а она в бессильной злости залилась слезами и упала на кушетку. Вот тогда, вдоволь наплакавшись, Надя и подумала: неужели же она так неразрывно связана с этим страшным человеком? Неужели он так крепко зацепил ее этим проклятым «раменским делом»? Она даже не знает, что именно он может рассказать про нее, но... страшно. Все равно страшно.

А что делает Засохо сейчас? Ведь не он достает товар, это Надя знала твердо. Не он его здесь прячет и увозит туда, на Запад. Это делают она с Полиной Борисовной и Юзек. Что же делает он? Доставляет товар из Москвы в Брест? И командует ими?.. И, между прочим, на руках всегда, как прикрытие, командировочное удостоверение. Где он их только каждый раз берет?.. Надя размышляла, а в мозгу билась злая, неугомонная мысль: «Его надо убрать, его надо утопить, его надо раздавить!..» Но как?

Вдруг Надя вспомнила: ведь она знает «шефа», этого тихого, молчаливого Евгения Ивановича. Правда, они виделись всего один раз, но он оставил ей московский телефон. А что Наде делать с ним? Как что? Ведь Андрей едет в Москву, он может позвонить. Тем более что Евгений Иванович сам приглашал его. Да, да, она тогда назвала его своим дядей, и он пригласил Андрея заходить, если тот будет в Москве. Так, значит, связь есть, связь отдельная от Засохо, в обход его!

Надя почувствовала легкий озноб и невольно повела обнаженными плечами. Впервые идет она против Артура Филипповича, он ей уже не кажется таким всесильным, как раньше, но все же...

Она украдкой бросила взгляд на Андрея. Он продолжал рассматривать фотографии. И Надя невольно отметила про себя: красивый парень, с таким приятно крутить любовь. Он понравился даже Артуру Филипповичу, хоть он в тот раз и был зол, как черт: ведь у него конфисковали тогда контрабанду. Ничего себе, проехался к сестрице...

И тут Надя даже замерла на секунду от радости. Вот чего она искала! Вот что она напишет Евгению Ивановичу. И Засохо уже не посмеет угрожать ей. Она освободится от него совсем, совсем! А тогда... Как знать, не надоест ли ей вообще эта жизнь? Как знать?

Только надо все сейчас до конца выяснить у Андрея.

Надя негромко окликнула его:

— Андрей!

— А? — он сконфуженно улыбнулся. — Извини. Увлёкся открытками. Есть любопытные. Вот это твои родители, да?

Да, да, это ее родители. Мать и сейчас жива, она у брата, в Новосибирске, а отец погиб в войну, в страшном сражении под Курском.

Андрей пристально посмотрел на Надю. Ему вдруг стало ее почему-то жалко, захотелось схватить ее за плечи и встряхнуть всю гадость, всю подлость, всю дурь из ее головы, крикнуть ей, чтоб не смела... «Она же дочь воина, погибшего в боях, и она захлебнется и утонет в этом болоте». И еще одна горячая мысль пронеслась в голове: «Ее

надо спасти, нельзя, чтобы она утонула, нельзя!»

А Надя еще что-то рассказывала о своих родителях, потом неожиданно сказала:

— Знаешь, я вдруг вспомнила, как ты был у меня, прошлый раз. Еще Артур Филиппович тебя выпить уговаривал.

— Помню, помню.

— Он тебе понравился?

— Нет, — решительно мотнул головой Андрей. — Неужели он нравится тебе?

— Теперь нет, теперь... я его ненавижу, — это вырвалось у нее помимо ее воли, и Надя с испугом посмотрела на Андрея.

Но он лишь с досадой спросил:

— Только теперь?

— Людей узнаешь не сразу, — и, помедлив, Надя осторожно добавила: — У него в тот день конфисковали контрабанду. Ты помнишь?

— Еще бы! Он валюту вез.

— Валюту?! — обрадованно воскликнула Надя и, спохватившись, уже другим тоном добавила: — Так ему и надо.

«Валюту! Валюту!..» — ликуя, думала она. Значит, Надя угадала: он все-таки обманул ее в тот раз! Ведь он сказал, что вез какие-то ткани. И, конечно, то же самое он сказал своему «шефу». Вот о чем она напишет Евгению Ивановичу. Пусть знает, какие делишки обделывает Засохо за его спиной. И еще она напишет...

Мысли неслись как в лихорадке, быстро, беспорядочно, но это были верные и точные мысли!

И еще она напишет, что вся затея с «Волгой» провалилась по вине Засохо, одного его. И потом, когда он приехал, он тоже ничего не смог сделать, чтобы вернуть товар, спрятанный в машине. И даже еще хуже: он хотел убить Андрея, и теперь милиция идет по его следам... Да, да, она напишет пострашнее, даже то, чего нет...

Надя тронула Андрея за рукав.

— Так ты едешь в Москву?

— Ага.

— Знаешь что? Отвези письмо дяде, хорошо?

— А чего же? Пожалуйста.

— Только у меня нет его нового адреса. Ты созвонишься с ним по телефону. Ладно?

— Ну что ж. Пиши письмо. Только учти, — и Андрей, еле сдерживая охватившую его радость, объявил: — Я еду завтра утром.

Надя торопливо сказала:

— Я привезу его тебе на вокзал.

...Надя в ту ночь долго возилась с письмом к «дяде». Его надо было написать иносказательно, но так, чтобы Евгений Иванович понял все до мельчайшей подробности.

Наконец она в последний раз перечитала исписанные страницы и осталась довольна. «Ну, милый, — злорадно подумала она про Засохо, — уж теперь с тобой будет кончено».

Из окошечка такси Засохо показывал Павлу московские достопримечательности. Машина пронеслась по подземному тоннелю, по недавно лишь возникшему широченному проспекту, мимо магазинов, зеркальные витрины которых тянулись чуть не на весь квартал, мимо новых кинотеатров. Наконец она свернула с проспекта и вскоре остановилась около высокого светлого здания. Лифт поднял друзей на восьмой этаж.

Засохо двумя ключами открыл толстую, обитую дерматином дверь, и они очутились в просторной передней.

— Соня! — крикнул Засохо. — Ты дома?

Стеклянная дверь стремительно распахнулась, и в переднюю выбежала полная белокурая женщина в пестром халате с широкими рукавами.

— Ах, Артик! Наконец-то! — бросилась она к мужу и уткнулась лицом в сырой от

снега шалевый воротник его шубы.

— Ну, ну, погоди, — отстранил ее Засохо, — познакомься лучше. Это Павлуша, мой новый друг, — он обернулся к скромно стоявшему в дверях Павлу. — А это моя супруга Софья Антоновна.

— Здравствуйте, — кивнула гостю Софья Антоновна. — Извините, ради бога.

Приезжие сняли слегка припорошенные снегом пальто и шапки и, оставив чемоданы в передней, прошли через стеклянную дверь в гостиную.

Комната была тесно заставлена новеньким чешским гарнитуром. Легкая, изящная мебель от этого казалась необычайно громоздкой.

Засохо и его гость еле протиснулись между столом и журнальным столиком, отодвинули кресла и сели на диван.

— Нам бы, Сонечка, что-нибудь перекусить с дороги, — протирая очки, сказал жене Засохо.

— Я сейчас распоряджусь, — улыбнулась та и, вздохнув, выплыла из комнаты.

В передней зазвонил телефон.

Пока Засохо говорил с кем-то, Павел пересел с дивана в глубокое кресло и стал просматривать иллюстрированный журнал. Из передней до него доносился густой бас Засохо.

— Да, да, все в ажуре. Ну, это уж слишком. В конце концов встречу вас на улице — не узнаю, — он громко расхохотался. — Да, да... Есть кое-что... Завтра? На Арбате?.. Ага, в два часа... Превосходно.

Вскоре Павел стал прощаться, пообещав прийти вечером.

— Непременно, — погрозил пальцем Засохо.

...Вечером собрались гости.

Маленький полный человек с воздушно-седым хохолком, беспокойный, как ртуть, зычным голосом рассказывал:

— Только вообрази, родненький. Вдруг — ОБХСС! Где-то, на какой-то фабрике, проворовались. Я должен знать! Извинились, конечно. А один спрашивает... Вы слышите? «Откуда такой роскошный ассортимент?» — «Болею за план, — говорю, — борюсь за звание, за грамоты...» Я знаю, за что еще? Слава богу, двадцать лет по этому делу... и ни разу даже свидетелем не проходил!

— Ну, ну, Афоня, — насмешливо возразил другой гость, худой, бритоголовый, в пенсне. — Не увлекайся...

— А, кура тебя забери! — досадливо махнул рукой толстяк. — Ты, Дима, не в свое дело носа не суй!.. А? Что?

— Хватит вам, — вмешался Засохо. — Не то мой друг плохо о вас подумает, — он подмигнул Павлу. — Это директор магазина и работник фабрики. Дружбе их двадцать лет.

Павел улыбнулся. Он был в приподнятом настроении, его глаза цепко перебежали с одного гостя на другого.

Разошлись поздно.

На следующий день Засохо потащил Павла обедать в «Арагви». Поглощенный национальными блюдами, Павел не сразу сосредоточился на том, что вдруг, понизив" голос, начал говорить ему Артур Филиппович. Тот, наконец, рассердился.

— Павлуша, ты не серьезный человек. Я тебя уже в какой раз спрашиваю: хочешь ты как следует заработать или нет? При этом ни в какой конфликт с уголовным кодексом вступать не придется.

Засохо был совсем не так прост, как можно подумать, если судить по тому, что он так быстро завел этот разговор со своим новым приятелем.

Дело в том, что рано утром Засохо позвонил в Брест Огородниковой и спросил ее про Соловья. Надя сонным и недовольным тоном ответила, что про такого человека она слыхала. Кажется, он действительно работал в торговых организациях Бреста. А вот где именно и как, этого она не знала. Вообще все подробности Надя обещала сообщить часа через три. И

действительно, спустя некоторое время она позвонила Артуру Филипповичу и передала сведения о Соловье, в том числе о его давней судимости, о смерти жены, даже о домике, сообщив его точный адрес, и о племяннике, оказавшемся парнем ловким и практичным. Сейчас оба они уехали, закончила Надя, а куда — ей узнать не удалось.

Вот только после этого Засохо и решился на деловой разговор с Павлом.

И еще одно событие предшествовало их визиту в «Арагви».

Это была поездка Засохо на Арбат. Там, в небольшой закуской, он должен был ждать Евгения Ивановича, наконец-то согласившегося на встречу. Заехавший незадолго перед тем Павел объявил, что и у него есть дела в центре. Поэтому в такси ехали вместе до самого Арбата. И Засохо даже чуть не опоздал на свидание.

Евгений Иванович был настроен благодушно. Он со снисходительной улыбкой выслушал отчет о поездке, но отклонил все попытки Артура Филипповича завязать доверительный разговор о «деле». Последнему это обстоятельство не понравилось — он достаточно хорошо знал своего «шефа». Поэтому Засохо решил, что надо форсировать события.

Вот после всего этого друзья и оказались в «Арагви» и Засохо задал свой вопрос.

Павел хитро прищурился.

— Заработать всякий хочет... Но... что ты мне можешь предложить, к примеру?

Засохо отнюдь не собирался сразу посвящать нового приятеля во все свои дела и планы. Он решил начать с малого и действовать постепенно, с тем чтобы в конце концов не только разжечь алчность у Павла, но, главное, поставить его в положение, когда отступить будет уже поздно. Ну, а то малое, с чего он решил начать, выглядело почти безобидно.

— Пусть дядюшка разрешит останавливаться у вас, когда приеду в Брест. Да и знакомым моим, если такая необходимость появится.

— Вещи оставлять не будете? — как бы между прочим осведомился Павел.

Засохо, понимая улыбаясь, заверил:

— Ни в коем случае.

— Та-ак... Ну, а что еще?

— Письмишко передать... Да и ты, может, чего интересного привезешь...

— Словом, прощупываешь? — усмехнулся Павел. Засохо пристально посмотрел на приятеля.

— Ты, Павлуша, наивным не притворяйся.

Утром, перед отъездом на вокзал, Андрей решил позвонить Жгутиным, проститься. К телефону подошла Светлана.

— Андрюша?! — обрадовалась она. — Я почему-то была уверена, уверена...

Она радовалась так искренне, что Андрею вдруг стало стыдно. Он решительно не знал, как вести себя с этой девушкой.

— Ты уже едешь? — спросила Светлана. — Утренним?

— Да. Вот хочу проститься.

— Знаешь. У. меня сегодня нет занятий. Я тебя провожу.

— Ну что ты! Не надо...

— Нет, нет. Это всегда грустно — уезжать одному.

Они встретились на перроне, около вагона. С пасмурного неба лениво падали снежинки, под ногами чавкал мокрый грязный снег.

Светлана в своем простеньком пальтишке со стоячим каракулевым воротничком и черной бархатной шапочке казалась Андрею совсем девочкой.

— Андрюша, — смущенно сказала Светлана и, покраснев, отвела глаза, — скажи, ты зачем едешь в Москву?

Андрей не ожидал такого вопроса и сам смутился.

— Как тебе сказать... Вообще-то командировка... А кроме того, Светка, такая тут, понимаешь, история закружилась...

— С твоей... семьей? — тревожно спросила Светлана.

В этот момент к ним подошла Надя.

— Ах, ты не один? Извините, — сказала она, окинув Светлану быстрым изучающим взглядом, и, чему-то снисходительно усмехнувшись, добавила: — Вот письмо, Андрюша.

— Обязательно передам.

Светлана посмотрела на незнакомку. «Красивая какая, — невольно подумала она, потом вдруг мелькнула совсем уже пустая мысль: — И пальто чудесное, как сидит...»

— Ну, ну, не буду вам мешать, — снисходительным тоном сказала Надя и снова чему-то усмехнулась. — Счастливого пути. Горячий привет там всем. Как вернешься, звони.

Она ушла, оставив у Андрея какое-то неприятное ощущение фальши. Это ощущение перешло у него даже на разговор со Светланой: ей он тоже ведь не мог всего сказать. Андрей посмотрел на притихшую девушку и неожиданно поймал ее растерянный и огорченный взгляд.

— Светка, — тихо и сбивчиво сказал он. — Ты... в общем... Ты не думай... Тут дело серьезное, и оно... Ну, как тебе сказать? Оно служебное, что ли, — он улыбнулся. — Личного тут ничего нет.

Светлана робко подняла на него глаза.

— Правда?..

— Ну, конечно.

— И мне ты тоже позвонишь, когда вернешься?

— Светка, — Андрей вдруг ощутил неожиданный прилив нежности. — Тебе я обязательно позвоню. Ты же мой настоящий друг.

— Ага, — потупившись, кивнула головой Светлана. — Я тебя буду очень ждать.

Поезд неожиданно для них дернулся.

Светлана быстро взглянула на Андрея и закусил губу. Такой вот смущенной, с закушенной губой почему-то и запомнилась она Андрею.

...Со смешанным чувством радости и опасения подъезжал Андрей к Москве. Сколько людей, сколько встреч ждало его здесь!

Сразу по приезде Андрей направился в гостиницу «Москва», там ему должны были приготовить номер, там его ждал Ржавин.

Геннадия он увидел, как только вошел в огромный, полный вокзальной суеты вестибюль гостиницы. Ржавин стоял около ювелирного киоска и деловито рассматривал что-то.

— Выбираешь подарок? — спросил Андрей, подходя. — Она любит подороже. Ну, привет. Ржавин обернулся.

— А-а, все-таки приехал?

— А ты что думал?

— Не имеет значения. Вам, сэр, приготовлен лучший из номеров. Супер-люкс, на самом верхнем этаже, но с умывальником.

Номер оказался маленький и скромный. Андрей обратил внимание на две кровати.

— Сосед?

Ржавин церемонно поклонился.

— Если нет возражений, то это я,

— Польщен.

Друзья уселись в кресла и закурили.

— Какие новости? — спросил Ржавин.

— Письмо к дяде. И телефон для встречи.

— Прекрасно. Звони.

Андрей набрал номер. Ответил женский голос.

— Попросите Евгения Ивановича.

— Кто его спрашивает?

— Я из Бреста. Привез письмо.

— Оставьте телефон. Он вам позвонит. Когда Андрей положил трубку, Ржавин недовольно проворчал:

— Что это еще за фокусы?

Евгений Иванович позвонил почти тотчас же.

— А-а, помню вас, помню! Как же, — приветливо сказал он. — Письмо от Наденьки? Наконец-то!

Они сговорились встретиться через час. Евгений Иванович предложил заехать к Андрею в гостиницу.

Андрей запротестовал.

— Что вы! Я все-таки помоложе.

— Нет, нет. Где вы остановились?

Андрей, наконец, положил трубку и вопросительно посмотрел на Ржавина. Тот лениво отряхнул пепел с сигареты и спросил:

— Ты, кажется, меня уверял, что он и в самом деле ее дядя?

— Мне так показалось.

— И с Засохо он встретился случайно, только в Бресте?

— Да.

— Интересно, что тебе покажется на этот раз. — Ржавин решительно загасил сигарету, встал и с хрустом потянулся. — Итак, помни мои заветы. — Он вдруг остро глянул на Андрея. — По-моему, ты все еще удивляешься. А пора уже ненавидеть! Тут враги, понимаешь?

Андрей ответил спокойно:

— Понимаю. Но кого прикажешь ненавидеть, дядю? А если он только дядя?

— А Засохо — только папа, да? Андрей нахмурился.

— Это преступник. И какого только черта я сидел с ним за одним столом!

— Чтобы поймать преступника, — хитро прищурился Ржавин, — иногда надо и за одним столом с ним посидеть и выпить. А потом скрутить руки или... или стрелять. Разведчик должен уметь все.

В голосе его прозвучали горделивые нотки. И сейчас Андрею это понравилось.

— Ладно уж. Попробую. Когда увидимся?

— Ночью наверняка. Привет! Ржавин направился было к двери, но вдруг остановился.

— Да! А где письмо?

— Вот оно.

...После ухода Ржавина Андрей подошел к окну. Внизу — самый центр города. Седая от снежного инея и потому казавшаяся еще древнее кремлевская стена, дальше два очень похожих и таких причудливых, больших красных здания рядом — музеи: один — Ленина, другой — Исторический. Пестрая лавина машин катится перед ними. Москва!.. Какие великие и грозные события видели эти седые стены, сколько раз здесь решались судьбы народа! И его, Андрея, судьба...

Кто-то тихо постучал в дверь за его спиной.

— Войдите!

На пороге появился худощавый черноволосый человек в скромном темном костюме и темной рубашке с галстуком. Большой, с залысинами лоб, узкое, клином вниз, лицо и густые-прегустые брови, закрывавшие глаза. Надин дядя! Андрей сразу узнал его,

— Здравствуйте, Евгений Иванович. Прошу вас.

— Здравствуйте, Андрей. Рад вас видеть. Евгений Иванович, не читая, сунул письмо в карман.

— Это потом, — объяснил он. — А пока расскажите про ваше житье-бытье, про Наденьку. Как она там?

Но Андрей мало что мог рассказать про Огородникову.

— Да, видно, не часто встречаетесь, — огорченно заметил Евгений Иванович. — Жаль. Вы мне нравитесь. А Надя... Вот, к примеру, в тот раз она меня познакомила... Как его? Не помните? Толстый такой, в очках...

— Засохо?

— Да, да. Вы его запомнили?

— Попался однажды с контрабандой.

— Ну, вот видите. Он мне и тогда не понравился. Андрей успокоительно заметил:

— Надя не глупая. Разберется.

— Как сказать, — Евгений Иванович разволновался и впервые поднял на Андрея глаза — две узкие, светлые льдинки под лохматыми бровями. — Как сказать! Наряды любит не в меру, удовольствия всякие...

Чем дальше шла эта мирная беседа, тем больше недоумевал Андрей. «Какого черта мы к нему привязываемся? Это же вполне порядочный человек».

Утром следующего дня в квартире Засохо раздался телефонный звонок. Артур Филиппович говорил услужливо, скромно, почти подобострастно, его обычно самоуверенный и раздраженный бас сейчас нельзя было узнать.

— Да, да, я вас слушаю, — говорил Засохо. — Когда угодно... Когда, когда?... Ага. Понял... Минута в минуту... Всего наилучшего...

Засохо повесил трубку и на миг замер у телефона, пытаясь что-то сообразить. При этом на его обветренной физиономии с крупными совиными глазами и резкими складками на щеках отразились как-то сразу и беспокойство, и удивление, и любопытство. Засохо провел рукой по ежику седых волос и вполголоса задумчиво произнес:

— М-да. Что бы это значило?

Он с сомнением покачал головой и направился в кабинет.

Там сидели Павел и Дмитрий Спиридонович", тот самый худой бритоголовый человек в пенсне, который был в гостях у Засохо в первый вечер после его приезда из Бреста. Афанасий Макарович называл его Димой, а Засохо представил как работника какой-то фабрики.

Дмитрий Спиридонович сидел у Засохо давно. Когда приехал Павел, деловая часть их встречи уже закончилась и теперь все трое пили коньяк.

Было заметно, что Засохо недоволен разговором с Дмитрием Спиридоновичем. Да и тот чувствовал себя не очень уютно и все время порывался уйти, ссылаясь на неотложные дела. При этом он прижимал маленькие розовые ручки к груди и смешно вертел индюшачьей голой головой. Но Засохо чем больше пил, тем решительней не отпускал его от себя.

— Погоди, — примиряюще басил он, хватая гостя за пиджак и с силой усаживая на прежнее место. — Погоди. Ты меня еще плохо знаешь... Ты вот его спроси, — он указал на Павла. — На двадцать процентов будешь работать, слово даю. Это же тебе не пятнадцать.

Дмитрий Спиридонович смущенно краснел и кидая улыбчивые взгляды на Павла, неприятно резким голосом возражал:

— Да с чего вы взяли? Ей-богу, и в мыслях никогда не было... Я уже у себя на фабрике посмотрелся, чем такие дела кончаются...

— А ведь врешь, — умильно произнес, наконец, Засохо. — И как еще врешь-то... Ну ладно, — он махнул рукой. — Давайте выпьем, чтобы сгинул ОБХСС Неплохо, а?

— Выпьем, — не очень охотно согласился Дмитрий Спиридонович и, остренько взглянув на Засохо, спросил: — Это Афоня вам наболтал, а?

Засохо строго погрозил пальцем.

— Афоня ничего не знает. Это только нас касается. Понятно?

Дверь в кабинет приоткрылась. Софья Антоновна, просунув голову, сказала:

— Артик, тебя к телефону.

Когда Засохо вышел, Дмитрий Спиридонович, вздохнув, сказал:

— Тяжело с вашим братом все-таки.

— То есть? — удивился Павел.

— Ну вот видите — обижаются, — и без всякого перехода Дмитрий Спиридонович спросил: — А вы, значит, из Бреста?

— Да.

— И как, а?

— Что «и как»?

Дмитрий Спиридонович хитро прищурился.

— Понимаю, понимаю. И, как видите, не обижаюсь.

— Да на что обижаться-то?

— Все понятно, дорогой. Кроме того, доверие Артура Филипповича — это солидная рекомендация. Поэтому есть предложение, — Дмитрий Спиридонович быстро оглянулся на дверь и, понизив голос, сказал: — Позвоните мне. А? — и нравоучительно добавил: — Чем меньше в цепи звеньев, тем она крепче. А?

— Без сомнения.

— Тогда пишите, — Дмитрий Спиридонович почти шепотом продиктовал номер телефона и, как-то странно усмехнувшись лишь уголками длинного и тонкого рта, добавил: — Двадцать, это тоже не подарок, если уж на то пошло. А? Ведь я, как-никак, первоисточник. И потом еще один цех у меня на стороне.

— То есть?

— Последние операции. Целлофан, бирки и прочее.

— Понятно.

— Это же все что-то стоит. А?

Вернулся повеселевший Засохо, и разговор оборвался. Подсаживаясь к столику, Артур Филиппович самодовольно объявил:

— Воистину: имей сто рублей, будешь иметь сто друзей.

Вскоре Дмитрий Спиридонович ушел. Павла Засохо уговорил остаться и пообедать.

Под конец Засохо заторопился и стал заметно нервничать. Павлу он отрывисто сказал:

— Извини. Бегу. Тут, брат, такое дело... Но вечер наш.

Поймав недалеко от дома такси, Засохо помчался в центр. Вышел он на улице Горького и, пройдя немного, зашел в скромное кафе.

Вопреки обычаю Евгений Иванович уже поджидал его. На столике стояла закуска и початая бутылка вина. Засохо на ходу с беспокойством посмотрел на часы. Нет, он не опоздал.

Евгений Иванович поздоровался с ним спокойно и приветливо, налил вина, пододвинул закуску. После первых самых обычных фраз Евгений Иванович вдруг умолк и некоторое время сосредоточенно жевал. Засохо понял, что сейчас он скажет то, ради чего так неожиданно вызвал его сюда. И ладони, как всегда, стали вдруг липкими от пота.

— Вы помните Грюна? — вдруг спросил Евгений Иванович.

— Он умер.

— Да, умер. Но бывает, что и мертвые хватают живых. Вы, конечно, знаете, что умер он в колонии?

— Кажется...

— А почему не дома? Не у себя в постели?

— Он грубо работал.

— Нет, он работал тонко. Но один раз, всего один раз ошибся в компаньоне.

— Откуда вы это взяли?!

— Неважно. Гораздо важнее, что об этом узнал Грюн. Правда, незадолго до смерти. И он решил отомстить.

— Интересно, как?

— Грюн оставил письмо...

— Интересно взглянуть.

— Еще бы! Но оно адресовано не вам.

— Вот как! Кому же, если не секрет?

— Не секрет. Оно адресовано комиссару Мишину.

— Ого! Грюн состоял с ним в переписке?

— Не думаю.

— Почему же он не отправил это письмо?

— Он попросил это сделать меня.

— И вы...

— И я решил подождать. Вы же понимаете, это письмо никогда не устареет. Во всяком случае, пока жив этот компаньон.

— Чего же вы ждали? — в этом месте голос Засохо предательски задрожал.

— Пока тот компаньон не встанет мне поперек дороги. Пока мне не понадобится его убрать.

— И вот...

— Вы угадали.

— И вы отправили это письмо?

— Если бы я его отправил, этот компаньон уже давал бы показания на Петровке. А он пока...

— Понятно. Чего же вы хотите?

— Договориться с ним. Мне не нужно его крови. Пусть живет, — в этом месте Евгений Иванович брезгливо поморщился и махнул рукой. — Пусть. Но мне нужно...

— Деньги?

— Вы угадали. И еще мне нужна свобода. К старости я начал почему-то дорожить ею еще больше. Так вот. Свободу я себе обеспечу, ликвидировав все дела с тем компаньоном, все до последнего. А вот...

— Да, как вы обеспечите деньги?

— Очень просто. Я продам ему письмо. Иными словами, я не посажу его в тюрьму. Это стоит любых денег, не так ли?

— Все зависит от письма.

— Хотите прочесть?

Засохо протянул руку через столик.

— Что ж, интересно.

Это был неосмотрительный жест: рука дрожала.

Евгений Иванович, улыбнувшись, вынул сложенные вчетверо листки. Текст был отпечатан на машинке.

— Прошу. Это копия.

Пока Засохо читал, машинально вытирая ладонью влажный лоб, Евгений Иванович с аппетитом принялся за еду, потом, откинувшись на спинку стула, закурил.

Засохо все читал. Собственно говоря, он уже прочел письмо и сейчас только делал вид, что читает. Он соображал. Письмо действительно опасное: Грюн много знал. Но каков подлец этот Евгений Иванович! Сколько времени связан с ним Засохо, и все эти годы, оказывается, Евгений Иванович держал его за горло. И при этом ни разу не проговорился. Ну, погоди же... Но сейчас надо думать о другом, Что делать? Где спасение?

Удар был таким неожиданным, что Засохо растерялся. И в этот момент он решительно ничего не мог придумать. Тогда он попытался хотя бы выиграть время. Возвращая, наконец, письмо, он спросил:

— Значит, тот компаньон встал вам поперек дороги?

— Да, — решительно кивнул головой Евгений Иванович, и из-под густых его бровей на миг холодно блеснули узкие глаза-льдинки. — Представьте, он меня обманывал. И потом он оказался бездарен. Чудовищно бездарен. И это самое грустное, конечно.

В голосе Евгения Ивановича прозвучало нескрываемое презрение. Засохо побагровел, но сдержался и тихо спросил:

— А не думаете вы, что этот компаньон тоже может кое-что рассказать о вас на

Петровке?

— За кого вы меня принимаете? — тонко, одними губами усмехнулся Евгений Иванович. — Если бы он мог это сделать, то о письме Грюна говорил бы с ним не я.

— «Если бы мог»? Мне кажется, за эти годы...

— Ну, ну. Продолжайте.

И тут Засохо вдруг обнаружил, что ничего существенного, ровным счетом ничего не может рассказать о Евгении Ивановиче, ибо тот умел всегда остаться в тени и действовать чужими руками. У Засохо были только догадки да кое-какие косвенные факты. Письмо Грюна легко перевешивало эту зыбкую чашу сведений.

Засохо с яростным восхищением посмотрел на Евгения Ивановича. Так взять за горло!

Нервно проведя ладонью по ежику седых волос, он спросил сразу вдруг осипшим голосом:

— Сколько же, по-вашему, стоит это письмо?

Евгений Иванович самым беззаботным тоном назвал такую сумму, что Засохо даже изменился в лице. Жирные щеки его из багровых стали розовыми, потом медленно посерели. Он тяжело засопел,

— Это... это разбой.

— Ну что вы. Это коммерция.

Засохо захлебывался от гнева. Такого унижения он еще никогда не переживал. И от этого он окончательно растерялся. Бестолково передвигая на столике рюмки и тарелки с остатками закуски, он повторял:

— Ах, так?.. Значит, так?..

— Может быть, он хочет подумать? — любезно осведомился Евгений Иванович, все еще продолжая игру в некоего третьего, о ком, мол, и идет у них речь, и эта игра звучала сейчас откровенной издевкой.

Но Засохо уже ничего не замечал.

— Да, да, подумать...

— Что ж, до завтрашнего утра у меня время есть.

...Артур Филиппович вернулся домой в таком состоянии, что жена, всплеснув руками, воскликнула:

— Артик, что случилось? Мы погибли, да?

— Дура, — огрызнулся Засохо и с треском закрыл за собой дверь кабинета.

Под вечер приехал Павел.

Засохо без пиджака, распустив пояс брюк, лежал на диване, закинув руки за голову, и нервно покусывал губы. Очки были сдвинуты на лоб и взгляд рассеянно блуждал по потолку.

— Неприятности? — спросил Павел, усаживаясь в кресло.

— Еще какие...

— Кто же?

— Да один там... Только не на такого — напал... Если уж я Грюна... то его-то...

Слова вырывались у Засохо непроизвольно, как всплески летящих мыслей.

Вдруг он сорвался с дивана и кинулся к телефону. Павел услышал его голос из передней:

— Афанасия Макаровича... Слушай. Срочное дело. Что? Да, да, виделся. Так, жду.

Через минуту Засохо уже снова лежал на диване, бормоча что-то под нос.

Афанасий Макарович приехал вечером. Румяный, улыбающийся, со своим седым хохолком-одуванчиком на розовом черепе, он колом прокатился по всей квартире, со всеми поздоровался за руку и, наконец, укрывшись с Артуром Филипповичем в его кабинете.

И снова крики Афони, как ни рычал на него Засохо, то и дело выплескивались в переднюю. Павел, стоя у телефона, только усмехался, кивком головы указывая Софье Антоновне на дверь кабинета, и та в ответ лишь досадливо разводила полными руками.

— ...За его же подписью будет, понимаешь, родненький? — кричал Афоня. — Тогда попрыгает!.. А? Что?

В ответ что-то неразборчиво гудел Засохо. И опять доносился срывающийся на визг голос Афони:

— Что ты, родненький! Завтра же... За них не волнуйся, они дело знают... Вот, вот! И его проверим. Это мысль!..

Слышно было, как он бежит по кабинету.

— Ай, кура тебя забери! Ну, и спектакль же будет!

Остаток вечера много пили. Засохо и Афоня, возбужденные и встревоженные, словно хотели прогнать какие-то пугавшие их мысли. Их душила злоба. Это было видно по тому, как остервенело они пили.

Павел все яснее ощущал: что-то готовится.

Андрей проснулся оттого, что кто-то бесцеремонно толкал его в плечо. Потом до него донесся насмешливый и знакомый голос:

— Эй, командировочный!

Андрей открыл глаза. Перед ним в одних трусах стоял Ржавин. Окно было раскрыто настежь, и по комнате гулял ледяной ветер. Ржавин, видно, уже сделал зарядку и сейчас мягко приплясывал на коврик, чтобы не замерзнуть. При этом длинное, жилистое тело его играло разбегающимися под кожей тугими мышцами.

— Вставай, вставай, старик, — тормозил он Андрея. — Новости есть.

Последние его слова окончательно разбудили Андрея, он откинул одеяло и лениво потянулся, при этом ноги его далеко вылезли за прутья кроватной спинки.

— Борец, а не сотрудник таможни, — с восхищением покосился на него Ржавин.

— Не мог с зарядкой подождать? — проворчал Андрей, садясь на край кровати и зябко охватив руками голые плечи. — Ну, давай свои новости, пока я крутятся буду.

Андрей принялся за зарядку, а Ржавин приступил к рассказу.

— Во-первых, ту «Волгу», которую вы конфисковали, купил, знаешь, кто? Засохо! Он же отправил ее по железной дороге в Минск. А оттуда уже Пашка перегнал в Брест.

— Какой... Пашка?.. — спросил Андрей, энергично приседая.

— Это шофер, который тебя по черепушке стукнул. — Ржавин усмехнулся. — Ты не думай, это он от испугу.

Андрей отрывисто спросил:

— Откуда ты знаешь?..

— А мой Толик с ним уже беседовал. И вчера мне по телефону доложил. Пашка даже катал Засохо по Бресту, с Огородниковой катал, и с Чуяновским, и еще с какой-то старушкой. Кто такая, а?

— Не знаю никаких старушек...

Андрей уже лежал на полу и, розовея, поднимал вытянутые в струнку ноги.

— Плохо. Эх, как меня эта старушка интересуется, кто бы знал! Ты кончишь наконец?

Андрей отрицательно покачал головой. Потом спросил:

— Где тебя носило?

— Увлёкся, — мечтательно глядя в потолок, ответил Ржавин. — Одним человекоподобным... Много он интересных вещей знает.

— Выходит... обманываешь?..

Андрей все еще делал зарядку и немного запыхался.

— Почему «обманываешь»? — сухо возразил Ржавин. — Он сам кого хочешь обманет. Тут, старик, борьба умов.

Окончив зарядку, Андрей взял полотенце и направился в душ.

— Стой! — схватил его за трусы Ржавин. — Сначала скажи, ты договорился с дядюшкой о встрече?

— Договорился. Он завтра позвонит.

— Порядок. А что ты будешь делать сегодня?

— Еду в Подольск. К Вовке.

— Понятно. Возражений нет. — Ржавин неожиданно вздохнул и добавил: — Эх, что

там ни говори, а приятно увидеть сына. Собственного сына!

Перед тем как ехать на вокзал, Андрей зашел в «Детский мир». В магазине он долго думал, что купить Вовке. Наконец он увидел большой красный автомобиль и тут же вспомнил, что Вовка больше всего любил именно автомобили. Игрушка стоила неожиданно дорого, но обрадованного Андрея это остановить уже не могло.

Прямо из «Детского мира» он поехал на вокзал. До Подольска шла электричка.

Андрей сидел в полупустом теплом вагоне, положив на скамью возле себя коробку с автомобилем и расстегнув пальто. Он смотрел в окно и, не видя мелькавших за ним полей, перелесков, дач, думал о своем.

Андрей думал о сыне, которого скоро увидит.

Прошло не так уж много времени с тех пор, как они расстались, а ему казалось, что Вовка должен измениться, вырасти, даже повзрослеть. И, может быть, он уже удивляется, даже страдает, что возле него нет отца. В то же время Андрею стало за последнее время ясно, что разошлись они с Люсей не случайно, не сгоряча. Он понял, что жизнь готовит много испытаний и идти по этой жизни надо с человеком, которому веришь, а не только которого любишь. Вот с Люсей они далеко не ушли. Первое же испытание и — все полетело. Кончилась их любовь.

И сразу же мысли Андрея перекинулись на неприятную, тягостную процедуру, которая ждала его, прежде чем развод будет оформлен. Публикация в газете, суд... «Какая это постыдная, никому не нужная процедура», — думал он с досадой. Все будут читать в газете, что гражданка такая-то возбуждает дело о разводе с гражданином таким-то. Для чего это? Чтобы прочли знакомые, родные, сослуживцы? Чтобы стыдили потом, посмеивались, жалели?.. А суд. Ну, почему именно суд? Разве они нарушают какой-то закон или у них возник спор? Нет! Так зачем же суд? Впрочем, дело не только в них двоих. Ведь есть еще и сын. Может быть, это для него необходимо? Тоже вряд ли...

Андрей, хмурясь, старался прогнать от себя эти мысли. Все равно это неизбежно. Ну, так и нечего себя растравлять заранее.

И он снова вернулся к мыслям о Вовке. Вот он вырастет, спросит: «А где мой папа? А почему у других не так?» А потом Вовка начнет понимать и судить их с Люсей, начнет искать виновного. А разве есть здесь виновный? Андрей не позволял себе во всем обвинять одну Люсю. И он не позволит это Вовке. В конце концов у каждого свои понятия о счастье...

Андрей так ушел в свои раздумья, что не заметил, как электричка подошла к Подольску.

В конце заснеженной улочки Андрей увидел знакомый забор из синих дранок, перевитых колючей проволокой, за ним небольшой, дачного типа домик с застекленной верандой. И только тогда Андрей подумал о людях, к дому которых приближался.

Родители Люси были такими разными, что Андрей вначале не переставал удивляться, как могли эти люди прожить всю жизнь вместе. Однажды подвыпивший Зиновий Степанович неожиданно ему признался: «Зачем я тут живу с ними, а? Зачем видимость семьи создаю? Все для нее, для Люськи. А какая от того польза получилась? Никакой. Ноль целых, ноль десятых и еще ноль в периоде. Вот». И в ответ на изумленный взгляд Андрея он с пьяной горечью пояснил: «На обмане самих себя семью не построишь, дите не вырастишь. Тут дебет с кредитом никогда не сойдется».

Щуплый, робкий, с бледным лицом и всегда удивленно поднятыми бровями, Зиновий Степанович вечно чувствовал себя в доме виноватым. Он был виноват, что стал бухгалтером, что не очень много зарабатывал, что не очень понимал музыку и вообще не был тонкой артистичной натурой, каковой считала себя его супруга. И потому Варвара Николаевна была убеждена, что оказала этому ничтожному человеку большую честь, выйдя за него замуж, что из-за этого погиб ее собственный талант — она так успешно музицировала в молодости! — что если Зиновий Степанович ко всему еще держит семью на своей нищенской зарплате, то это уже выше ее сил.

Громкие скандалы, которые Варвара Николаевна устраивала мужу, со слезами,

упреками и самыми ядовитыми насмешками происходили на глазах у дочери. А поскольку Зиновий Степанович в таких случаях даже не оборонялся, а, втянув голову в плечи, норовил поскорее сбежать из дому, то у девочки сложилось твердое убеждение, что мать во всем права и отец действительно искалечил ей жизнь. Поэтому очень скоро дочь стала активной союзницей матери, и жизнь для Зиновия Степановича стала невыносимой.

Но у него не хватало ни характера, ни даже желания изменить эту жизнь. Самое главное, что останавливало его, это слепая и какая-то безрассудная любовь к дочери. Он видел, что при всех унижениях и обидах, которым его подвергали в семье, он является ее единственным кормильцем, и потому считал, что ради дочери он обязан все сносить и при этом даже делать вид, что всем и всеми доволен.

И сейчас, думая о встрече с Зиновием Степановичем, Андрей испытывал смешанное чувство теплоты и жалости.

Совсем по-другому думал Андрей о своей бывшей теще. Эту жеманную и лицемерную женщину он не мог вспоминать без содрогания — ее крикливый, хрипловатый голос, выложенные на висках крашенные локоны, неестественно красные щеки и угольно-черные ниточки бровей, всю ее громоздкую, литую, как бомба, фигуру.

«Если бы ее не было дома», — думал Андрей, одной рукой толкая калитку, а другой прижимая к себе Вовкин автомобиль.

Калитка распахнулась, чертя нижним краем снег на дорожке, и громко стукнулась об ободранный ствол соседнего дерева. Как видно, в доме этот стук был слышен и служил как бы оповещением о приходе. Не успел Андрей сделать и нескольких шагов, как обитая войлоком дверь дома приоткрылась и на крыльцо вышел Зиновий Степанович в валенках и синей стеганке нараспашку, под которой виднелась рубашка с галстуком. Щурясь от блеска снега, он не сразу узнал гостя. Только когда тот чуть не вплотную подошел к крыльцу, Зиновий Степанович, наконец, воскликнул:

— Андрей! Ну, смотри, пожалуйста! Ну, что за молодец!

Голос у него был обрадованный и чуть растерянный.

В тесной передней на Андрея налетел Вовка.

— Папа!.. Папочка!..

Андрей прижал к груди стриженую его головушку, шеей и подбородком ощущая шелковистые, по особенному пахнувшие волосы сына.

Вовку невозможно было оторвать.

— Папка мой... Папка... — бессвязно и нежно бормотал он. — Папка... — чуть не плача, повторял он.

И, наконец, расплакался.

— Ну вот, здрасте вам, — растерянно произнес Зиновий Степанович. — Разве так отца встречают?

Андрея охватило счастливое и благодарное чувство любви к сыну, который так его помнил и так ждал. «Ну, как можно нам жить врозь?» — с болью думал он, крепко прижимая к себе худенькое Вовкино тельце.

Наконец Вовка оторвался от отца, и все прошли в комнату.

— А мы одни, — весело объявил Зиновий Степанович. — Бабушка наша в Москву уехала.

Подарок Вовка принял с восторгом, а дед — только покачал головой.

— Этих автомобилей у него не знаю сколько, ей-богу. И все мало. Все тебе мало, да? — обратился он к внуку.

Вовка уже улыбался, бледное его личико, обсыпанное веснушками, покраснелось, глаза блестели, и он задорно и счастливо ответил деду:

— Мало! Мало! Совсем мало!

— Эх ты, — рассмеялся Зиновий Степанович, — голова два уха... А ну, покажи отцу весь свой автомобильный парк.

Видно было, что старик любит и гордится внуком и тот изрядно им командует, но не

так, как бабка и мать, а по-своему, дружески и шутливо.

Вовка между тем уже с увлечением носился из комнаты в комнату, выстраивая на полу, у ног Андрея, длинный ряд автомашин всех марок и цветов. Андрей обратил внимание, что, кроме подаренного им красного грузовика, был еще один, такой же, только изящнее, на резиновых шинах, с зеркальцем.

Зиновий Степанович, кивнув на эту машину, сказал:

— Люся недавно подарила. Кто-то из Швеции ей привез.

Потом он спросил у Вовки, который, закончив таскать машины и сильно запыхавшись, привалился к колену отца:

— Ну, какая тут самая хорошая, а?

Вовка, не раздумывая, схватил грузовик, подаренный Андреем, потом, сопя, ухватил второй, который привезла Люся, и, тяжело ступая, подошел к Андрею.

— Вот. Вот которые... — тяжело дыша, объявил он. — И больше мне никого не надо. Никого!

Андрей вдруг почувствовал, как что-то защекотало у него в носу, и он привлек сына к себе.

— Ах ты, господи, — растроганно произнес Зиновий Степанович. — И все-то он понимает, горяшко ты мое луковое...

Старик достал платок, трубно высморкался и, вздыхая, сказал:

— Ах, Андрюша. Как это все у вас получилось ужасно. Как получилось...

Он и сам, видно, испугался, что задел эту тему, и с притворной бодростью объявил:

— А сейчас будем пить чай. И суетливо побежал на кухню.

...В Москву Андрей вернулся поздно вечером. Ржавина, как водится, дома не было. Андрей без ужина повалился на постель и тут же забылся беспокойным сном.

На следующий день ему должен был звонить Евгений Иванович, поэтому Андрей безотлучно сидел в номере гостиницы. Утром перед уходом Ржавин ему сказал:

— Нам так и не удалось установить, где живет этот тип. Телефон тот не его, вот в чем дело!.. Поэтому решено взять его под наблюдение с сегодняшнего дня, как только он с тобой встретится. Учти.

При этом Ржавин был необычно серьезен и не позволил себе ни одной шутки.

Андрей ждал. Но время шло, а Евгений Иванович не звонил. Почему-то не звонил и Ржавин.

Мысли одна тревожнее другой проносились в голове у Андрея. Куда же делся Ржавин? Значит, случилось что-то непредвиденное? Значит, Ржавин что-то прошляпил?

Но предпринять Андрей ничего не мог. И это было самое мучительное. Оставалось ждать.

Как и было условленно, Засохо позвонил Евгению Ивановичу с утра.

— Я вынужден принять ваше предложение, — расстроенным голосом сообщил он. — Давайте встретимся.

— Что ж, с удовольствием.

Голос Евгения Ивановича звучал совсем буднично, словно он ничего другого от Засохо не ждал, да и вообще это его нисколько не занимало.

— Где встретимся, когда? — спросил Засохо по привычке.

— Под вечер мне надо позвонить одному приезжему. Поэтому хотелось бы увидеться среди дня. Где вам угодно.

«Шеф» как бы подчеркивал, что Засохо теперь на службе у него не состоит и распорядиться, как прежде, он не собирается.

— Если не возражаете, — сказал Засохо, — я заеду за вами в ту же закусочную. Не хотелось бы, знаете, в публичном месте производить расчеты.

— Да, да. Понятно. Скажем, в три часа. Идет?

Они простились, и Засохо, весело поблескивая стеклами своих очков, вошел в столовую, по привычке ероша плотный ежик седых волос на голове.

После завтрака приехал Павел. Засохо взял его под руку и увлек к себе в кабинет. Там он тщательно прикрыл за собой дверь и, усаживаясь в кресло напротив Павла, вкрадчиво сказал:

— Ну вот. Настало время проверить нашу дружбу.

На лице Павла появилось выражение озабоченности и любопытства.

— Как же ты собираешься это проделать? — спросил он.

— Все узнаешь. Все. Но постепенно. Дело-то серьезное.

Засохо взглянул на часы, с усилием поднялся из глубокого кресла и вышел в переднюю, к телефону. Павел слышал, как с треском вертелся диск телефона, и думал: «Что-то нервничает Артур Филиппович», и вдруг почувствовал, что невольно начинает нервничать и сам. Потом до него долетел отрывистый голос Засохо:

— Это ты?.. Мы выезжаем. До скорого. Засохо возвратился в кабинет и тем же отрывистым тоном сказал:

— Поехали, Павлуша. По дороге все расскажу.

Но по дороге, в такси, Засохо угрюмо молчал, спрятав лицо в густой мех воротника, из которого только поблескивали стекла очков.

Павел плохо знал Москву и потому никак не мог понять, где едет машина, а адрес Засохо сказал шоферу так быстро и негромко, что Павел ничего не расслышал. Ему же очень хотелось знать, куда его везет Засохо, но спросить об этом его самого он не решался. Да и вообще разговор, не получился, после двух-трех вялых фраз оба замолчали.

А такси то мчалось по широким, расчищенным от снега проспектам, по сторонам которых взбухшей белой лентой тянулись заснеженные полосы газонов, то еле ползло по узким улицам центра или простаивало на площадях у светофоров в рокочущем море других машин. Миновав центр, такси опять вырвалось на какой-то другой из новых проспектов и, проплутав по внутренним проездам между шеренгами новых зданий, неожиданно выехало на шоссе. В конце концов такси остановилось около небольшого стандартного дома этажей в пять.

Засохо, а за ним и Павел не спеша поднялись на третий этаж, и Артур Филиппович своим ключом открыл дверь.

Квартира встретила их гулкой тишиной. Сняв пальто, они прошли в скромно обставленную комнату.

— Ну вот, Павлуша, — с деланной веселостью сказал Засохо, просторно разваливаясь в кресле. —

Здесь ты и останешься. Будешь за хозяина. Гостей встретишь.

— Что-то я тебя не пойму, — встревоженно сказал Павел.

Он подозрительно посмотрел на Засохо. А тот, резко меняя тон, отрывисто сказал:

— Короче. С одним человеком счеты надо свести. Ты поможешь.

— Как... свести?.. — опешил Павел.

— А так, — Засохо сжал волосатые кулаки. —* Если надо будет, измордуем до смерти!

Столько злости было в круглых глазах Засохо, так тряслись его губы, что Павел сразу поверил его словам.

— Сколько же ждать?

— Часа через два будем все.

— Да! Послушай, — вдруг опомнился Павел, — а если настоящие хозяева...

— Не придут, — нетерпеливо перебил его Засохо, надевая пальто. — Далеко они.

Когда за ним с каким-то странным лязгом захлопнулась дверь, Павел невольно посмотрел на ее необычные запоры. Таких замков он еще не видел. Потом вернулся в комнату, внимательно оглядел ее и перешел во вторую. «Эх, — с досадой подумал он. — А телефона-то здесь нет. Что же делать?»

Он снова вышел в переднюю и, заложив руки за спину, стал беспокойно ходить по ней,

что-то обдумывая. Видно было, что ситуация, в которую он попал, ему не нравилась.

Наконец, решившись, он быстро подошел к вешалке, поспешно натянул на себя пальто, надел шапку и устремился к выходной двери. Но дверь не открывалась. Сколько Павел ни нажимал, ни крутил диковинные замки, дверь даже не шелохнулась. Ушло не меньше получаса, пока он убедился, что один из замков заперт снаружи и без ключа его открыть невозможно.

Павел, тяжело дыша, некоторое время еще стоял перед дверью, словно ожидая, что после стольких затраченных им усилий она теперь должна открыться сама, потом устало снял пальто и направился в комнату. «Запер, сукин сын, — подумал он о Засохо. — Не доверяет. А почему не доверяет? А! Не все ли теперь равно почему?»

Он вяло опустился в кресло и несколько минут сидел без движения. Но мозг продолжал лихорадочно работать. Сомнений не было, то непонятное и страшное, что заподозрил вчера Павел, должно было случиться здесь. В этой квартире, по-видимому, готовилось убийство. И, оставаясь здесь, Павел не только не мог его предотвратить, но как бы становился даже его соучастником. Теперь ему был ясен замысел Засохо: скомпрометировать Павла так, чтобы назад ему пути уже не было, чтобы накрепко привязать его к себе общей ответственностью за тяжчайшее преступление.

Но неужели все это затеяно только ради убийства? Что-то уж слишком сложно...

Павел вскочил с кресла и принялся беспокойно ходить по квартире. «Что же делать? Что же делать?» — волнуясь, думал он. Впервые за свою беспокойную жизнь оказался он в такой нелепой ловушке.

Павел чувствовал, что ему начинают изменять, казалось, ко всему приученные нервы. Да, видно, он здорово устал за эти дни в Москве, которые только со стороны казались столь безмятежно-спокойными. И вот сейчас он просто не знает, что предпринять. А делать что-то надо. Он просто не имеет права сидеть здесь и ждать! Да, да, не имеет права!

Внезапно взгляд его упал на балконную дверь. Павел подскочил к ней, ломая ногти, еле выдернул из гнезд тугие шпингалеты и изо всех сил потянул дверь на себя. Ледяной ветер со свистом ворвался в комнату, сметая скатерку со стола и раскачивая под потолком трехрожковую люстру.

Павел высунулся на узкий, заваленный снегом балкон и, как ему ни было холодно, заставил себя внимательно осмотреть все вокруг. И, только приняв какое-то решение, он снова, уже на один шпингалет, прикрыл дверь и подошел к столу.

Павел достал из внутреннего кармана пиджака автоматическую ручку, при этом отметив про себя: «Напрасно я оставил дома документы». Из записной книжки он аккуратно вырвал чистый листок и, подумав, написал:

«А. Ф.! Я не привык сидеть взаперти. Так у нас ничего не получится. Если хочешь по-другому...»

Тут Павел перестал писать и собрался уже было зачеркнуть последнюю фразу, но, передумав, закончил :

«...То вот мой адрес: Тургенева, 15».

Положив записку на самое видное место, Павел снял с вешалки пальто и, не надевая его, вышел на балкон.

Поеживаясь под порывами ветра, он посмотрел вниз, на тротуар, где возле детской коляски сидела какая-то закутанная в платок женщина, потом перевел взгляд на соседний балкон. Там, за покрытым изморозью стеклом, мелькнула тень. «Кто-то дома», — подумал Павел, и эта мысль словно придала ему силы.

Вздыхнув, он размахнулся и бросил пальто на соседний балкон. Оно повисло там, зацепившись за барьер.

«Главное, не поднимать паники, — говорил себе Павел. — Они должны спокойно

прийти в эту квартиру». Он в последний раз огляделся и, решив, что никто его не заметит, медленно, обжигаясь руками о ледяные поручни, перелез через барьер и ступил ногами на покатый выступ стены.

Этот выступ тянулся к соседнему балкону. Расстояние было всего метра полтора. Три быстрых шага — и он уже на том балконе, так решил про себя Павел.

Ему вдруг стало страшно. Павел сделал неприятное открытие: оказывается, он не очень-то хорошо переносит высоту. Поэтому сейчас он старался не смотреть вниз. Он видел перед собой только тот балкон, свое пальто на его барьере и коротенькую, узкую белую дорожку вдоль стены, по которой ему предстояло пробежать над бездной. А эта бездна помимо его воли манила, притягивала к себе.

Но Павел упрямо сжал губы и, набрав зачем-то побольше воздуха, с силой оттолкнулся от барьера, за который держался. Раскинув в стороны руки и судорожно прижимаясь спиной к холодной, неровной стене, он заскользил по узкому выступу.

В тот же миг нога его споткнулась о невидимую под снегом выбоину. И сразу Павел ощутил свою незащищенность перед бездной внизу. Все вдруг замутилось у него перед глазами, к ногам прилила волна слабости, подступила тошнота. Павел нелепо взмахнул руками, на миг удерживаясь в каком-то скрюченном положении на обледенелом выступе стены, и тут же с глухим возгласом рухнул вниз.

...Между тем Засохо, поймав такси, помчался домой, где его должен был ждать Афанасий Макарович.

С шумом войдя в переднюю, он спросил жену:

— Афоня здесь?

— Нет еще!..

В этот момент раздался звонок. Засохо поспешно открыл дверь. Пришел Афанасий Макарович. Он шариком вкатился через порог, румяный больше, чем обычно, возбужденный. Сняв с головы каракулевый пирожок и обнажив розовый череп с воздушно-белым хохолком, Афанасий Макарович галантно поцеловал руку Софье Антоновне и нетерпеливо обратился к Засохо:

— Что же ты, родненький? Пора, пора. Половина третьего.

В знакомой закускойной их поджидал Евгений Иванович.

Он пришел пораньше, чтобы спокойно поесть, и сейчас, уставившись в одну точку, равнодушно жевал что-то. Мысли Евгения Ивановича были далеко отсюда. Когда он только уселся за этот столик, он думал о Засохо, этой жирной и глупой скотине, из которой он вынет сейчас кругленькую сумму. Кого захотел обвести вокруг пальца — его, Евгения Ивановича, которого сам Грюн мечтал перед смертью видеть своим компаньоном! К сожалению, они встретились в колонии. Евгений Иванович отбывал там свой третий срок. На этот раз он сгорел на «левой» резине, вульгарной продержечной резине, которая давала, однако, очень неплохой доход.

Мысли Евгения Ивановича перескочили на сегодняшние заботы. Да, теперь у него чулочное «дело», он ведет его с размахом, по-крупному и, как всегда, рискованно. Чего стоит одна переброска за рубеж! Это дает неслыханную прибыль. Но тут нужна особая осторожность. Размах прибыли такой, что Евгению Ивановичу иногда кажется, будто последний указ составлен исключительно ради него.

Он привык к своей необычной, двойной жизни.

Ловкие комбинации, надутые ревизоры, заискивающие дельцы помельче, подачки одним, взятки другим, дележ с третьими, тайные свидания, условные звонки и... страх, идущий за ним по пятам. А рядом со всем этим — выступления на собраниях, доклады начальству, скромный служебный завтрак в буфете перед шумным ночным кутежом. Это вся его жизнь, сегодняшняя жизнь. А завтра... Как знать, что будет завтра! Немалый капитал в валюте и в «камушках» спрятан в нескольких надежных местах.

Но остановиться Евгений Иванович уже не может, пробовал. Это выше его сил. Да и не хочет! Вот и сейчас он вытащит из глотки у этого Засохо условленную сумму, вытащит,

даже если тот потом подохнет с голоду!

Евгений Иванович словно от какого-то толчка вдруг поднял голову и увидел, как между столиками пробираются к нему Засохо и с ним Афанасий Макарович. Евгений Иванович сдержанно усмехнулся.

— А, и Афоня здесь. Ну, здравствуй, старый греховодник.

— Здравствуйте, Евгений Иванович, — заискивающим тоном ответил тот, подкатываясь к столику и торопливо пожимая протянутую ему руку.

Евгений Иванович поморщился и подозвал официантку. Через минуту все трое вышли на улицу.

Ехали долго. Когда машина уже мчалась по шоссе, Евгений Иванович иронически заметил:

— Это недалеко только сравнительно с поездкой в Тулу, например.

Наконец они приехали, и Засохо отпустил такси. В полутемном подъезде, о чем-то разговаривая и греясь у батареи, стояло двое мужчин.

Поднявшись на третий этаж, Засохо своим ключом отпер дверь.

— Павлуша! — крикнул он. — Принимай гостей!

Ответа не было. Засохо, удивленный и встревоженный, вбежал в комнату и огляделся. На темном, без скатерти столе белела записка. Засохо лихорадочно пробежал ее глазами и снова, уже растерянно, огляделся. У порога стоял Евгений Иванович.

В передней позвонили. Афанасий Макарович поспешно открыл дверь. Не здороваясь, вошли те двое, что грелись в подъезде. Один из них, войдя в комнату, тут же подскочил к Евгению Ивановичу и с такой силой неожиданно ударил его в лицо, одновременно подставив подножку, что тот со стоном грохнулся на пол. Второй из вошедших навалился на него, выкручивая руки.

Началось избиение.

Засохо поспешно вышел на кухню. Здесь он, оцепенев, еще долго стоял с запиской в руках. До него доносились стоны, вскрики, шипящая ругань и раскаленный, визгливый голос Афанасия Макаровича:

— Так его!.. В морду бей!.. Ничего, ничего, потом подотрем, бей!..

Стоны перешли в вой, и он тут же оборвался. Послышалось глухое мычание. Видно, Евгению Ивановичу чем-то заткнули рот..

Это продолжалось долго, Засохо даже не смотрел на часы. Когда он, наконец, пришел в себя, то увидел в руках злосчастную записку. Минуту он напряженно смотрел на нее, потом решился и вошел в комнату.

Евгений Иванович лежал ничком на полу, глаза его были закрыты, из разбитого, вспухшего носа струйками растекалась по полу кровь. Один из бандитов бил его ногами. При каждом ударе Евгений Иванович хрипло вскрикивал.

Второй бандит, все еще в кепке и полушубке, с интересом рассматривал небольшой, вороненой стали пистолет. Увидев Засохо, он сказал:

— Этот фрайер при себе таскал. Видели?

— Дайте его мне пока, — сам не зная зачем, сказал Засохо и положил пистолет в карман.

Афанасий Макарович стоял тут же. Лицо его и голый череп были апоплексически красными, зубы ощерились, и весь он казался каким-то разъяренным зверьком.

— Я сейчас приду, — сказал Засохо и, брезгливо взглянув на Евгения Ивановича, добавил: — Как бы... не того.

Афанасий Макарович оскалился в улыбке.

— Не бойся, родненький. Живучий. Приведем в себя, и он напишет. Все, что надо будет, напишет, — он повернулся к одному из бандитов) — Ленечка, поставь чайник. Кипяточек понадобится.

Засохо вышел на лестничную площадку. Его бил озноб и слегка мутило. Держась за

перила, он стал нетвердо спускаться по лестнице.

У подъезда он увидел закутанную в платок старуху возле детской коляски. Засохо огляделся, не зная, что предпринять. Он подумал, что Павел мог выбраться из квартиры только через балкон, и, запрокинув вверх голову, попытался найти этот балкон.

Старуха сначала молча следила за ним, потом словоохотливо сообщила:

— Вот отсюда и часу нет, как сверзился один. Воровством, видать, занимался. Ну, господь и наказал.

— Как же это случилось, бабушка? — быстро спросил Засохо.

— А вот так и случилось. На глазах моих упал, ну и все. «Скорая» прибрала.

Засохо, бледнея, с надеждой спросил:

— Но жив-то он остался?

— Куда там, — махнула рукой старуха.

Шатаясь, Засохо возвратился в квартиру.

Там в это время разыгрывалась дикая сцена. У стола, покачиваясь, сидел весь мокрый, в разорванной рубаше, избитый Евгений Иванович. Сбоку его поддерживал один из бандитов. Другой держал над его головой чайник с кипятком. На столе перед Евгением Ивановичем лежала бумага.

— Пиши дальше, сволочь! — визжал Афанасий Макарович. — Лично комиссару Мишину преподнесем, если не уплатишь!

Увидев входящего Засохо, он крикнул ему:

— Порядочек, родненький! Три дела описал. За них уже вышка обеспечена. Четвертое...

Но тут Евгений Иванович вдруг замотал головой и, шамкая разбитым ртом, проговорил:

— Все... Ничего... больше...

— Ленечка, а ну! — крикнул Афанасий Макарович.

Дикий вой оглушил на секунду Засохо. Пошатываясь, он вышел из комнаты и долго сидел в темной кухне, забыв зажечь свет и болезненно прислушиваясь к стонам, доносившимся из комнаты.

Потом появился Афанасий Макарович. Он зажег свет и хвастливо сообщил:

— Все. Готова исповедь. Но денежки за нее не дает. Мычит, сволочь, кровью исходит, а не дает, — он озабоченно посмотрел на Засохо. — Кончать его надо. Все равно уж. Ночи дождемся и... увезем подальше. Как думаешь?

Засохо вдруг засуетился, встал и, нервно протирая платком очки, сказал:

— Да, да, Афоня. Раз так, то... конечно. Оно, пожалуй, и вернее. А машину я достану.

Приятель понимающе улыбнулся друг другу. Оба почувствовали несказанное облегчение. Итак, не будет больше Евгения Ивановича, страшного человека, который так цепко держал их обоих за горло, давно, оказывается, держал. Может, и в самом деле так лучше, чем содрать с него деньги? Конечно, лучше! Деньги они заработают и без него.

Не сговариваясь, они опустили на стулья и закурили. Афанасий Макарович, тяжело отдуваясь, проговорила

— Фу! Прямо гора с плеч, родненький! Ловко мы, однако, а, кура тебя забери!

Артур Филиппович, продолжая успокоенно улыбаться, кивнул головой. Не мог же он предвидеть, как дальше развернутся события.

...Поздно ночью ворвавшись домой, Засохо крикнул перепуганной жене:

— Быстро! Чемодан! Уезжаю!

— Куда? — всплеснула руками Софья Андреевна.

— К черту!..

ГЛАВА 7. ЛИЧНЫЙ ДОСМОТР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Наутро Ржавин, придя в управление, сказал сотруднику, который по могал ему в «московских делах»:

— Нет, ты только подумай. Пропал Евгений Иванович. Пропал Засохо. И тот дом мы вчера так и не нашли. Они же, как близнецы, дома на той улице! Даже работники «Скорой» запутались.

— Ну, ты, во-первых, не очень-то плачь. И без этих двоих ты нас вывел на такое дело и столько связей обнаружил, что памятник тебе уже обеспечен. Во-вторых, ты с какого этажа спланировал?

— С третьего. Падать тоже надо уметь. Но что теперь будем делать, а?

— Искать этих двоих. Чего же еще?

Искать! Как будто Ржавин не искал. Вчера по его просьбе сотрудники Московского уголовного розыска обзвонили все больницы, поликлиники, все вокзалы и райотделы милиции, даже морги. Все было безрезультатно. Два человека будто канули в прорубь. «Что-то случилось, — говорил себе в волнении Ржавин, — что-то случилось».

Он попросил суточную сводку происшествий по Москве и стал придирчиво ее изучать. Никто из тех двух не упоминался в сводке, никто из них не был жертвой преступления или несчастного случая. Но зато Ржавин обратил внимание, что в сводке упоминалась улица, куда таксист возил его и Засохо. Он с особым вниманием перечитал то, что относилось к этой улице. Там около одного дома ночью нашли человека, раненого и ограбленного. Грабителей спугнул водитель такси. Они бросили свою жертву и скрылись на машине. У раненого нет при себе документов, и личность пока не установлена. И это на той самой улице!

Чутье подсказало Ржавину, что надо обязательно взглянуть на этого человека. Он поехал в больницу.

Как только Ржавин увидел пострадавшего — его худое лицо с черными сросшимися бровями, светлые щелки-глаза, — он сразу узнал Евгения Ивановича, хотя до этого видел его один только раз.

Пострадавший уже пришел в себя, даже поел и дал первые показания следователю районного отделения милиции. Их Ржавин прочел, захав по дороге в это отделение. По словам Евгения Ивановича, неизвестные ему люди напали на него в тот вечер, затащили куда-то, ограбили и избili.

— Здравствуйте, Евгений Иванович, — сказал Ржавин, подходя к постели.

Больной пристально посмотрел на него и глухо, почти не открывая рта, ответил:

— Я вас не знаю.

Потом он еще раз, уже с интересом, посмотрел на Ржавина и медленно произнес:

— Впрочем... Где-то я вас видел.

— Возможно.

— Где же? Ржавин усмехнулся.

— Мы однажды ели в одной закуской, на Арбате.

Евгений Иванович метнул на него короткий, острый взгляд из-под лохматых бровей и сдержанно спросил:

— Зачем я вам понадобился?

— Мне надо знать, кто с вами так обошелся.

— Я все уже сообщил следователю.

— Вот в связи с вашими показаниями я и пришел сюда и надеюсь, вы сообщите кое-что еще.

— Напрасно надеетесь. Я их не знаю, понятно вам? — резко, чуть насмешливо ответил Евгений Иванович, но при последних словах злость настолько исказила его изуродованное лицо, что Ржавин невольно подумал про себя, что, имея такого врага, спать уже спокойно не будешь.

— Но если я их встречу... — добавил он с угрозой. Ржавин усмехнулся.

— Может быть, мы вам поможем?

— Вряд ли.

— Что же передать Артуру Филипповичу?

— Слушайте, — пытаюсь улыбнуться, болезненно скривился Евгений Иванович. — Бросьте дешевить. И не берите на пушку.

— И Афанасию Макаровичу тоже ничего не передадите? — вежливо осведомился Ржавин.

Евгений Иванович презрительно покосился на него.

— В первый момент вы произвели на меня впечатление умного человека. Вы меня разочаровали.

— Жаль. Вас, конечно, удивляет, что я так поспешно открыл карты?

— Да, почему вы открываете карты?

— Потому что я приехал к вам из Бреста, — очень серьезно ответил Ржавин, но, не удержавшись, добавил насмешливо: — На таком длинном пути встречаешь много интересных людей.

— Ну вот что, — решительно и чуть устало произнес Евгений Иванович. — Мне еще тут лежать и лежать. Как я понимаю, домой я отсюда уже не вернусь. Так?

— Не знаю.

— А я знаю. И я буду отвечать на ваши вопросы только после очных ставок. Не раньше, — он болезненно скривился в усмешке. — Я здесь. Теперь ищите других.

Андрей чуть-чуть приоткрыл глаза. На улице было еще совсем темно. Ржавин, постанывая, ворочался на соседней постели. Бедняга! Наверное, все тело у него болит. Подумать только, сорваться с третьего этажа. Черт его носит! Да и с делами, видно, у него не ладится. Но что — не говорит. Ну, и работка!

Интересно, когда он кончит институт и займется диссертацией, он уйдет из уголовного розыска? Скорей всего нет, не уйдет. Эта работа по нему.

Мысли перескочили на его, Андрея, собственные дела. Во всем ли он прав, осуждая Люсю? Эгоистка? Но, может быть, у нее такие запросы, каких нет у него? Она говорит, что не может жить не в Москве, а он вот может. Конечно, в Москве театры, музеи, концерты, приезжие знаменитости, выставки, библиотеки... Что еще? Ах, да, «общество», как говорила Люся. Ей недоставало в Бресте еще и «общества». Но если на то пошло, то общество Жгутиных, Вальки Дубинина, Ржавина даже выше их московского круга знакомых. Правда, все это без столичного блеска, без модных песенок, без походов в ресторан. Но это же форма, а люди-то интереснее. Конечно, в Бресте нет Большого театра, нет МХАТа, нет чехословацкой или американской выставки. Хотя в Большом они с Люсей бывали раз в году, а во МХАТе — и того меньше. Но все же... так чем же все это заменяют себе такие люди, как Дубинин или Ржавин? Они очень много читают, они все время спорят и чего-то все время добиваются. Андрей знает, чего они добиваются. Геннадий, например, кончит институт, будет защищать диссертацию. О, это будет юрист с широкими взглядами! Стоит только уже сейчас его послушать. К тому же Валька учит языки — испанский и итальянский. Это в придачу к английскому и французскому. У него безусловные способности к языкам. А в таможне — неплохая практика. И потом Валька страстно интересуется живописью и театром. Наконец, Валька еще работает в партбюро. Между прочим, Люся когда-то тоже была у них в институте в комсомольском бюро.

Думая обо всем этом, Андрей одновременно, как бы вторым планом, думал и о том, как легко и просто ему сейчас рассуждать о Люсе, как без всякой боли и тоски вспоминает он их жизнь в институте. Люся для него сейчас, к сожалению, далекий и, пожалуй, чужой объект для рассуждений. Перегорело в нем что-то. Вспоминая Люсю, думая о своих спорах с ней, Андрей хотел решить для себя, почему это, черт возьми, считается, что культурный, интеллигентный человек может жить только в Москве, ну, еще в десятке городов. А вот в Бресте он жить, к примеру, не может? Чушь? Скажем, Андрей не стал менее интеллигентным, работая в Бресте. А может, еще станет? Ведь московские театры, концерты,

выставки — это культура, высокая культура. Так как же? Наверное, есть разные методы усвоения культуры, и интеллигентный человек, в зависимости от условий, избирает тот или иной метод. Да, все зависит от широты твоих интересов, от твоей воли, от воспитанных в самом себе взглядов и привычек. А интеллигентные, культурные люди есть всюду и всюду нужны. Вот так-то, дорогая...

Андрей заворочался и поднял голову.

— Вставай, подымайся, рабочий народ, — громко объявил Ржавин, откидывая одеяло.

Перед уходом он сказал Андрею:

— Все, старик. Московские дела твои закончены. Закрывай командировку и вечером айда домой, в Брест. Завтра утром пусть Светлана тебя и встречает.

— Упражняешься в остроумии? — сердито осведомился Андрей.

— Ну, ну. В общем собирайся.

— А ты?

— Я на денек задержусь. Не все, старик, гладко получается. Не все. И так, вечером я тебя провожаю. Понятно? От лица командования — спасибо, но с оркестром и именными часами подожди.

Он все еще бодрился и шутил, этот Ржавин. И это был не наигрыш, нет. Он действительно был бодр и полон энергии. А ведь Андрей ясно видел: неприятности были, большие неприятности.

...Поезд приходил в Брест рано утром. И все эти долгие ночные часы под стук колес и тягучие гудки паровозов Андрей не сомкнул глаз. Чем-то волновало его возвращение в Брест, чем-то радовало. Неужели он так привык к этому городку? Неужели ему приятно возвращаться в пустой дом, где все напоминает ему о случившемся несчастье? Нет, нет! Не то! Ему сейчас радостно оттого, что его ждут там. Ну, конечно же, ждут! А кроме того, его ждет там работа. Интересная работа, честное слово! И как это радостно чувствовать, что ты нужен, что тебя ждут!

Постепенно мысли перешли, на город, куда он ехал. Раньше, год назад, Брест для него был город, как все другие. А оказалось, что это не просто пограничный город. Старинная крепость, ставшая памятником бессмертного мужества советского народа, как бы осеняла и его своей великой славой. Андрей видел, с каким нетерпением устремлялись в крепость даже самые занятые и мимолетные гости Бреста, видел, с каким благоговением осматривали они ее опаленные огнем неслыханных боев, полуразрушенные стены. И отсвет этой героической славы падал на город, вселяя в душу каждого жителя его чувство какой-то особой ответственности за все, что здесь происходит.

В этом городе удивительно сливались воедино слава героев минувшей войны и особая гордость счастливым правом первыми встречать на советской земле ее гостей из-за рубежа, ее друзей и братьев из многих стран мира. Их слезы радости, их объятия на перроне Брестского вокзала наполняли душу Андрея гордостью за то, что он живет и работает именно здесь, в Бресте. И даже вокзал, поначалу казавшийся ему излишне торжественным и пышным, теперь радовал его именно этими качествами, так созвучными тем волнующим минутам, когда гости страны впервые вступали под его гулкие, величавые своды.

И вообще все сейчас в Бресте казалось Андрею совсем не таким, как в первые дни. Просто удивительно, как собственное душевное состояние окрашивает весь окружающий тебя мир!

...В купе все спали. Под потолком светила синяя ночная лампочка. Она погасла только на рассвете.

Точно по расписанию поезд подошел к перрону Брестского вокзала.

Андрей вошел в свою пустую, но тщательно прибранную квартиру и удивленно огляделся. Ключи он оставил Жгутиным, но ему казалось, что Светлана только что вышла отсюда: свежая скатерть и незнакомая вазочка на столе, на окне — совсем недавно политые цветы и десятки других, милых и добрых примет.

Он еще не успел разложить вещи и помыться, как зазвонил телефон. И радостный голос

Светланы:

— Андрюша, здравствуй! С приездом. Скорей иди к нам завтракать.

— Откуда вы знаете, что я приехал? — удивился Андрей.

— Как «откуда»? А телеграмма?

— Какая телеграмма? А, хитрец! — Андрей, сразу догадавшись, рассмеялся. — Так он дал вам телеграмму?

— Кто? Я ничего не понимаю.

— Ржавин, кто же еще.

— Ой, какой умница! Ну, иди же скорей. Папа сердится.

— Иду, иду...

За завтраком Федор Александрович хмурился, потом, как бы между делом, сказал, что сегодня он и Филин уезжают в Москву.

— Для доклада. Есть, видите ли, сигналы какие-то! Знаю я этих сигнальщиков! Встречал на своем веку. И не одного. Опыт имеется.

Тут только понял Андрей, почему Жгутин так разозлен, почему исчезли куда-то его обычная мягкость и жизнерадостность.

— Это хорошо, что вызывают. А не то я бы сам потребовал! Надо с этим кончать раз и навсегда. Решительно, черт побери! — гневным тоном продолжал Федор Александрович.

На работу Андрей пошел один. Жгутин готовился к отъезду.

Когда Андрей шел по мосту над железнодорожными путями, поеживаясь от пронзительного ветра, обжигавшего лицо, он услышал позади себя торопливый возглас:

— Шмелев!.. Стой!..

Андрей обернулся. Ну, конечно! По мосту к нему бежал Валька Дубинин. Круглое, покрасневшее от ветра лицо его с кнопкой-носом, словно вдавленным между литыми буграми щек, улыбалось, как всегда, широко, но со скрытым лукавством. Казалось, Валька вот-вот скажет что-то ехидное и дерзкое. Но он, задыхаясь, только обрадованно спросил:

— Приехал? Ну, чего хорошего?

— Ничего хорошего.

Андрей, находившийся под впечатлением слов Жгутина, все еще полный досады за него, рассказал Вальке о том, что он узнал за завтраком.

Валька гневно слушал, щеки его пылали. Наконец он не выдержал.

— И мы это так оставим, да?! Мы ведь тоже знаем, откуда идут эти так называемые сигналы! — Валька просто захлебывался в словах. — Филин думает, что живет при старых порядках!

Они уже подошли к вокзалу, и разговор сам собой прекратился.

Надя вернулась с работы усталая и издерганная. «Провались совсем эта жизнь, — с раздражением думала она, — никаких нервов на нее не хватит». Скинув пальто, она прошла в комнату и опустилась на кушетку. Некоторое время Надя сидела на самом краешке, сгорбившись, зажав ладони между колен, не в силах ни лечь, ни встать и разогреть обед. На красивом лице ее вдруг явственно проступили морщинки, под глазами и в уголках рта.

Сегодня у Нади был трудный день. Единственная постоянная ее клиентка, одно время работавшая администратором гостиницы, прибежала в слезах и сказала, что больше она покупать у Нади «частным образом» ничего не будет. Обо всем узнал муж и такое ей наговорил, что она не спала всю ночь. Как будто она собиралась позорить семью, позорить Брест! Но если, муж так считает, то она не будет. Нет, нет! Она, дура, его почему-то любит. И опять пошли слезы.

Надя вздохнула. А кого любит она? И кто ее любит? Да, единственный человек, который любил ее по-настоящему, это был Платон, ее муж, которого она прогнала еще тогда, в Москве. Она считала его слизняком, он не помогал ей добывать деньги, просто не умел и... и не хотел. Собственно говоря, почему он слизняк? Вот не хотел и не помогал, и она ничего не могла с ним поделать. И потом, когда ее арестовали, он все рассказал, что знал. А ведь

любил ее. Значит, не просто ему это было. Эх, Платоша, Платоша, где-то ты сейчас, с кем?..

А вот она по-прежнему одна, ее никто не ждет дома.

Надя снова вздохнула и, потянувшись, встала. Надо было все-таки поесть.

В этот момент в передней раздался звонок. Надя насторожилась. Кто бы это мог быть? Сейчас она никого не ждала. А вечером должен был прийти Семен. Но это вечером...

В передней снова прозвенел звонок.

Сейчас, сейчас... Надя почувствовала внезапный холодок в груди. О, господи! Сколько нервов стоят такие звонки, будь они неладны!

Надя подошла к двери и прислушалась. За дверью кто-то негромко кашлянул, переступил с ноги на ногу, проворчал что-то. Кажется, это была женщина.

Решившись, Надя щелкнула замками, и дверь открылась. На пороге стояла Полина Борисовна Клепикова, маленькая, сутулая, вся в черном.

— Ты что, милая, оглохла? — проворчала она. — Али мужика прячешь?

— Что вы говорите, Полина Борисовна! — досадливо ответила Надя, уже сердясь на себя за испуг.

Клепикова прошла в комнату, подозрительно огляделась, потом скромненько села в самом углу, расправив складки на коленях.

— А я уж думаю, не заболела ли, — равнодушным тоном сказала она. — Признаков не подаешь.

— Нету их, признаков, вот и не подаю.

— Али случилось что? — Клепикова бросила на Надю остренький взгляд.

Надя в это время накрывала на стол, вынимала посуду из буфета.

— Ничего не случилось. Пообедаете со мной?

— Можно и пообедать. Из Москвы-то что слышно?

— Ничего не слышно.

— Артур-то молчит?

— Молчит.

— И этот... как его?.. Евгений-то Иванович тоже молчит?

— Тоже молчит.

Клепикова некоторое время задумчиво жевала губами, следя, как суетится Надя, потом сказала:

— Евгений-то Иванович, говорят, будто письмо какое получил и с Артуром того, разошелся.

— Не слышала я про это, ничего не слышала, — резко, пожалуй даже слишком резко, ответила Надя.

Но очень уж неожиданным было известие Клепиковой. Откуда она знает про письмо? Значит, у нее есть какие-то связи с Засохо, или с Евгением Ивановичем, или с кем-то еще, о которых Надя ничего не знала. Выходит, и доверяют ей больше? Ох, и хитра же, оказывается, эта старая карга! Надя насторожилась и решила выведать побольше у своей гостьи.

— Что значит — разошлись? — обеспокоенно спросила она. — Нам-то с кем работать?

А про себя она подумала, что ни с кем она уже работать не хочет — устала, издергалась, и ничего в жизни ей сейчас, кажется, не нужно, только бы оставили ее в покое.

— А работать — с кем пожелаешь, — уклончиво ответила Клепикова. — С Артуром, допустим.

— Провались он, твой Артур! — воскликнула Надя, не в силах скрыть своей злости. — Знать его не хочу, не только что...

Клепикова с любопытством посмотрела на нее.

— Ты, милая, очумела, что ли?

— Очумеешь тут!

— Да чего ты на Артура-то собачишься? Что он тебе сделал?

— Полина Борисовна! Да если бы вы... Да он в грош нас не ставит, пешки мы для него,

прислуга. Вот... Ну, скажите, Полина Борисовна, — Надя вдруг остановилась с тарелками в руках перед Клепиковой, — скажите, вы хотите войны?

— Ты что, милая, сдурела? Не дай бог.

— Вот видите! А ему все равно! Он на деньги свои проклятые надеется! Он думает, если всем будет плохо, то ему, жабе, все равно будет хорошо!

Надю всю трясло от ненависти.

— Ну, уж это ты порешь невесть что, — покачала головой Клепикова.

Надя и сама не знала, почему вдруг в ее памяти всплыли те слова Засохо о войне, но сейчас они так же ошеломляли ее, как и в первый раз. Она и не подозревала, что эти слова вооружили ее против Засохо куда больше, чем любые его подлости по отношению к ней самой. Эти слова заставили ее впервые задуматься о том, кто же она в конце концов, неужели она враг всем другим людям? До сих пор Наде казалось, что своей погоней за деньгами она не причиняет никому вреда. Обман, хитрость и риск — это все, по ее представлению, относилось к закону и лично никого из людей не задевало. И вот теперь Надя не раз возвращалась к обжегшей ее вдруг мысли. Неужели она враг другим людям? Неужели, если всем им будет плохо, то ей и этому Засохо будет хорошо?

А Клепикова между тем, помолчав, равнодушно спросила:

— Ты, случаем, не знаешь такого человека, Соловей Глеб Романович?

— Да что он вам всем дался, этот Соловей? — удивилась Надя. — Вот и Артур твой тоже. Аж из Москвы звонил.

Клепикова сердито поджала губы.

— Уж в крайности Артур твой, а не мой. А вот человек этот... Выходит, ты его знаешь?

— Знаю, знаю. Теперь уж совсем знаю.

— Как это понимать «теперь»?

— А так. Познакомилась недавно.

— Да ну?

В глазах Клепиковой зажглись такие любопытные огоньки, так она вся подалась вперед при последних Надиных словах, что та невольно усмехнулась.

— Чего вы удивляетесь? Я его нарочно потом разыскала, — она подмигнула. — Вдовец небось.

— Ага. Верно.

— А почему он вас-то интересует? — с любопытством спросила Надя.

Клепикова пожевала губами, не спеша ответила:

— Должок один просили с него получить. Под расписочку брал.

— А-а. Ну, получайте, получайте. Надя побежала на кухню, прикрутила керосинку, потом пригласила Полину Борисовну к столу.

— Юзeka-то когда ждешь? — спросила Полина Борисовна.

— Ждать его еще! И так завтра приедет.

— Ну, и много привезет?

— Почем я знаю!

А про себя Надя тоскливо подумала: «Хоть бы ничего не привозил, старый пес...»

— И куда же ты все это?... — настороженно спросила Клепикова. — Артуру?

— Вот он что у меня теперь получит! Видали? И Надя сделала выразительный жест рукой.

— Смотри, милая, не дай маху, — задумчиво сказала Клепикова. — Тут шутить с тобой не станут.

Обед закончился в отчужденном молчании. Клепикова, встав из-за стола, сразу же ушла.

А Надя повалилась на кушетку и долго лежала на спине, подложив руки под голову. Сон не шел, и мыслей не было. Было лишь какое-то усталое оцепенение.

Вечером к Наде пришел Буланый.

Он был взволнован недавним разговором с Филиным. Того, оказывается, вместе с

Жгутиным вызывают в Москву. «Кажется, я привезу неплохие новости, — многозначительно сказал Филин. — Готовьтесь». У Буланого весело забилося сердце: он догадывался, что это будут за новости.

Полный волнения и радостного ожидания, пришел Буланый к Наде. О, здесь он тоже надеялся, тоже ждал! В том состоянии, в котором он находился, Буланый даже не заметил усталости и раздражения на лице Нади, не почувствовал этого в ее словах. И на вопрос: «Что нового, Семен?», он бодро ответил:

— Все хорошо, прелестная маркиза!

Надя поставила чайник, и вскоре они сели за стол. Буланый принес вино, и они пили и чай и вино. Потом Надя пела.

Подсев к ней ближе, Буланый пытался обнять ее, Надя сначала отстранялась, потом ей это надоело. На душе было все так же горько и противно.

И еще одна мысль, вдруг возникнув, не давала Наде покоя. Зачем все-таки приходила Полина Борисовна? Так раньше не бывало, чтобы она приходила без зова, без телефонного звонка. И почему ее так взволновало то, что Надя рассказала о Соловье? Хитрит, старая. И почему она так интересовалась Юзеком? И потом эта угроза, которая была в ее последних словах. Что бы это значило? Все это так не похоже на Полину Борисовну.

Надя с раздражением подумала о Юзеке, о его завтрашнем приезде и, скосив глаза на обнявшего ее за плечи Буланого — он был ниже ее и ему это было неудобно, — она, вздохнув, спросила:

— Помнишь, ты просил испытать тебя?

— Конечно, помню.

— И не раздумал?

— Ну, что ты говоришь, Наденька, — он вдруг с силой повернул ее к себе, — ты же знаешь, как я к тебе отношусь...

Надя капризно покачала головой.

— Перестань, Семен. Лучше я тебя действительно испытаю.

— Что ж, испытай!

Надя, помедлив, — ей почему-то вдруг расхотелось говорить, — наконец, сказала:

— Ты будешь завтра встречать берлинский экспресс?

— Конечно.

— Ты... ты можешь сделать так, чтобы осматривать вагон-ресторан?

— Что?! — опешил Буланый и, все еще не веря тому, что услышал, переспросил: — Вагон-ресторан?

— Да. А почему ты так удивился?

Буланый секунду собирался с мыслями. «Я должен ее предупредить, должен спасти. Я же люблю ее!» И он веско, со значением сказал:

— Надя, ты не должна даже думать об этом.

— О чем?

— Об этом вагоне. Ведь ты о чем хотела меня попросить?

— Пожалуй... ни о чем.

— Это самое лучшее. Я тебя прошу, Наденька, я тебя просто умоляю...

— Не надо меня умолять!

Надя тряхнула головой. Все ясно. На Юзека уже нацелились. Что ж, тем лучше! Боже, как ей надоела такая жизнь, как она устала от нее, если бы кто-нибудь только знал! Но что же делать? Как теперь избавиться от Юзека? Он не должен больше таскать к ней товар. О, Надя, наконец, хочет быть свободной, хочет перестать бояться всего, хочет жить, как все люди! Но на память снова пришли слова Полины Борисовны: «Тут, милая, шутить с тобой не станут». Что это может значить? Кто не будет с ней шутить? Страшно...

Надя зябко повела плечами. И Буланый еще крепче прижал ее к себе.

И тут вдруг у Нади блеснула злая мысль. Ах, так? Ну, и она с ними шутить тоже не будет!

— Ты знаешь, Семен, — сказала она. — Я ведь не зря спросила о вагоне-ресторане...

Экспресс Берлин—Москва пересек границу и точно по расписанию подошел к блокпосту Буг. Таможенники вышли на продуваемую всеми ветрами насыпь и разбрелись вдоль состава.

Мимо Андрея деловито пробежал Буланый, и Андрей невольно вспомнил, как сегодня утром Буланый вдруг попросил Шалимова назначить его на досмотр вагона-ресторана. «У меня с этим Юзеком старые счеты», — угрожающе заявил он, бросив при этом быстрый взгляд на Андрея и как бы говоря ему этим взглядом: «Видишь, я хочу сам исправить свою ошибку, и я ее исправлю, ты меня еще не знаешь». Да, признаться, Андрей не ожидал от Буланого ничего подобного. Шалимов обычным своим недовольным тоном заметил, что никто не должен во время таможенного досмотра сводить какие-то счеты и чтобы он больше не слышал от Буланого таких слов, но тем не менее назначил его досматривать вагон-ресторан. Семен после этого весь день ходил в таком приподнятом настроении, что окружающие с невольным удивлением поглядывали на него. Вместе с другими удивлялся и Андрей.

Они не разговаривали с того самого дня, когда Андрей назвал его трусом. В тот день произошел памятный инцидент с итальянской делегацией. С тех пор они молчаливо и недоброжелательно избегали друг друга.

Поэтому, заметив сейчас напряженное, взволнованное лицо Буланого, пробежавшего мимо него вдоль состава, Андрей, усмехнувшись, подумал: «Самолюбивый он парень, решил мне что-то доказать».

Андрей взобрался на площадку своего вагона и толкнул тяжелую дверь.

— «Декларации» раздали? — спросил он встретившего его проводника.

— Раздали, — ответил тот и, понизив голос, добавил: — В третьем купе едут попки. Мне и то какую-то божескую книжонку всучить хотели.

В третьем купе ехало четверо тихих молодых парней. Скромно одетые, с ласковыми и внимательными глазами и мягкими манерами, они встретили Андрея кротко и учтиво. «Декларации» у них были уже заполнены по-русски, бисерным одинаковым почерком. Да и сами молодые люди показались Андрею удивительно похожими. В первый момент он мог их различить только по цвету волос, потому что даже причесаны они были одинаково — гладко, на косой пробор.

Вскоре, однако, Андрей заметил, какими разными были их лица, одинаковыми делало их лишь общее выражение какого-то постного, но хитрого спокойствия.

Андрей прочел их «декларации» и спросил:

— Господа говорят по-русски?

— О да, — ответил один из молодых людей, с черными как сажа волосами. — Хотя это и очень трудный язык.

— Тем приятнее, что вы его изучили.

— У нас многие его изучают, — сказал голубоглазый блондин, сидевший у окна.

— Где это у вас, если не секрет? — добродушно улыбнулся Андрей.

— В духовной семинарии. Мы студенты. Андрей оглядел их багаж и снова спросил:

— Какие печатные произведения вы везете?

Все четверо вынули из карманов пухлые книжечки в кожаных переплетах, на которых золотыми тисненными буквами было выведено по-русски: «Библия».

— Здесь и Новый и Старый завет, — пояснил зачем-то все тот же блондин и поспешно добавил: — у меня еще три, нет, даже четыре журнала.

Он вытащил из-за спины пачку сложенных вдвое, пестрых, тонких журналов. Андрей бегло проглядел их. Журналы были религиозные, на английском языке, изданные в Чикаго. Андрея удивило количество всякого рода девиц, фотографии которых, порой в позах самых легкомысленных, попадались чуть ли не на каждой странице этих журналов.

— Содержание статей, кажется, не всегда религиозное? — с улыбкой спросил он,

указывая на один из таких снимков.

— Это не наши вкусы, — потупив глаза, ответил блондин.

Андрей уже понял, что багаж придется досматривать, и предварительно спросил:

— Везете что-нибудь для передачи третьим лицам? По нашим законам это должно быть предъявлено для досмотра.

— Ничего... Мы ничего не везем... Мне нечего предъявить... Нет, нет, не везем... — тут же откликнулись все четверо.

Андрей попросил открыть один из чемоданов, самый большой и массивный, лежавший на верхней полке у стенки.

— О! А нам говорили, что советская таможня стала такой же либеральной, как и все другие в мире, — поднимаясь, улыбнулся черноволосый парень.

Андрей обратил внимание, каким тренированным, ловким движением, почти без усилий снял он тяжелый чемодан.

— Мы даже еще либеральнее, — усмехнулся Андрей, начиная перекладывать вещи в чемодане. — Мы, например, не сверлим отверстий в ваших чемоданах, как это делают в таможнях некоторых стран.

— Но в таких случаях они ищут золото. Это основа могущества любой страны! Андрей пожал плечами.

— Каждая страна бережет те основы, которые ей особенно дороги.

В этот момент он нащупал под слоем белья странно неровное дно чемодана и нажал пальцами на одну из неровностей. И, неожиданно прорвав мягкий картон, Андрей ощутил шелковистые корешки тонких книжек. Он с привычным уже спокойствием, не торопясь, переложил последний слой вещей, под ним показалось прорванное дно. Из-под неровного срыва желтоватого картона выглядывал уголок пестрой брошюры.

Андрей, все так же не торопясь, прорвал картон дальше и одну за другой вытащил из-под него целую стопу брошюр с броскими, как у комиксов, обложками. Все брошюры были на русском языке. Андрей мельком проглядел одну из них, она называлась «Христос разоблачает коммунистов».

Теперь только Андрей взглянул на молодых людей. Казалось, они нисколько не были смущены. На их скромных, словно потухших лицах не было заметно ни волнения, ни досады.

— Это книги особого рода, — спокойно и значительно сказал блондин. — Они не подлежат светской цензуре.

А рыжеватый парень, сидевший напротив него, таким же ровным тоном добавил:

— Мы рассчитывали, что свобода вероисповеданий у вас существует в действительности. Как и свобода всякой религиозной деятельности.

— Только для наших граждан, — покачал головой Андрей.

— Но мы смотрим на ваши дела, как...

— Вы наши гости. А гостям неприлично вмешиваться в дела хозяев, — строго сказал Андрей. — И уж совсем неприлично тайком провозить то, о чем вас открыто спрашивают.

И тут совершенно неожиданно для Андрея белобрысый парень вдруг заулыбался. Он весь светился весельем, и в этот момент казалось, что иным его лицо быть и не может. Улыбаясь, он сказал:

— Вы так строги с нами, господин таможенник. А между тем это так все невинно. Ведь религия не имеет границ. Разве нам нельзя общаться с нашими духовными братьями по вере?

Андрей терпеливо и очень вежливо ответил:

— Пожалуйста. Общайтесь. Но не вмешивайтесь, господа, в нашу жизнь. Эти книжки действительно особого рода, вы правы. Это же не религия, а политика. Притом враждебная нам политика. Вы меня понимаете? Поэтому прошу, господа: выньте сами из остальных чемоданов всю эту так называемую религиозную и прочую литературу.

В это время с другого конца вагона к купе подошли Валя Дубинин и еще один таможенник,

— Контрабанда? — спросил Дубинин.

— На этот раз якобы религиозная, — ответил Андрей.

Помедлив, Валька тихо сказал:

— Ну, брат ты мой, и задание же на меня свалилось — ахнешь.

— А что такое?

— Москва сообщила, — еще тише сказал Валька, — с обратным, на Берлин, в Брест прибывает некий мистер Вильсон.

Его просто распирало от желания поделиться новостью с другом.

— Ого! Неужели тот самый? Помнишь молодую англичанку?

— Именно! Ты представляешь? И если я у него ничего не найду... В общем до вечера Генка-то ведь сегодня приезжает?

— Ага.

— Так я зайду к тебе.

— Само собой.

Поезд медленно подходил к перрону Брестского вокзала. По вагонам уже шли пограничники, отбирая для проверки паспорта и визы. Они тоже зорко осматривали все вокруг, ища свою «контрабанду» — людей, нелегально пересекающих границу.

Поезд давно уже остановился, когда Андрей вышел, наконец, на перрон. За этот час или полтора словесной дуэли со студентами-семинаристами он устал больше, чем за весь обычный рабочий день. А вот они, по-видимому, совсем не устали. «Специально их там небось на это натаскивают, — с шутливой завистью подумал Андрей. — Да и четверо на одного как-никак». И все-таки он чувствовал удовлетворение от этой идеологической стычки, оттого, что не спасовал, что заставил этих молокососов оправдываться и извиняться. Приятно, ничего не скажешь.

Он вдруг представил, как расскажет об этом у Жгутиных, как скажет что-нибудь насмешливое Федор Александрович, как Нина Яковлевна непременно заинтересуется системой воспитания в духовных семинариях, а Светлана начнет спрашивать: «А страшно было, да? А ты боялся, что не ответишь, да?» Андрей по привычке представил себе это все так ярко, что невольно улыбнулся. И только потом вспомнил: ведь Федор Александрович в Москве. Черт возьми, что это за сигналы поступили туда? Неужели Валька прав?

Задумавшись, он медленно пересек наполненный пассажирами досмотровый зал и вышел в зал ожидания. Минуту помедлив, Андрей собирался уже направиться в комнату дежурного, но в этот момент к нему подошла худенькая старушка, вся в черном, и сварливо сказала:

— Ну, что же это за безобразие? Никто даже помочь не хочет. Совести у людей совсем нет. Ведь не молодая бегать тут.

— А что вам надо, мамаша?

— А то. Берлинский-то пришел? Пришел. А там племяш мой. Встретить мне его надо. Андрей улыбнулся.

— Ну, так и ждите его здесь. Туда нельзя, — он кивнул в сторону досмотрового зала и перрона, где стоял сейчас берлинский состав.

— Сама знаю, что нельзя. Но предупредить-то его надо, что тетка ждет? А то как раз разминемся. Сходи, сынок, вызови его, дурака.

Андрей, помедлив — уж очень не хотелось возвращаться, — все же согласился:

— Ну, давай уж, мамаша. Кого там вызывать?

— Слава тебе, господи, нашелся хороший человек, — обрадовалась старуха. — К вагону-ресторану подойди, сынок. Там директор. Вот ему и скажешь, мол, так и так, тетка тебя на перроне ждет, выйди к ней немедля. ..

При упоминании вагона-ресторана с Андрея как рукой сняло усталость. «Она ищет Юзека!» — с беспокойством подумал он.

— Ладно, мамаша. Сейчас, — ответил он как можно равнодушнее. — Вот только бумаги отнесу, — и кивнул на черную клеенчатую папку с «декларациями», которую держал

в руках.

Зайдя в комнату дежурного и плотно прикрыв за собой дверь, Андрей торопливо набрал номер телефона Ржавина. Незнакомый голос ответил:

— Скворцов слушает.

— Товарищ Ржавин еще не приехал?

— Никак нет. Кто спрашивает?

— Это Шмелев с таможни говорит, — досадливым тоном ответил Андрей.

— Товарищ Шмелев, я вас слушаю! Я же замещаю Геннадия Львовича. Я в курсе... А вас я прекрасно знаю...

Скворцов говорил обрадованно и сбивчиво.

— Да нет уж, ладно, — вяло отозвался Андрей. Но Скворцов не унимался.

— Может, чего еще с берлинским? Мы уже послали машину за Юзеком. Получили, наконец, санкцию на арест.

— Что?! — изумился Андрей. — Почему на арест? Скворцов самодовольно засмеялся.

— А потому. Опять контрабанда обнаружена. И еще какая! А главное, доказали, наконец, что это именно он провозил. Да вы-то чего звоните?

— Понимаете, — не очень охотно начал Андрей. — Тут какая-то старушка этого Юзека спрашивает.

— Кто такая?

— Тетка, говорит.

— А-а, тетка. Ну, вы ей ничего не говорите.

— Так ведь просит вызвать.

— Скажите, что не нашли. В город, мол, ушел. А я сейчас допрашивать его пойду. Это, знаете ли, очень серьезное дело.

Андрей улыбнулся: Скворцов, очевидно, не на шутку волновался.

— Ладно, так и скажу, — ответил он и повесил трубку.

«Значит, Семен нашел все-таки контрабанду, — подумал Андрей. — Молодец, ничего не скажешь». И так, с Юзеком покончено. Неужели теперь арестуют и Надю? Это же одна компания, вместе с Засохо, с Евгением Ивановичем. И еще, наверное, кто-нибудь в Москве у них есть. Потому, конечно, Ржавин и задержался. И тут вдруг Андрей вспомнил, что говорил ему однажды Ржавин еще в Москве, в гостинице. Он говорил про какую-то старушку. Надю и ее катал на машине тот самый шофер. Старушку!.. И Ржавин еще мечтал с ней познакомиться.

Андрей снова схватился за телефон и набрал знакомый номер. Как же Скворцов забыл про все это? Сейчас он ему напомнит...

Но телефон гудел равнодушно и бесконечно, а трубки там, в кабинете Ржавина, никто не снимал. И Андрей, наконец, понял: Скворцов ушел допрашивать Юзека. Он медленно опустил гудящую трубку на рычаг.

Что же делать? Как узнать, кто она такая, эта старушка? Неожиданно Андрей вспомнил: ведь у них на вокзале есть своя милиция! Надо только им все объяснить.

И он снова взялся за телефон.

Экспресс Москва—Берлин прибыл под вечер, и таможенный зал снова наполнился людьми. Носильщики подвозили на тележках все новый и новый багаж и сгружали его на овальный досмотровый стол.

Валя Дубинин, двигаясь, как обычно, от одного пассажира к другому, задавал стандартные вопросы и, бегло оглядев выставленные на стол чемоданы, подписывал «декларации». Но все внутри у него трепетало от нетерпеливого ожидания. Где же эта мордастая, холеная жердь, мистер Вильсон?

Чтобы увидеть его, Валька еще при подходе экспресса к Бресту прошел вместе с проводником по четвертому вагону, раздавая «декларации». В одном из купе сидел длинный худой англичанин с бульдожьим лицом и короткими рыжеватыми усиками.

— Провожавшие его все называли «мистер Вильсон, мистер Вильсон», — пояснил проводник. — Он и есть.

И вот сейчас Дубинин ждал появления Вильсона в досмотровом зале.

В дверях он заметил сутулую фигуру Шалымова, оставшегося сейчас за начальника таможни, и вспомнил его слова, сказанные утром:

— Не подведите, Дубинин. — И, заметив улыбку на Валькином лице, он обычным своим недовольным тоном добавил: — И побольше серьезности, побольше. Это служба в конце концов, а не игра в бабки.

«Что верно, то верно, — подумал Валька, наблюдая за Шалымовым. — Мистер Вильсон — орешек крепкий, это тебе не та наивная девочка». И он везет что-то, непременно везет! Но сразу досматривать его нельзя. Надо сначала за что-то зацепиться. Скорей всего он тоже везет советскую валюту. Но где? И Валька досадливо ответил себе: всюду может везти, всюду! Заранее ничего не определишь. Валька знал: многое решит та первая, короткая минута, когда он посмотрит на Вильсона, на его костюм, багаж, на его манеры, когда постарается определить его состояние, оценить его нервы.

Если человеку приходится все время сталкиваться с самыми различными людьми и от того, что он заметит в первую минуту их встречи, будет во многом зависеть успех его работы, то в этом человеке развивается особая, обостренная наблюдательность и умение мгновенно оценить увиденное.

Сначала это одежда, вещи пассажира. Потом — движения, интонация в разговоре, наконец взгляд, особенно — взгляд. По мнению Дубинина, он красноречивее всего и наименее поддается самоконтролю. По этому поводу Валька как-то прочел пространную лекцию Андрею. И присутствовавший тут же Ржавин иронически заметил: «Старик, не зарывай талант. На члена-корреспондента ты уже тянешь».

Вспомнив Ржавина, Валька усмехнулся. Но улыбка тут же сползла с его курного лица. В дверях зала появился Вильсон. Он огляделся и спокойно направился к досмотровому столу. За ним носильщик катил в тележке два чемодана и саквояж. У последнего мягкие стенки волнообразно припухли. «Наверное, что-то твердое лежит», — машинально отметил про себя Валька и принялся рассматривать журналиста.

Вильсон был в светлой, подбитой мехом шубе нараспашку и в высокой шапке из серого каракуля, сдвинутой на затылок. Лоб и отвислые розовые щеки блестели от пота — англичанин изнемогал от жары. Он, казалось, никого не замечал и смотрел равнодушно, даже чуть высокомерно поверх всех голов куда-то в пространство.

«Ишь ты, — неприязненно подумал Валька, — аристократизм свой демонстрирует».

Он подошел к вещам журналиста и взял его «декларацию». «Надо с чего-то начать», — опять подумал он, и взгляд его упал на саквояж.

— Прошу открыть.

— Я... плохо... понимайт... — улыбнулся Вильсон. Дубинин повторил по-английски.

— О, вы прекрасно знаете наш язык! — воскликнул Вильсон. — Это такой приятный сюрприз.

— Вы разве впервые у нас в стране?

— О нет. В четвертый, — и Вильсон для убедительности показал четыре пальца. — И вообще много скитаюсь по свету. Журналисты — бродячее племя. И опасное! Могу сделать вас знаменитым на весь мир! А могу написать такое, что вас завтра же уволят со службы, — он почему-то разболтался, хотя это, казалось, ему вовсе не свойственно. — Вот, например, скажите мне вашу фамилию. Вы славный парень! Семья у вас есть? Дети? Старушка мать тоже есть?

— Одну минуту, мистер Вильсон, — улыбнулся Дубинин. — Сначала я хотел бы узнать, что есть у вас.

Вильсон расхохотался.

— Великолпно! Моя семья?

— Нет. Ваш багаж. Вам нетрудно открыть вот этот саквояж? Да, да, прошу.

Дубинин уже давно почувствовал, что Вильсону чертовски не хочется открывать свой саквояж. «Даже припугнуть меня решил, — удовлетворенно подумал он. — Подумаешь — племя! А в какую-то точку я все же попал».

Наконец саквояж был открыт. В нем стояли, завернутые в салфетки, большие глиняные банки. Дубинин открыл одну из них. Она оказалась доверху наполненной черной икрой.

— Сколько килограммов всего? — деловито осведомился Валька и приподнял саквояж. — Чуть не двадцать, а?

Вильсон ответил с деланной веселостью:

— Что вы хотите? Подарки друзьям! О русская икра! Деликатес! Славится на весь мир! Не будьте мелочны, господин таможенник. Расстанемся друзьями. С журналистами надо дружить!

— Рискую, — с облегчением рассмеялся Валька. — Пропущу один килограмм. Остальное докупите в Лондоне, мистер Вильсон. Наша икра там есть, вероятно?

— Но там она стоит безумных денег!

— Так вы решили заработать на нашей икре? Но мы это делаем сами, мистер Вильсон. Это предмет нашего экспорта.

— Такая богатая страна! — не сдавался Вильсон. — Вы же всюду кричите об этом! И всем на свете помогаете! А тут жалкие двадцать килограммов икры!..

— Мы не кричим о своем богатстве, вы ошибаетесь. Хотя другим помогаем, это верно. Но не черной икрой. Хлебом. Машинами.

Вильсон решительно и зло махнул рукой.

— Ладно, господин таможенник. Берите икру и подписывайте «декларацию». Я пойду, наконец, в вагон. У вас тут невыносимо жарко.

— К сожалению, я вынужден вас немного задержать, — покачал головой Дубинин. — Придется осмотреть ваш багаж. Да вы снимите пальто!

Отвислые, холеные щеки Вильсона побагровели.

— Что-о?! Меня задержать?! Меня?! — закричал он, наливаясь яростью. — Да вы спятили, господин таможенник!

Люди оглядывались в их сторону, переговаривались между собой, кое-кто протискивался поближе.

— Вы же у нас четвертый раз, мистер Вильсон, — с поразительным для него спокойствием ответил Дубинин. — Вы ведь знаете наши таможенные правила. Может быть, пройдем в комнату дежурного, там нам не будут мешать? .

— Пожалуйста! Но это произвол! Вы еще обо мне услышите! О да, да! Проклятье!..

В комнате дежурного Вильсон без сил повалился на стул, а Дубинин занялся подробным осмотром его чемоданов. Белье, сувениры, бутылки с водкой, коньяком, матрешки, значки... «А вечером приезжает Генка, — вдруг подумал он. — Эх, и потрепемся же! Интересно, не забудет он учебник испанского? Ведь два раза, подлецу, напоминал...»

Дежурный между тем посмотрел на распаренного от жары Вильсона, то и дело стирившего со лба и щек струйки пота, и сочувственно сказал:

— Сняли бы вы шубу, господин. У нас тепло...

— Я не прошу проявлять заботу, — огрызнулся Вильсон.

«Почему он ее не снимает?» — подумал Валька и, чуть скосив глаза, бросил внимательный взгляд на шубу Вильсона. И ему вдруг показалось, что правая пола лежит не такими складками, как левая. Как будто...

В этот момент Валька обнаружил в чемодане большую плоскую металлическую коробку. Едва он взял ее в руки, как Вильсон раздраженно воскликнул:

— Можете не открывать! Здесь тоже икра! Тот самый килограмм, который вы согласились пропустить. Ведь вы согласились, я не ослышался?

Все это время у Вальки нервы были так натянуты, так чутко прислушивался он к каждому слову, к каждой интонации англичанина, что в последних его словах он сразу

уловил сквозь вполне понятную досаду еле заметную нотку испуга.

— Да, я согласился, — кивнул головой Валька. — Попрошу все же открыть.

— О, черт! — не выдержал Вильсон. — Вы напоминаете мне известную породу собак. Вцепившись, они уже не могут отпустить: судорога сводит челюсти.

Валька чуть натянуто засмеялся: он тоже устал от этого поединка.

— Они отпустить не могут, а я пока не считаю возможным. Да и ответственность у нас с ними разная.

— Он еще шутит, — буркнул Вильсон, тяжело поднимаясь со стула и в изнеможении скинув с себя шубу.

В банке действительно оказалась икра.

Но Дубинин на этом не успокоился. Из стола дежурного он достал чайную ложечку и стал аккуратно копать ею в коробке. Но, кроме икры, там ничего не оказалось. В последний момент чуткие Валькины пальцы ощутили, что ложечка слишком мягко скользит по дну коробки. «Пергамент», — подумал он, тот самый пергамент, края которого высывались и прикрывали икру сверху. «А что, если...» Валька попросил дежурного подержать коробку и, ухватившись за края пергамента, осторожно вытянул икру из коробки.

Вильсон, дернувшись, судорожно проглотил подкативший к горлу комок.

Все дно коробки было уложено советскими сотенными купюрами нового образца.

— На это я разрешения вам не давал, мистер Вильсон, — покачал головой Валька, еле удержав вздох облегчения. Он ощутил внезапную дрожь в пальцах и поспешно опустил сверток с икрой на стол.

Пока дежурный пересчитывал купюры, Вильсон стоял за его спиной.

Валька между тем устало опустился на стул. Ну вот, как будто и все. Скоро домой. Неожиданно он увидел свисавшую с другого стула шубу Вильсона.

— Здесь грязный пол, — громко сказал он по-английски и, нагнувшись, приподнял полы шубы.

В эти считанные секунды он почувствовал под пальцами сквозь слой материи ряд тонких и упругих пачек, вшитых вдоль нижнего шва правой полы.

— Коля, дай мне ножницы, — попросил Валька дежурного.

Вильсон обернулся.

— Проклятье... — яростно прорычал он. — Ну, погодите, господин таможенник. Вы меня еще вспомните.

Валька устало усмехнулся.

— Одно скажу: с работы меня за это не уволят.

Внезапно он подумал, как волнуется, наверное, сейчас Шалымов. И в «дежурку» он, конечно, специально не заходит, чтобы не стеснять Вальку, не связывать его инициативу и не создавать у Вильсона впечатления, будто случаю с ним придается какое-то особое значение. Молодец Шалымов, умница.

И впервые, может быть, сухой, ворчливый, вечно чем-то недовольный Анатолий Иванович показался Вальке очень близким и очень славным человеком.

Ржавин ввалился к Андрею в одиннадцатом часу вечера. Из-под расстегнутого пальто виднелась кожаная куртка на «молниях», в руках он держал чемодан.

Заметив через открытую дверь в комнату бутылку вина, он закричал Андрею:

— Ага! Молодец, старик! Налей и мне! Нет, погоди, я тебя сначала обниму!

Он трижды поцеловал Андрея и, обращаясь к улыбающейся Светлане, сказал:

— Мы сентиментальные мужчины, правда? Можно, на радостях я поцелую вас и еще вон ту рожу? — он указал на стоявшего в дверях Вальку.

— Можно, можно, — смеясь, ответила Светлана. — Даже ^нужно. Ой, мальчики! — она всплеснула руками. — Как все-таки замечательно, что мы опять вместе!

Она светила такой радостью, что Андрей, глядя на нее, вдруг подумал, как о чем-то совершенно несбыточном: «Если бы моей женой была она, какой бы это был друг!» И еще

он подумал, что она ведь красивая, как он раньше этого не замечал?

Ржавин перехватил его взгляд и усмехнулся.

— Пошли, пошли, — заторопил он. — Выпьем за самого счастливого из трех холостяков.

Он обнял за плечи Андрея и Светлану и запел:

Три холостяка пошли купаться в море,
Три холостяка резвились на просторе...

— А что потом? — спросил Валька. — Один из них утоп?

— Не совсем, — откликнулся Ржавин. — Но тонет, старик, тонет. Спасать его, Светка, а? Как думаешь?

Светлана озорно скосила глаза на Ржавина и тряхнула кудрявой головой.

— Пусть тонет!

Когда разлили по бокалам остатки вина, Ржавин торжественно провозгласил:

— Дорогие товарищи, друзья, дамы и господа! Я буду краток. Предметом сегодняшнего разбирательства является весьма удачная — я не боюсь этого слова! — поездка в столицу Андрея Шмелева и вашего покорного слуги. Таких мы там, братцы, щук переловили, что и не снилось! Они от жадности и на пустой крючок кидаются. Но мы им доброго живца подпустили.

Ржавин радостно блеснул глазами, и видно было, что он весь еще во власти недавних переживаний, что действительно успехом закончился его вояж.

— Кроме того, следует отметить, — тем же тоном продолжал он, скосив лукавый взгляд на Андрея, — одно счастливое для Шмелева событие в будущем, по поводу которого тут было сказано коротко и энергично: «Пусть тонет». Прения сторон считаю законченными, Шмелев от последнего слова отказался, и потому...

— Он будет краток! — саркастически заметил Валька. — Красноречие этих провинциальных юристов...

Ржавин свирепо уставился на него.

— Еще одно слово оскорбления в адрес Фемиды, и я тебя...

— Ах, так? Собираешься нарушать социалистическую законность?

Светлана весело постучала по столу.

— Мальчики! Как вы себя ведете?!

— А ты кто такая? — задиристо спросил Ржавин.

Светлана неожиданно покраснела, и Андрей, увидев ее смущение, но не понимая его причины, все же пришел ей на помощь и возобновил прерванный появлением Ржавина разговор.

— ...И точно вам говорю, эти попики ехали вовсе не для знакомства с нашей церковью. «Христианский союз молодых людей» — это прежде всего политическая организация и притом реакционнейшая.

— И это тоже надо знать таможеннику, — внушительно заметил Валька.

Андрей кивнул головой и посмотрел на Светлану.

Он уже несколько раз встречался с ней взглядом, и каждый раз при этом оба начинали вдруг, без всякого, казалось бы, повода счастливо улыбаться.

Неожиданно ход разговора изменился. Ржавин, посуровев, сказал:

— Допрашивал сегодня вашего Юзека. Цепочка-то начиналась в Москве, а кончалась на нем. Главные ее звенья теперь можно считать установленными.

— А польские товарищи нащупали продолжение этой цепочки у себя, — заметил Андрей. — Бжезовский рассказывал, когда приезжал.

— Выходит, — спросил Валька, — ты не с вокзала сюда, раз Юзека допрашивал?

— Нет, с вокзала я туда, — усмехнулся Ржавин, — а потом уже сюда. Кстати! — вдруг вспомнил он и обернулся к Андрею. — Толик мне сказал, что Юзека разыскивала какая-то тетка. Это верно?

Андрей загадочно улыбнулся.

— Нет, не верно.

— То есть как?

— А так, — и Андрей многозначительно добавил: — Нашлась, кажется, твоя старушка. Та самая...

— Старик! — закричал Ржавин. — Держи меня!

А то я начну опять тебя целовать! И Светку тоже!

Когда уходили, Андрей тихо спросил Ржавина:

— Ну как в Москве?

— Я же тебе говорю: богатый улов шук, а самая крупная из них — некий Евгений Иванович, твой подзащитный. И все, кроме него, уже дают показания и топят друг друга. Да как, ты бы видел! — усмехнулся Ржавин и, посерьезнев, добавил: — А вот мой пока в бегах.

— Засохо?

— Он самый, — и, неожиданно подмигнув, Ржавин добавил: — Ищем во всех городах, где у него связи есть. Но чует мое сердце... В общем попробуем потянуть теперь еще одну ниточку. Спасибо за старушку.

...Михаил Григорьевич Филин возвратился из Москвы в самом приподнятом настроении.

— Ну, мама, поздравь меня, — радостно объявил он с порога. — Я все-таки свалил этого старого подлеца.

Мария Адольфовна в черном, с белыми аппликациями халате еще пила утренний кофе. Увидев входящего сына, она величественно поднялась и поплыла ему навстречу. Пенсне гордо поблескивало на ее тонком, уже напудренном носу, на губах блуждала победоносная улыбка. Поцеловав сына, она сказала:

— Я была уверена, Мика. Его интриги ничем другим не могли кончиться. Ах, это было так низко!

Потирая заочечневшие от мороза руки — утро выдалось на редкость холодным, — Филин подсел к столу, и Мария Адольфовна налила ему кофе.

— Ну, рассказывай, дорогой, рассказывай. Боже, какой у тебя усталый вид!

— Ну, что тебе рассказывать? — помешивая сахар в стакане, ответил Филин, радуясь ее нетерпению. — Собралось все руководство и после короткого нашего сообщения — я говорил вполне лояльно — начали нас ругать.

— Вас? Обоих? Это же несправедливо!

— Тут надо понимать, — усмехнулся Филин. — Ругали нас обоих, даже, вернее, всю таможеню, но, по существу, имели в виду прежде всего его.

— Ну, ну, и что дальше?

— Припомнили все, о чем я докладывал. Особенно тот инцидент с «Волгой».

— Да, да, ты так возмущался этим случаем.

— Словом, досталось. Он, — Филин сделал многозначительное ударение на этом слове, — вдруг схватился за сердце. Раньше я этого не замечал. Малов уж ему воды налил.

— Сам налил?

— Ну и что? Во-первых, не помогло. Отправили срочно в гостиницу, врача вызвали, еле отлежался. А потом сам же Малов заявил, что здоровье, мол, вам не позволяет, надо идти на отдых, мы ценим ваши заслуги.

— Ты же понимаешь! — саркастически заметила Мария Адольфовна. — Его заслуги! Филин досадливо махнул рукой.

— Этот Малов тоже порядочный слюнтяй. Но Капустин...

— Вадим Павлович?

— Да. Он прямо сказал, что, мол, товарищ Жгутин с работой не справляется. Нужен

человек молодой, энергичный, твердый.

— Словом, такой, как ты?

— Он в общем на это и намекал.

— И что же решили?

— Окончательно еще не решили. Пока я буду исполняющим обязанности. Но ко мне отнеслись превосходно. Даже Воловик — ты ведь знаешь этого типа? — так вот, даже он голосовал «за».

Мария Адольфовна сияла от радости и гордо поглядывала на сына.

— Знаешь, Мика. Ты год или два поруководишь таможенной, а потом мы, бог даст, переберемся в Москву. Как ты полагаешь?

— Смотря что мне предложат. На малое я не соглашусь.

— О, ты далеко пойдешь. Ты человек незаурядный, — Мария Адольфовна осторожно провела рукой по его голове. — Но только, Мика, надо всегда думать о здоровье. Сейчас приляг, отдохни.

— Что ты! Два дня таможня без руководства. Мало ли что...

— Ах да! — вдруг вспомнила Мария Адольфовна. — Какая я стала рассеянная. У меня был Семен. Милый юноша.

— Ну, ну. Что он говорил?

— Он задержал крупную контрабанду вчера. У Юзека.

— Молодец! Теперь я смогу повесить этого парня. Филин допил кофе, потом нежно поцеловал мать и направился в переднюю.

— Мика, сегодня холодно. Возьми серое кашне! — крикнула ему вдогонку Мария Адольфовна. — И застегни ворот.

— Хорошо, хорошо.

В этот день Филин уже вполне официально перебрался в кабинет начальника таможи. После этого он приказал вызвать к себе всю дежурную смену.

Когда кабинет наполнился людьми, Филин хмуро объявил:

— Прошу учесть, товарищи, что с сегодняшнего дня многое изменится в нашей работе. Я не товарищ Жгутин и не допущу либерализма! Пусть не рассчитывают на это некоторые товарищи. Я их поставлю на свое место. Я знаю, кое-кого не устраивает мое назначение. Но им придется перестроиться! Да, да, придется!..

Все молча слушали. Андрей переглянулся со стоявшим рядом Дубининым. Валькин гневный взгляд как бы говорил: «Видал, что делается? Это как называется, а?..» Андрей еле заметно пожал плечами. «Черт знает что».

Закончив свою речь, Филин сказал:

— Товарища Буланого прошу остаться. Остальные свободны.

Таможенники один за другим поспешно вышли из кабинета. И каждый, очутившись в коридоре, невольно с облегчением вздохнул. Тут же начался обмен первыми впечатлениями.

— Ну и ну, — еле сдерживаясь, произнес Валька. — Начальничка подсунули. И хотят, чтобы я, например, молчал?

Шалымов осторожно заметил:

— Положим, это еще не начальник... Его перебил другой таможенник:

— А может, братцы, сверху все-таки виднее? Валька зло скосил на него глаза.

— Виднее? Это еще как сказать! Я, например, своим зрением доволен. И молчать не собираюсь! Начальничек! И при нем такой тип, как этот Буланый. Опора, так сказать! Правая рука!

— Надо написать в Москву, — предложил Андрей, — Малову. Это же отличный человек.

— Хлопцы! Аида в «дежурку»! — загорелся Валька. — Коллектив — дело великое! Обмудруем!

Все прошли галерею над досмотровым залом и, спустившись по лестнице, набились в маленькую комнату дежурного. Тут обмен мнениями продолжался уже свободнее.

— Вы, как всегда, горячитесь, Дубинин, — недовольным тоном сказал Шалымов. — Мнение коллектива — это, конечно, серьезно. Но...

— Его даже в партбюро не выбрали! — выпалил Валька. — Это что, по-вашему?

— Вот я и говорю, — морщась, продолжал Шалымов. — Это серьезно. Но кто вам сказал, что все уже решено?

— А зачем ждать, пока все будет решено? — поддержала Вальку член партбюро Тоня Струмилина. Шалымов пожал плечами.

— В таком случае давайте поговорим с Логиновым.

С его предложением согласились все и тут же решили, что к секретарю горкома пойдут Шалымов, Тоня Струмилина и Дубинин.

Валька после этого еще что-то продолжал доказывать Тоне, рядом Андрей спорил с проффоргом Сеней Марковым.

— Почему мало внимания, почему? — взволнованно спрашивал Сеня. — Ты знаешь, какой сейчас месяц? А мы ему цветы отвезли! И вообще...

Между тем Шалымов позвонил в горком.

— Пусть нас запишут на прием хотя бы на завтра! — крикнул ему из своего угла Валька.

Но через минуту, несмотря на шум и гам, царивший в дежурной комнате, все вдруг услышали непривычно взволнованный голос Шалымова:

— Нам же его в начальники прочат! А вы сами знаете, что это за человек! Это будет неправильное решение, Леонид Владимирович!

И сразу смолк шум: Шалымов говорил с Логиновым.

— Неправильное, — повторил Шалымов и вдруг неожиданно для всех усмехнулся. — Вот это другое дело, Леонид Владимирович! А басню эту я помню! Тут мы все согласны!

И он снова усмехнулся.

— Дело будет, — удовлетворенно констатировал Валька.

— Завтра, товарищи, идем в горком, — строго сказал Шалымов, положив трубку.

...А в это время Филин, расхаживая по кабинету, самодовольно говорил Буланому:

— Вот вам еще одно доказательство, Семен, что принципиальность и понимание момента дают всегда нужные плоды. Да, я написал рапорт в Москву. Вы, наверное, об этом слышали?

— Очень... очень мало, Михаил Григорьевич. Так, знаете, краем уха, — замявшись, ответил Буланный.

Филин подметил его смущение и снисходительно усмехнулся.

— Краем уха, говорите? Допустим. Так вот, это был принципиальный и, надо сказать, смелый документ. Сейчас я не боюсь это говорить. Вы понимаете? — Конечно, Михаил Григорьевич.

— Итак, Семен, — продолжал Филин, который упивался своей победой и чувствовал потребность высказаться, — через месяц вы получите старшего инспектора и будете начальником смены. Вчерашний ваш успех подоспел очень ко времени. Поздравляю.

— Спасибо, Михаил Григорьевич. За все спасибо.

— Уверен, что мы сработаемся. Да! А как тут Шмелев? Он ведь тоже вчера отличился. Как он?

— В своем репертуаре, — кисло усмехнулся Буланный. — Меня, например, он просто игнорирует.

— Ах, так? Ну, не долго, не долго.

— Если бы...

— Это я вам говорю, — многозначительно поднял палец Филин. — Он будет в вашей смене. Но все же мой вам совет: как-нибудь замажьте ссору. Лишние враги ни к чему.

Филин, наконец, отпустил Буланого, пригласив его вечером на чай.

— Мария Адольфовна вам всегда рада.

В тот день таможенно лихорадило. Люди работали неохотно, раздраженно, и лишь

профессиональная привычка заставляла их с обычным вниманием оформлять багаж пассажиров, спокойно разговаривать с ними, объяснять, давать советы, наконец строго, но вежливо запрещать что-то. Но не было в их работе той особой чуткости и наблюдательности, которые только и придавали ей подлинно творческий характер.

Веселым в этот день был, пожалуй, только Буланый. Столкнувшись с Андреем, он самым дружелюбным тоном спросил:

— А ты не находишь, что худой мир лучше доброй ссоры?

— Не нахожу.

«Теперь он мне завидует», — усмехнулся про себя Буланый.

— Что ж, пожалеешь.

— Ну, ну, — покачал головой Андрей. — Зачем меня пугать? И вообще тебе не мешало бы подумать, Семен, как жить без подлости. Это очень плохо кончается в наше время.

Буланый метнул на него косой взгляд, но промолчал.

Они столкнулись после конца работы у выхода из вокзала. Андрей подждал Вальку Дубинина, чтобы вместе идти к Жгутиным.

Дверь им открыла Светлана. Она была в брюках и домашней кофточке навывпуск.

— Папа опять лежит, — грустно сказала она. — Опять с ним... В общем заходите.

Валька прошел вперед, а Андрей, задержавшись, взял девушку за руку.

— Ты что, Светка, а? Она опустила голову.

— Папу жалко...

— У тебя отец, которым гордится вся таможня, — строго и медленно сказал Андрей. — Его не надо жалеть. Его надо беречь.

Светлана подняла голову. Губы ее дрожали.

— Я знаю, Андрюша. Я же... все знаю.

Андрей, чувствуя, как грудь его переполняется нежностью к этой девушке, осторожно и ласково провел рукой по ее голове.

— Кто знает, Светка, все? И я не знаю. И ты не знаешь. Никто. А вот верить... Давай верить, а? Светлана слабо улыбнулась.

— Во что?..

— В самое-самое лучшее..

— Давай...

...Поздно вечером, когда Мария Адольфовна, зевая, улеглась в постель, Филин вызвал Москву.

Когда, наконец, ответил далекий голос Капустина, Филин весело сказал:

— Привет, Вадим Павлович. Не разбудил?.. А-а, ну, хорошо. Хочу узнать новости. Говорил?.. Та-ак, И когда же это будет видно?.. Так Малов сказал?.. Ничего себе. Вы же сами связываете мне руки!.. Что, что?! Да это такая же квашня, как наш бывший... Вы что, всюду таких понатыкать хотите?.. Я не нервничаю. Просто, знаешь, обидно. Слушай! Ведь ты же не пешка! Ты можешь в конце концов... Та-ак. Понятно. Ну, привет.

Филин повесил трубку и задумался, уставившись в одну точку. Лицо его еще больше обострилось, брови сурово сошлись на переносице.

За его спиной раздался встревоженный голос Марии Адольфовны:

— Что он тебе сказал, Мика? Филин неохотно повернулся, взглянул на мать и, вздохнув, ответил:

— Не утвердили меня еще. Должны были, а не утвердили.

— Ах, все будет хорошо. Иди спать. Филин покачал головой.

— Все хорошо уже никогда не будет, — и он неожиданно зло скрипнул зубами.

Дом был деревянный, двухэтажный, с темным подъездом и широкой скрипучей лестницей. Как ни странно, он имел и «черный ход».

В самом дальнем конце квартиры, за кухней, коридор упирался в небольшую дверь. За

ней оказалась узкая, захламленная лесенка, прямая, без площадок, к ней вплотную примыкала наружная стена дома из тонких досок. Видно было, что лестница эта и стена за ней сооружены много позже, чем сам дом. А выходила лестница на небольшой задний дворик, окруженный сараями. Между двумя сараями был проход, кончавшийся забором с выломанной доской. Дыра эта вела в соседний большой двор, ворота которого выходили уже на другую улицу.

Все это Засохо успел детально изучить в первый же день своего добровольного заточения. На улицу он выйти не осмеливался, но дворы позволил себе обойти, правда вечером, когда уже достаточно стемнело.

Днем же он обследовал квартиру и тоже остался доволен. Заваленный рухлядью, неосвещенный коридор создавал для постороннего человека почти неодолимую преграду. В большой, набитой мебелью комнате можно было легко остаться незамеченным.

Спал Засохо в дальней комнате, поменьше. Единственное окно выходило на двор.

В первый день своего приезда Засохо до вечера без сил валялся на постели, временами забываясь в дремоте, но тут же со стоном пробуждаясь. Он неотступно видел перед собой окровавленное лицо Евгения Ивановича и слышал его мычание, а то вдруг появлялся Афоня. Засохо видел оскал на его багровом лице и воздушно-седой хохолок. Афоня визжал: «Так его!.. Ничего, ничего, потом подотрем, бей!»

Засохо со стоном открывал глаза и в страхе озирался по сторонам. Потом он щупал карман. Там лежал пистолет Евгения Ивановича. И тяжелый, холодный предмет этот успокаивал его.

— Пусть только попробуют... Пусть только сунутся... — вслух бормотал он.

На второй день он твердо решил написать в Москву. Не жене пока, нет — Афоне, и не домой, конечно, а до востребования. Засохо мучила неизвестность. Он сбежал из Москвы так стремительно, что сейчас ему было даже стыдно вспоминать об этом.

Хотя в то же время какое-то предчувствие говорило ему, что он поступил правильно.

На первое время Засохо решил скрыться у единственного человека, в преданности которого не сомневался. Здесь он чувствовал себя в относительной безопасности.

Больше всего его пугало то, что Евгений Иванович остался жив. Это таило в себе угрозу в сто раз большую, чем арест, чем разоблачение и суд. Потом еще эта история с Павлушей. Что за сумасшедший парень! Но, может быть, он все-таки остался жив? Это тоже следовало проверить.

В конце дня Засохо, наблюдая из окна большой комнаты за улицей, заметил вышедшего из-за угла человека, удивительно напоминавшего ему кого-то. Когда человек приблизился, Засохо чуть не вскрикнул. Это был Павлуша. Он шел задумавшись, лицо его было озабоченным. Внезапно сосредоточенный взгляд Павлуши на миг скользнул по окну, за которым притаился Засохо, и Артур Филиппович почувствовал, как от волнения и страха ладони у него стали мокрыми от пота.

В ту ночь Засохо не сомкнул глаз. Он беспокойно ходил из угла в угол по маленькой комнате — пять шагов туда, пять — обратно, — и вдруг начинало казаться, что он ходит по тюремной камере и ему уже вечно предстоит так ходить. От этих жутких мыслей лоб покрывался испариной и сердце вдруг начинало то суматошно метаться в груди, то замирало леденя. Засохо подбегал к столику, капал лекарство, потом валился на постель и со страхом ждал чего-то.

Так прошла ночь. А наутро Засохо твердо решил уезжать. И какая только нелегкая занесла его в этот проклятый город! Не-ет, больше он тут не появится. Все. Хватит. И никому не посоветует.

Когда он вышел из своей комнаты, Полина Борисовна всплеснула руками:

— Милый ты мой! Да на кого же ты похож?!

Засохо подвинулся к зеркалу. В нем отразилось желтое, измятое лицо с фиолетовыми мешками под глазами, а в измученных глазах стояла такая тоска, что хотелось кричать. «Черт знает что, — подумал Засохо, — надо взять себя в руки».

— Ну, ну, сейчас вы меня не узнаете, — с наигранной бодростью ответил Засохо. — Вот умоюсь, побреюсь...

Во время бритья Засохо торопливо соображал, как ему лучше уехать, куда и каким поездом. Днем уезжать было опасно. А вечером, он знал, уходили два поезда: в десять часов — на Ленинград, в одиннадцать — на Киев. Пожалуй, надо ехать в Киев, там по крайней мере есть у кого остановиться.

Засохо продолжал обдумывать свой отъезд и за завтраком. Его беспокоило, что еще целый день он будет вынужден провести здесь.

— Что с Надькой делать? — спросила Клепикова. — Задумываться баба начала.

— Плевал я на нее.

— Легко тебе плевать. А мне здесь жить. О господи! Неужто не кончится это никогда?

— Это что же?

— Да власть эта проклятая. Ведь как раньше-то на контрабанде жилось! Вспоминать силушки нет. Выть хочется.

— Вой. Может, легче будет.

— Только и остается. Зубов уж нет, кусать не могу, — и с досадой закончила: — а Надька вот задумывается, стерва.

Засохо подумал об Огородниковой. Неужели она стала «задумываться»? Все идет вверх дном, все надо бросать. Забиться куда-то, выждать. Деньги есть. Ну, а потом... потом обстановка подскажет, где вынырнуть. Во всяком случае, «задумываться» он не собирается, не на такого напали. Пусть перевоспитывают мальчиков и девочек, а его поздно. И он злобно подумал: «Страна... Деньги есть — скрывай, голова на плечах есть — тоже скрывай... У-у, проклятая...» И он почему-то снова ощутил тяжесть холодного металла в кармане.

— Вот что, — сказал после завтрака Засохо. — За билетиком надо сходить.

— Неужто уезжать надумал?

— Именно. Но скоро вернусь, — на всякий случай добавил он.

Когда Клепикова ушла, Засохо долго ходил по квартире, тяжело сутулясь, заложив руки за спину и шлепая спадавшими с ног старыми туфлями. Иногда он подходил к окну и, стараясь быть незамеченным, смотрел на улицу.

В каждом прохожем Засохо искал теперь врага и заранее ненавидел его. Кто бы ни шел по улице — мужчины или женщины, старые или молодые, все сейчас казались ему врагами, и он, прищурясь, внимательно наблюдал за каждым их движением, за каждым взглядом.

Потом вернулась с билетом Клепикова, и Засохо стал подробно расспрашивать ее, кого она встретила возле дома, на улице и на вокзале. Клепикова отвечала односложно. Она тоже была встревожена.

День тянулся изматывающе долго. Наконец сумерки ступились, зажглись уличные фонари. Но это было еще только начало вечера, до поезда оставалась уйма времени, часа четыре. А Засохо решил появиться на вокзале за полминуты до отхода поезда, не раньше.

Внезапно в передней позвонили.

Засохо стремглав выскочил из своей комнаты, сорвал с вешалки пальто, шапку и устремился к задней двери, около кухни.

— Теперь открывайте, — шепнул он оттуда Клепиковой, прижимаясь к стене и нащупывая в кармане пистолет. «В случае чего выстрелю! — в смятении подумал Засохо. — Но не дамся! Пусть только попробуют! Выстрелю!»

Старуха между тем зажгла тусклую лампочку в коридоре и, подойдя к двери, громко осведомилась:

— Кого надо?

— Вас, Полина Борисовна, — раздался чей-то молодой голос из-за двери. — Это Сережа. Трубы проверить надо. У Сапожниковых течет.

Сережа был слесарь домоуправления, Клепикова его хорошо знала. Тем не менее она, не снимая цепочки, приоткрыла дверь и, убедившись, что перед ней действительно Сережа,

проворчала:

— Ну, сейчас, сейчас. Нашел время...

Весело посвистывая, Сережа, шуплый паренек лет девятнадцати, в измазанном полушубке, осмотрел батареи в большой комнате, потом перешел в маленькую. Полина Борисовна неотступно следовала за ним. Войдя в маленькую комнату, она сразу же увидела саквояж Засохо, стоявший у постели. От испуга Полина Борисовна почувствовала на миг дурноту и оперлась рукой о стол. Но она тут же пришла в себя и ворчливо сказала:

— Вон там, там погляди...

Она заставила Сережу протиснуться между окном и столом и, пока он там копался, ногой далеко задвинула саквояж под кровать.

Вскоре Сережа ушел.

Однако не успел Засохо выбраться из своего угла, как в передней снова позвонили.

На этот раз оказалось, что пришел управдом. В знакомом его голосе Клепиковой послышались какие-то необычные, напряженные нотки. Но разобраться было некогда, и она открыла дверь.

В прихожую быстро вошел, отесняя низенького управдома, высокий, худой парень в кожаном пальто и сухо спросил:

— Где ваш жилец? Поговорить надо.

— Какой еще жилец? — громко переспросила Клепикова.

Парень усмехнулся.

— Вы, мамаша, можете не кричать. Он и так нас слышит. Скворцов! — позвал он, не оглядываясь.

Клепикова услышала, как в дальнем конце квартиры раздался легкий шум. «Дверь открывает», — догадалась она и, чтобы протянуть время, сказала:

— Верно, был у меня жилец. Только съехал. А недавно...

— А ну, тихо, — вдруг остановил ее парень и прислушался. Потом крикнул своему помощнику: — Там он, Толик! Быстро!

Оттолкнув Клепикову, он сам первым бросился по коридору к кухне.

И тут вдруг грохнул выстрел. Пуля с визгом чиркнула где-то под потолком. Клепикова слабо взвизгнула, побледнел и прижался к стене управдом.

В конце темного коридора грохнул еще один выстрел, потом еще... Стукнула дверь, затрещала лестница под какой-то стремительной тяжестью. Потом, уже глухо, трахнул еще один выстрел; кто-то крикнул: «Стой!.. Стой, сволочь!..» И в квартире воцарилась тишина.

Клепикова и управдом испуганно переглянулись.

Управдом сказал:

— Ну, знаете ли, гражданка Клепикова... Это мы так не оставим... Общественность, знаете ли...

Между тем во дворе, около сараев, Ржавин, прижимая ладонь к виску, возбужденно говорил двум сотрудникам:

— Ну, как он ушел, я спрашиваю? Ведь кругом сарай.

— Здесь вот щель, — виновато ответил один из сотрудников. — В другой двор ведет.

— Щель?! Да как же ты днем смотришь?.. О черт!..

Последнее восклицание относилось к ране, которую Ржавин прижимал ладонью. Пуля содрала кожу на виске, и кровь текла ручьем, Ржавин уже не мог с ней справиться.

— Ладно, — сказал он досадливо. — Далек этот гад все равно не уйдет. Первым делом надо закрыть выходы из города. Особенно вокзал. Давай в машину.

...А Засохо чуть не бежал по темному переулку, пробираясь к вокзалу. В каком-то дворе он выбросил в помойку пистолет. Теперь для Засохо главное было — выскочить из города как угодно, на любом поезде. Именно на поезде, смешавшись с сотнями пассажиров. Это безопаснее всего. А потом он сойдет на первой же станции. Только бы выбраться из города, пока не поднялась тревога.

На плохо освещенной привокзальной площади среди суетящихся людей Засохо

почувствовал себя в относительной безопасности. Он отдышался и стал приглядываться к окружающим, соображая, у кого бы спросить, когда и куда отходит ближайший поезд. Лучше всего было отыскать носильщика или любого другого служащего. Но никого из них поблизости Засохо не видел, а идти ради этого на вокзал он боялся.

Но вот Засохо различил в толпе невысокого, плотного паренька в форме таможенника. «Этот должен знать», — решил он. И когда паренек поравнялся с ним, Засохо спросил:

— Не скажете, какой сейчас поезд отходит?

— Какой поезд? — переспросил парень, останавливаясь. Потом он взглянул на свои часы. — Девять пятнадцать... Через пятнадцать минут отходит вюнсдорфский, на Москву. А вам какой нужен-то?

— Мне... — Засохо помедлил соображая. — Мне... на Ленинград.

— А-а... Этот еще не скоро. Почти час ждать. В это время где-то рядом раздался возглас:

— Дубинин! Ну, что же ты?

— Да вот товарищ спрашивает... — ответил парень, оглядываясь.

За ним невольно оглянулся и Засохо. К ним подходил Андрей Шмелев. И Засохо вдруг встретился с его удивленным взглядом.

— Это вы? — спросил Андрей.

— А это вы?.. — натянуто улыбнулся Засохо.

— Постойте, постойте. Но ведь вы же должны быть в Москве?

Засохо усмехнулся.

— Почему вы так решили?

— Ну как же, — заволновался Андрей, — вы же... мне... мне Надя говорила.

— Мало ли, что она скажет. — Засохо небрежно махнул рукой и добавил: — Ну, не смею задерживать.

Андрей, помедлив, вдруг решительно сказал:

— Извините, но нам надо поговорить.

— В другой раз. Сейчас спешу. Привет Наде. Засохо повернулся, чтобы уйти, но Андрей взял его за рукав пальто.

— Да погодите же... .

Засохо резко выдернул руку и раздраженно сказал:

— Говорю вам, мне некогда. И не хватайте! Андрей угрюмо преградил ему дорогу.

— Пойдемте и поговорим. Я вас прошу.

— Да что вы ко мне пристали! Хулиган!.. Смотрите, граждане!.. Да что же это такое!

Засохо кричал скандальным, плачущим голосом. Вокруг начала собираться толпа.

— А я вас прошу... — твердил Андрей, не зная, на что решиться.

Из толпы раздались негодующие возгласы:

— Чего хулиганишь!..

— Да пьяный он!

— Смотри, к какому солидному пристал... .

— А ну, разойдись!

Дубинин еще не успел сообразить, в чем дело, и вмешаться, когда увидел, что Андрей оттолкнул от себя каких-то двух мужчин и, развернувшись, вдруг с силой ударил незнакомца. Тот повалился на землю.

Толпа отхлынула, и Валька рванулся вперед.

— Андрей, что ты делаешь?!

Тяжело дыша, Андрей навалился на своего противника и крикнул Вальке:

— Милицию зови! Скорее!

При этом возгласе толпа онемела от изумления, и уже никто не решился вмешаться в непонятную драку.

А потом в комнате милиции появился Ржавин. Он грубовато обнял Андрея и сказал с обычной своей иронией:

— Не ожидал, старик, такого хулиганства. Оказывается, характер у тебя — дай боже.

— Все нормально, — заметил Валька. — Эта гнида запомнит наш Брест. И другим расскажет. Чтобы повадно не было.

Андрей вдруг увидел под шапкой у Ржавина узкую полоску бинта.

— Это еще что такое? Опять?

— А! — махнул рукой Ржавин. — Не налажена у нас еще охрана труда.

Друзья переглянулись, и Валька сказал: — Есть предложение. Раз уж встретились...

— Вечером соберемся у Шмелева? После всех переживаний? — весело осведомился Ржавин. — Что ж, старики, дело. Там и поужинаем. Сбор через час, а? Голоден я, как зверь.

— Успеем, — согласился Андрей, прикинув в уме, откуда быстрее можно позвонить Светлане.